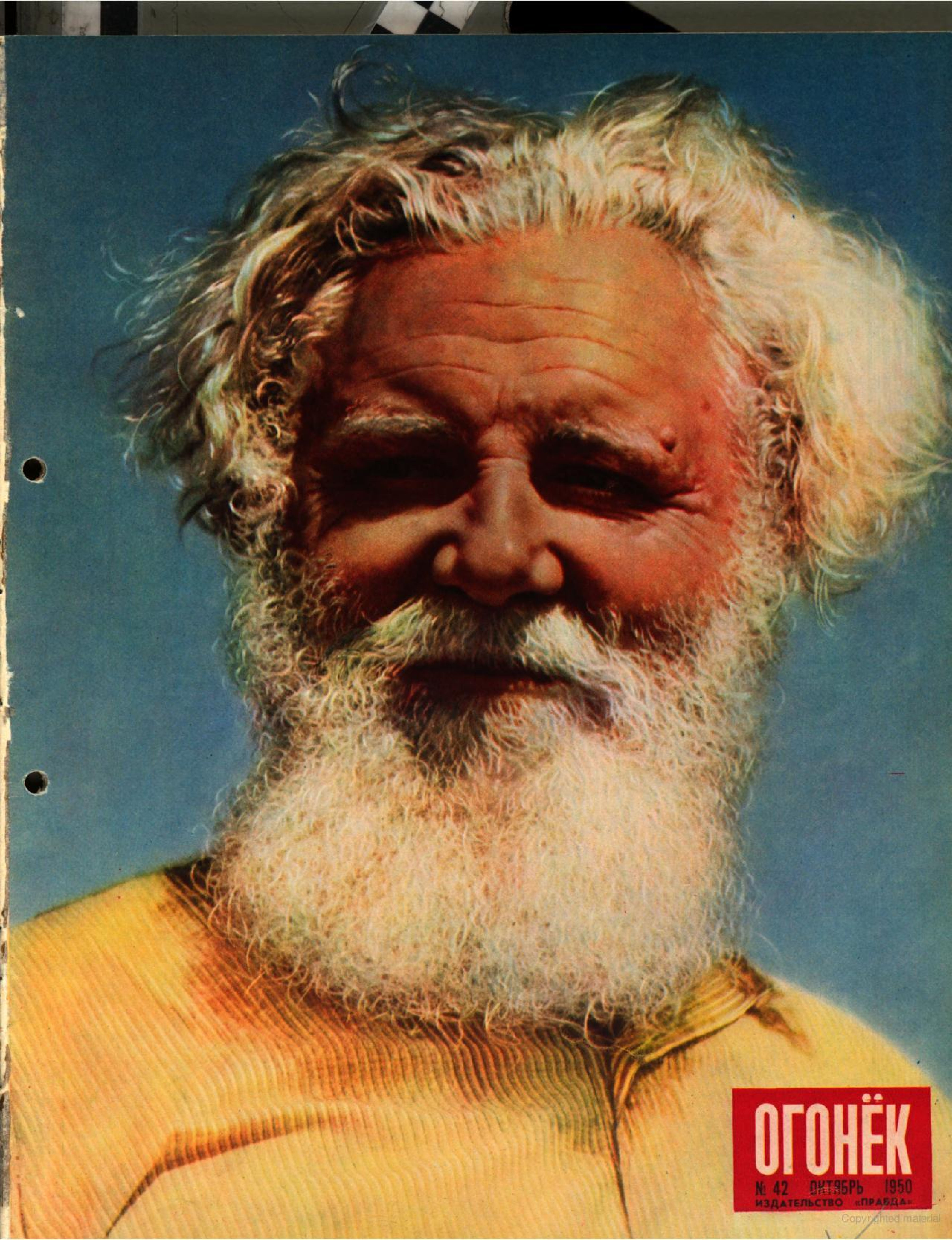
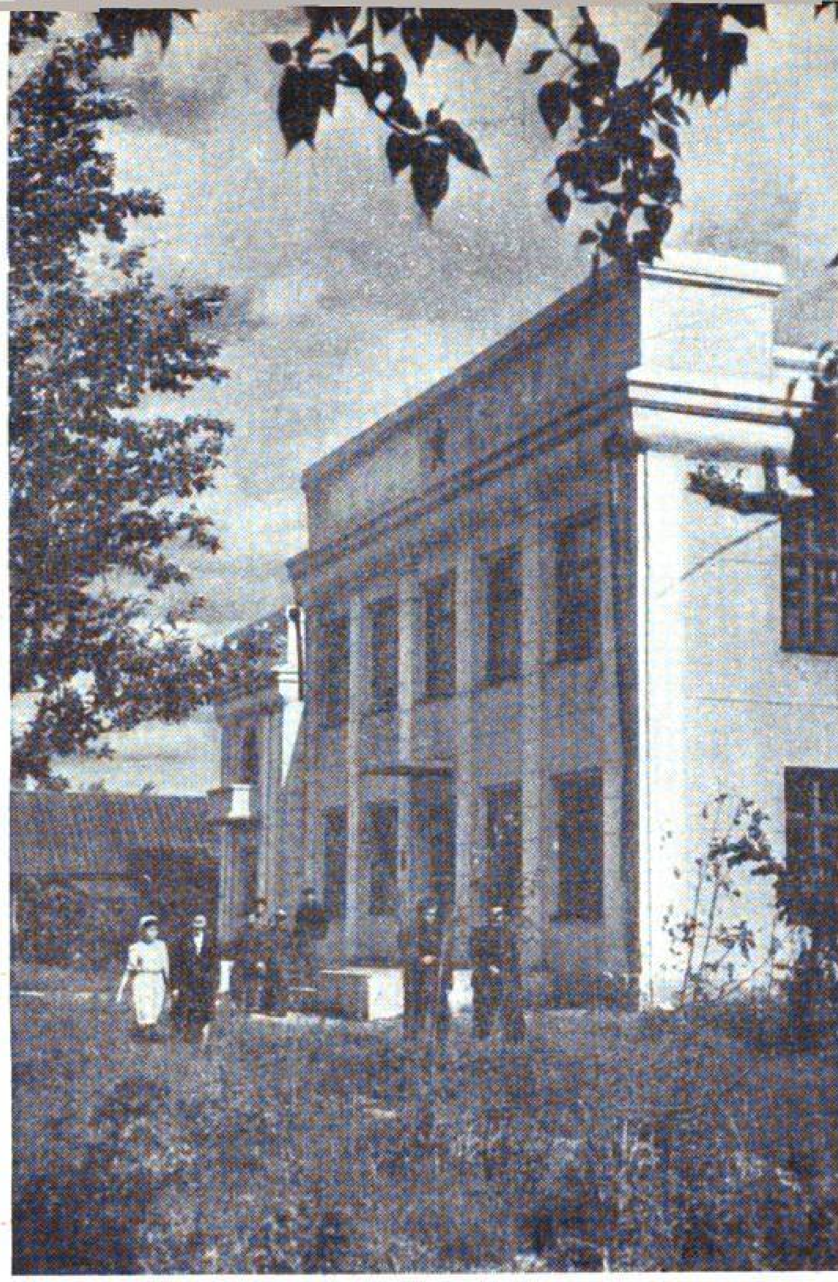


Copyrighted material



Столица Хакасской автономной области город Абакан: Дом Советов (вверху слева), средняя школа (справа). Внизу: хакасские педагоги — заочники учительского института (слева направо): М. Н. Тохтабин, В. Н. Шоева, Е. Н. Котюшева, Е. Т. Тартыгашева и Н. С. Тенашев.

Фото М. Савина

На первой странице обложки: Анатолий Яковлевич Пантелеев, директор опытной станции орошаемого земледелия Хакасской автономной области.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: На Москве-реке.

Фото И. Шагина

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

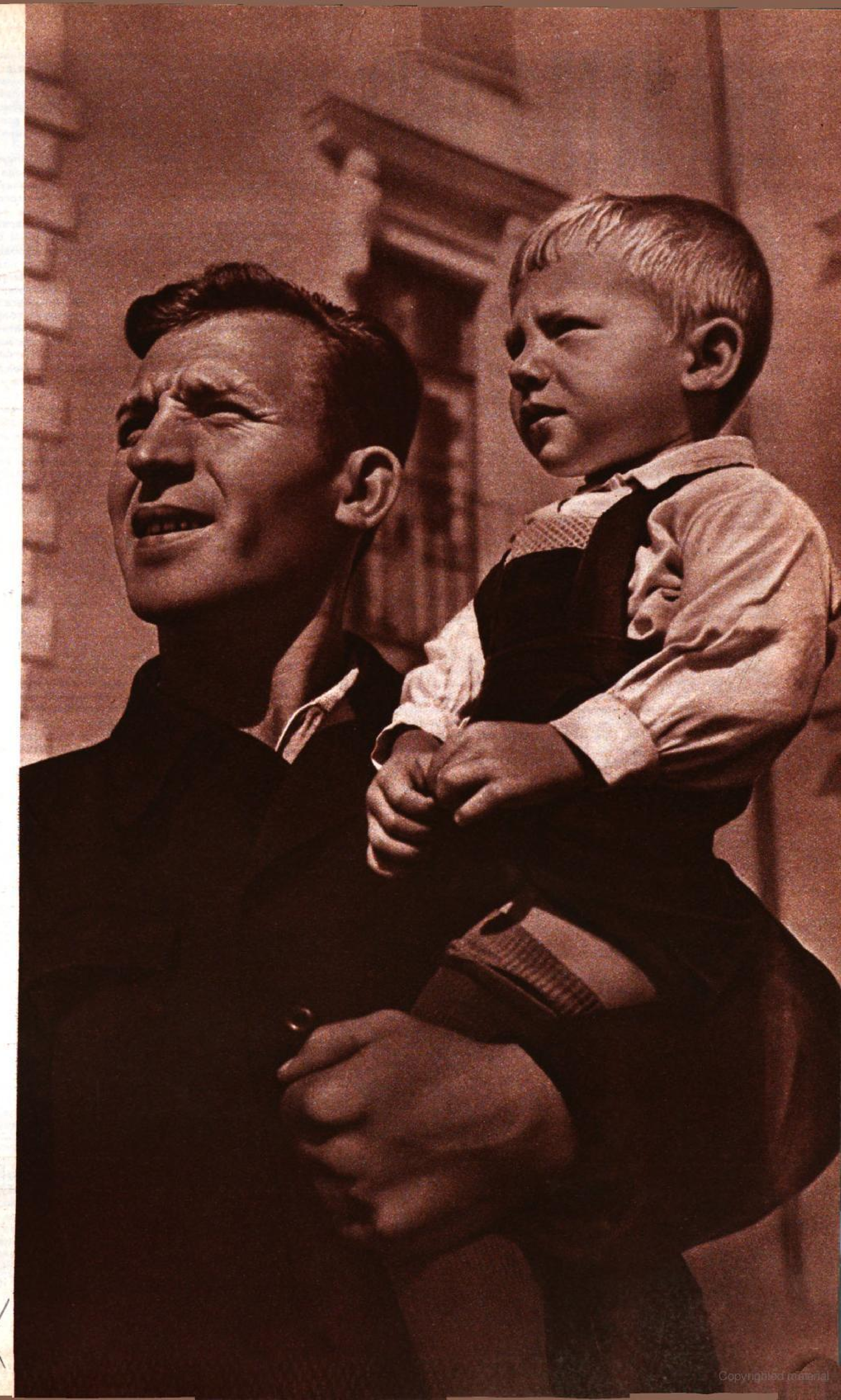
ОГОНЁК

№ 42 (1219)

15 ОКТЯБРЯ 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания



16 октября в Москве открывается вторая Всесоюзная Конференция сторонников мира.

Металлурги Магнитогорского комбината имени И. В. Сталина послали своим делегатом на конференцию лучшего сталевара Владимира Александровича Захарова.

На снимке: В. А. Захаров со своим сыном Шуриком.

Фото Дм. Бальтерманца

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

На историческом счету всемирного движения сторонников мира записаны уже многие славные победы. Памятными датами и приобретшими особый смысл именами городов отмечено великое шествие народов к заветной цели — к обеспечению длительного и прочного мира, к сотрудничеству и дружбе народов.

Август 1948 года. Польский город Вроцлав.

Конгресс представляет собой разнородную картину послевоенной международной интеллигенции. Собрались ученые, писатели, художники. На трибуне люди, известные всему миру. В их речах страсть, негодование, решимость положить конец истребительным, империалистическим войнам. Выступают коммунисты, социалисты, священники, буржуазные демократы. Белолицые ораторы сменяются ораторами с черным или желтым цветом лица.

Капиталистическая печать, состоящая на службе у американских финансовых монополий, подозрительно и враждебно косится на конгресс, но не придает ему большого значения: ведь это только конгресс интеллигенции. Реакционные власти не видят нужды в репрессиях. Они полагают, что конгресс не заслуживает особого внимания.

Это первый просчет империалистического, агрессивного лагеря, сделавшего атомную бомбу своим фетишем. Интеллигенция слаба сама по себе, когда она оторвана от народа. Интеллигенция — большая сила, когда она идет с народом и выражает его интересы. Во Вроцлаве интеллигенция во всеуслышание сказала то, о чем думают и что чувствуют народы мира.

За два года до Вроцлава величайший человек нашей эпохи товарищ Сталин, знающий думы и заветные стремления простых людей всего мира, сказал: «Народы мира не хотят повторения бедствий войны. Они настойчиво борются за упрочение мира и безопасности».

Эти слова, исполненные глубочайшего содержания, облетели весь мир, запали в душу каждого человека труда, каждого человека доброй воли. Народы мира не хотят войны. Это было повторено от имени народов представителями интеллигенции всех стран, и в этом была сила конгресса во Вроцлаве.

Так началось великое, организованное дело борьбы за мир.

Прошло восемь месяцев. Американо-английские агрессоры торопились с подготовкой войны, сколачивали воинствующие блоки. Печать поджигателей войны раздувала военную истерию. Она пыталась представить Советский Союз, страны народной демократии, Народно-освободительную армию в Китае, коммунистические партии всех стран как виновников новой войны. Неустанная и вздорная клевета ставила своей задачей одурманить народы страхом перед демократическими странами, вселить чувство безнадежности и бессилия перед угрозой войны, оболванить верой в атомного идола.

В Париже собирался в апреле 1949 года первый конгресс сторонников мира. Караваны мира направлялись к Парижу со всех концов Франции. Это было движение не только французского народа. Честные люди подымались во всех странах. Делегатов избирали на национальных съездах и собраниях. В движении уже участвовали миллионы. Народные массы создали комитеты борьбы за мир. Выделились активные деятели мира, энтузиасты из народа. И вместе с нарастающим протестом против империалистов, поджигателей войны, выражались в самой сердечной форме симпатии к Советскому Союзу, могучей социалистической державе, в которой мирная политика — закон государства и общества на протяжении всей его истории.

Французская буржуазия пыталась сначала продолжать политику пренебрежения. Но из Вашингтона раздался властный окрик: прекратить! Французские министры откозыряли и попытались сорвать конгресс отказом в выдаче виз части делегатов. Это привело лишь к тому, что конгресс расширил зону своей деятельности. Он заседал одновременно в Париже и в Праге. Империалисты добились того, что сами же содействовали разоблачению своей агрессивной политики. Во Вроцлаве у них были адвокаты из среды колеблющейся буржуазной интеллигенции, пытающейся усидеть на двух стульях. Империалисты еще тешили себя тогда мыслью о возможности обмануть конгресс и повести движение за мир в объятия империализма. В Париже и Праге это было невозможно.

Парижский конгресс показал, что в движении участвуют народные массы. С ним международные массовые организации с Всемирной федерацией профсоюзов в первых рядах. Делегаты были уже не только и не преимущественно люди умственного труда. Рядом с писателями и учеными выступали рабочие и крестьяне. Идея мира овладела массами, она стала реальной силой.

Парижский конгресс оформил движение. Он избрал Постоянный комитет и начертал программу борьбы. Национальные комитеты образовались во всех странах мира.

Став массовым движением, борьба сторонников мира поднялась на новую, более высокую ступень. Рабочие не ограничивались словами. В портах Франции, Италии, Германии, Голландии докеры отказывались разгружать пароходы с американским вооружением, срывая планы организаторов новой войны. Железнодорожники не пропускали поездов с американскими орудиями и танками. Лучшие люди Франции, Италии и других стран открыто заявляли, что никогда они не подымут оружия против Советского Союза.

К движению присоединялись новые миллионы и миллионы честных людей, без различия политических взглядов и религиозных верований. Непреодолимая сила этого всенародного движения — в простоте, общедоступности и глубокой человечности его требований, отвечающих самым жизненным интересам народов. Они основаны на горьком опыте людей, испытавших бедствия войны. Сила всенародного движения за мир в его оптимизме, в уверенности миллионов в своей силе, в возможности предотвратить войну.

На сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Стокгольме в марте 1950 года принято замечательное решение: организовать всемирную перекличку сторонников мира, поименно проголосовать за мир. Лозунгом этого невиданного референдума является требование осудить атомное оружие, считать военным преступником то правительство, которое первым его применит, организовать действенный контроль над атомным оружием.

Исторический успех этой переклички народов — перед нашими глазами. Она продолжается. С каждым днем новые миллионы подписей присоединяются к сотням миллионов. В августе подписавших было 300 миллионов, в сентябре — 400 миллионов. В Советском Союзе, в странах народной демократии подписалось все взрослое население.

Несмотря на репрессии, на исступленное сопротивление реакционных партий — в первую очередь социал-демократической,— подписываются миллионы людей в капиталистических странах. Даже в США, где подписать свое имя под Стокгольмским Воззванием — значит занести себя в списки «красных», преследуемых федеральной охранкой, подписалось свыше двух с половиной миллионов человек, и сбор подписей продолжается.

Парламенты демократических государств во главе с Верховным Советом СССР выразили свою солидарность со Стокгольмским Воззванием. Парламенты капиталистических стран либо отвергли его либо пренебрежительно игнорировали. Тем самым наглядно было доказано, какие правительства стоят за мир, какие — за войну.

Движение за мир развивается вширь и вглубь, ищет и находит новые пути, подымается на новые ступени. От требования запретить атомное оружие движение народов идет дальше — к требованию прекратить гонку вооружений, сократить вооружения, осудить поджигателей войны.

Империалисты видят в движении сторонников мира серьезную угрозу своим планам агрессии. Зачинщики новой войны нервничают. Они констатируют провал своей милитаристской пропаганды, не скрывают от себя, что народы в Западной Европе, в Азии, в Африке становятся ненадежным материалом для разжигания войн.

Американские провокаторы спешат. Разбойничье нападение на Корею может послужить прологом к мировой войне. Прикрывая свою наглую интервенцию подложным флагом Организации Объединенных Наций, американские поджигатели войны рассчитывают ввести этим народы в заблуждение, представить корейский народ как агрессора, а себя как защитников мира. Расправа с корейским народом, помимо основной своей задачи — захвата Кореи и превращения ее в плацдарм против Китая и СССР,— должна, по их расчетам, сорвать движение за мир и затянуть весь свет кровавым туманом, в котором нельзя было бы разобрать, кто подлинный агрессор.

Но движение сторонников мира не ослабело, а, напротив, усилилось после нападения американских захватчиков на Корею. Лучшие люди земного шара — вместе с корейским народом. Их требование — мирным путем решить вооруженный конфликт в Корее. Их требование — ограничить вооружения и осудить поджигателей войны. Оно сформулировано на сессии Бюро Постоянного комитета в Праге в августе 1950 года. Это новая веха на победном пути великого движения за мир.

Завтра в Москве открывается Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира. Советские люди преисполнены решимости не допустить новой войны.

Советский народ идет в первых рядах борцов за мир. Советская социалистическая держава — могучий оплот всех миролюбивых, всех честных людей, надежда матерей и жен, детям и мужьям которых война несет смерть. К Советскому Союзу обращены взоры человечества. Спокойствие советского народа внушает сотням миллионов уверенность в том, что угрозу мировой войны можно предотвратить, что жизнь людей труда может быть обеспечена вопреки атомному и всякому иному шантажу империалистов.

Об этом красноречиво и внушительно говорит декларация советской делегации в Генеральной Ассамблее ООН. Эта историческая декларация подкреплена созидательным мирным трудом советского народа, перед величием которого в изумлении стоят народы мира. Советские люди приходят ко Второму Всемирному конгрессу и Всесоюзной конференции сторонников мира воодушевленные грандиозными сталинскими стройками: величайшими в мире плотинами и электростанциями на Волге, на Днепре, на Аму-Дарье, ирригационными системами, которые изменят природу и принесут новый достаток миллионам трудящихся. Эти новые стройки — стройки коммунистического общества.

Вот облик нового мира, во имя которого выступает против войны советский народ. И все люди мирного труда, все люди доброй воли, каких бы политических и религиозных взглядов они ни держались, идут за советским народом, потому что его путь — это путь сотрудничества народов и их дружбы.

С тем большей ненавистью и омерзением относятся все люди труда и доброй воли к лагерю империализма, откуда несутся исступленные призывы к разрушению, к захвату, к грабежу, к насилию над свободными народами. На знамени социализма — мир; на черном, пиратском знамени империализма — война. И с той же неизбежностью, с какой социализм обнаруживает свое превосходство над капитализмом, движение за мир, овладевшее подавляющим большинством человечества, обнаруживает свое торжество над беснующейся, выродившейся бандой капиталистических хищников, пытающейся спасти свое презренное существование, омывшись кровью миллионов простых людей.

Мир победит войну!

Copyrighted material

ДРУЖБА НАРОДОВ ПОБЕДИТ ВОЙНУ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Я развернул английский атлас мира. Карты, карты... На картах различные страны, горы, моря, пустыни... На этих английских картах значительная часть советских республик Средней Азии обозначена как пустыня. Пески... Всюду пески, безводие... Какая может быть здесь жизнь?

Но английский атлас не принадлежит к числу реалистических произведений: многое в нем неправильно. Его составители — империалисты — забыли, что советский Восток — это не те страны, которые они угнетают, что жизнь на советском Востоке движется вперед, что у нас за годы советской власти в республиках Средней Азии произошли колоссальные изменения. Изменилась и карта вместе с жизнью.

Если проехать по тем местам, которые обозначены в английском атласе как пустыни, то мы увидим цветущие города: Нукус, столицу Кара-Калпакии, возникшую в последние годы, Караганду, Балхаш, Джезказган — крупнейшие промышленные центры Казахстана. Мы увидим города, расположенные в местности с устрашающим названием «Голодная степь»; здесь колоссальный хлопковый совхоз «Пахта-Арал», цветущие фруктовые сады. Глубоко в пески Кара-Кумов врезались поливные рисовые поля возле Чиили и Кзыл-Орды.

Города, промышленные предприятия, сады, возделанные поля, новые реки — вот что возникло на значительном пространстве советской Средней Азии. И каждый год нужно вносить поправки в карты республик: наступление на природу, на мертвые пески продолжается.

Когда мы едем с востока в Москву, мы видим эшелоны с машинами, с людьми, которые отправляются на великие стройки коммунизма. Электростанции и оросительные системы, которые будут созданы там, на Волге, изменят не только характер Заволжья, но и климат республик Средней Азии. А Главный Туркменский канал совершенно преобразит Кара-Кумскую пустыню, оросит более миллиона гектаров новой земли. Здесь зацветут растения, зардеют фрукты, разовьется бурная жизнь.

Нет! Нельзя сегодня верить картам, составленным вчера. Созидательный труд советских людей резко меняет географические карты. Только за рубежом, где хотят задержать поступь истории, где не хотят улучшать природу, где пытаются сдержать развитие человечества,— там переиздают старые атласы, не обращая внимания на жизнь: в странах, где издаются эти атласы, лик земли не изменяется!

Каждый день нашей жизни приносит новое, радостное... Так хочется все увидеть, все узнать, везде побывать! Вот Фархадская ГЭС. Это — поистине грандиозное сооружение! Многоводная Сыр-Дарья течет по новому руслу, ее стремительные воды обузданы и служат человеку. Там не канал построили, а всю реку повернули и сбросили через турбины в другое русло — по пути, где она сможет больше помочь человеку.

Ирригацией занимались в наших странах давно. Еще далекие предки народов, населяющих Среднюю Азию, тяжелым трудом отводили от многоводных рек оросительные каналы, но эти каналы выглядят жалко по сравнению с сооружениями нашей великой сталинской эпохи.

И дело не только в том, что наши строители вооружены блестящей современной техникой, предоставленной в их распоряжение могучим советским государством.

Фархадгэс-гигант создан в основном в тяжелые годы войны узбекским народом. Ее электроэнергия освещает просторы нескольких районов Узбекистана, промышленные предприятия Ленинабада — второго по величине города Таджикской ССР, таджикские сельские районы Нау, Ленинабад, Чкалов, Канибадам, степные колхозы и совхозы южного Казахстана. Это колоссальное сооружение воздвигнуто совместно, в братском единении, методом народной стройки представителями народов нескольких республик и высится на границе Узбекистана и Таджикистана.

Знаменитый Ферганский канал — первенец народных ирригационных строек — создан усилиями узбекских и таджикских колхозников и орошает поля двух республик. Таджики Сталинабадской области вместе с узбеками построили в годы войны Большой Гиссарский канал, воды которого орошают и Сурхан-Дарьинскую область Узбекистана.

Когда, в какие времена могли народы объединиться для создания таких грандиозных ирригационных сооружений? Только сталинская национальная политика смогла сплотить наши народы в единую, братскую семью.

Народы советских республик живут дружно между собой. Нет границ их дружбе. И это в Средней Азии, где веками шла ожесточенная, междоусобная война между населявшими ее народами!

Вся история таджиков и узбеков, казахов, туркмен и киргизов полна в прошлом кровавыми событиями больших и малых войн. А сейчас от одного народа к другому идут миролюбивые вести.

Река Сыр-Дарья течет через несколько республик. На значительной части пути ее воды уже поставлены на службу народу: пропущенные через каналы, они приводят в движение электростанции, орошают поля, на которых возникло цветущее земледелие.

Потому стало возможным обуздать и сестру Сыр-Дарьи — непокорную Аму. Исполняя вековую мечту туркменского народа, большевики приступили к созданию Главного Туркменского канала. Туркменский писатель Берды Кербабаев в своем романе «Решающий шаг» описывает, как его народ боролся за воду и не мог ее получить. Кербабаев рассказывает, что только при советской власти, в условиях советского многонационального государства, построенного на дружбе народов, стало возможным осуществить эту давнюю мечту.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции уничтожена вражда между народами Средней Азии — одно из препятствий, мешавших их развитию, одна из причин того, что на карте много древних разрушенных городов, заброшенных земель, мертвых пустынь.

Таджикские старики еще помнят те времена, когда словом «кочевник» пугали детей, а их степи сравнивали с адом и называли «местом черной смерти».

Проезжая сейчас по дорогам моей республики, я встречал большие стада колхозного скота, который перегоняли из таджикских колхозов на летние пастбища в горы Киргизии. А на зиму киргизские колхозники пригоняют свой скот в наши долины. Многие колхозы разных республик пасут свой скот в степях Казахстана, преобразованных советскими людьми в сочные пастбища.

Как дорогих гостей, встречаем мы, таджики, приезжающих к нам представителей соседних республик. Каждый приезд всегда чем-либо полезен нам. За последние годы особенное распространение получили выезды проверочных бригад по соревнованию между хлопководами республик. Заботой о нашем урожае полны замечания приезжающих к нам бригад; со своей стороны, и наши колхозники стремятся передать соседям-хлопководам свой опыт по выращиванию рекордных урожаев. Вот пример истинно братской дружбы!

Подобных примеров неисчерпаемое множество. Сила народов используется на созидание, на строительство счастливой, свободной жизни. И эту жизнь дала нам миролюбивая политика нашей партии, нашего государства.

Именно потому нет в нашей стране, во всех республиках сторонников войны. Народы Средней Азии воевали столетия и влачили нищенское, жалкое, рабское существование. Мы свободны всего тридцать

Колхозы Карасуйского района, Ташкентской области, доставили караван мира с хлопком на заготовительный пункт хлопкоочистительного завода № 1 в Ташкенте. На снимке: караван мира на улицах Ташкента.

Фото М. Пенсона (ТАСС)

Copyrighted material

три года, и посмотрите, как неузнаваемо преобразились за эти немногие годы наши республики, наши люди, наша жизнь!

Страны, влачившие жалкое существование колоний, превратились в социалистические республики с высокоразвитой многоотраслевой промышленностью, высокоурожайным сельским хозяйством, красочным национальным искусством, высокоидейной литературой, прогрессивной наукой, многочисленной интеллигенцией. И все это нам дали годы мирного труда, благотворное влияние ленинско-сталинской национальной политики!

Все наши народы за мир, против войны. Потому с таким энтузиазмом подписались под Стокгольмским Воззванием хлопкоробы Вахшской долины, хлебороды Гарма, животноводы Памира, нефтяники Исфары, шахтеры Шураба, горняки Кансая, текстильщики и металлурги Сталинабада, шелководы Ленинабада, медики, ученые, писатели, инженеры, студенты, партийные работники — невозможно даже перечислить все профессии сегодняшнего Таджикистана. И нет такого человека в Средней Азии, который не подписался бы под Стокгольмским Воззванием.

Халила Бейсеитова — мать-героиня из Алма-Аты, подписываясь под Воззванием, сказала: «Я воспитала десять детей. Один из моих сыновей — сотрудник Академии наук, другой окончил консерваторию, третий учится в железнодорожном техникуме, дочь — аспирант, остальные дети учатся еще в школе. Только одного сына нет: он погиб под Сталинградом, защищая нашу счастливую жизнь от немецко-фашистских захватчиков. Конечно, я против войны, за мир!»

Узбекский писатель Гафур Гулям пишет: «Мой народ любит мир и жизнь, детей и семью, сады и труд, газели Навои и лирику Пушкина, любит друзей и пение соловья. И ненавидит войну. Но в то же время узбекский народ — воин. Силу народов Советской страны, выступивших на защиту мирной жизни, испытали на себе оголтелые враги человечества — гитлеровские захватчики».

Таджикские женщины, наши героические труженицы и счастливые матери, заявляют: «Мы воспитываем детей не для того, чтобы их убивали заокеанские бандиты. Мы воспитываем их для того, чтобы они пользовались всеми благами радостной жизни, созданной нашими руками в родной стране, чтобы они, так же как и мы, строили новое для себя и для будущих поколений».

Туркменская колхозница Новбат Хуженарова, табунщик Киргизии Толонбай Асабеков, казахский комбайнер Алибаев, председатель таджикского колхоза в Канибадаме, депутат Верховного Совета СССР Ахмеджан Шарипов говорят: «Мы любим мир и сохраним его». Они встают на вахту мира, беря на себя новые обязательства — увеличить урожаи, дать Родине еще больше хлопка и других продуктов, крепить ее силу и мощь,— ибо они знают, что только могучий Советский Союз является оплотом и гарантией мира во всем мире.

Растленный фашистский писака Сартр в своем последнем человеконенавистническом произведении, «Смерть в душе», пытается разоружить сторонников мира, дезориентировать их. «Мир не бывает ни демократическим, ни нацистским. Мир — это просто мир»,— заявляет он. Но народы Советского Союза и мыслящие люди всего мира знают, что это ложь. Мир, настоящий прочный мир, могут дать только народные правительства; только в Советском Союзе и в странах народной демократии простые люди могут быть спокойны за свое будущее.

Подлинный мир завоевали мы, граждане Советского Союза, и наш пример вдохновляет трудящихся всего мира на борьбу за мир во всем мире! Во всех странах люди доброй воли голосуют за мир, видя в нас его защиту. Голосуя за мир, все знают, что на страже его стоит великий Сталин!

Поэтому неисчерпаем поток приветствий со всех концов мира товарищу Сталину в связи с его семидесятилетием. Ему, творцу мира, трудящиеся всех стран от души желают доброго здоровья и новых великих успехов в его титаническом созидательном труде.

Где бы я ни проезжал по нашей великой стране,— везде ключом бьет жизнь, везде возникают новые города, на месте пустынь обильные пашни, на месте пустырей громадные заводы. Там, где вилась верблюжья тропа, мчатся поезда или автомашины. И везде довольные, счастливые лица людей, знающих, что их труд помогает скорейшему переходу к коммунизму, черты которого уже ясно видны.

Вот величественные дворцы-театры в Ташкенте, Алма-Ате, Сталинабаде, огромные жилые дома вместо кибиток, прекрасные здания школ и институтов, строящиеся агрогорода.

В цветущем Таджикистане каждый день увеличивается число владельцев автомобилей, раскупаются радиоприемники, музыкальные инструменты, в большом количестве книги. И это в стране, где до революции было всего полпроцента грамотных!

Свидетельство зажиточной жизни крестьянства — миллионные доходы многих колхозов. В ленинабадской долине Таджикистана все колхозы — миллионеры. Проезжая по этой «долине миллионеров», явственно видишь, как стирается грань между городом и деревней. В колхозах превосходные, красивые постройки, свои дома отдыха, клубы, школы, больницы, море электрического света.

Вы можете по телефону поговорить с любым кишлаком, посмотреть в колхозном кинотеатре новейшую картину, увидеть, как электричество заменило труд колхозников на стрижке овец, маслобойке, молотьбе, дойке коров...

Ушли в предание светильники-«карачироки» — прутья, облитые льняным маслом, от которых чаду было больше, чем света. Электричество вошло в быт отдаленнейших кишлаков и аулов Средней Азии. В колхозе имени Сталина, Шугнанского района, на Памире, в этом году хлеб молотили электромолотилкой. Электрический свет дошел до «Крыши мира», озаряя нашу новую жизнь.

Но стоит проехать немного дальше, за советские рубежи, как полная тьма удивит советского человека. Там, за нашей границей, в Пакистане, Индии, Афганистане, Иране — везде, где мне довелось бывать, я видел беспросветную нищету, жалкие лачуги, голодных, измученных людей. Как будто с «Крыши мира» опускаешься в подземелье мира, куда колонизаторы загнали народы этих стран.

Конечно, и там есть дворцы. Индия из века славилась своим богатством, мастерством народных умельцев. Но у этих великолепных дворцов стоят часовые, одетые в американские и английские мундиры, и горе тому, кто захочет подойти к ним близко.

Тень, мрачная тень доллара и фунта легла на эти страны колониального Востока, с которыми граничат наши советские республики. Ежегодно в Индии умирает от голода несколько миллионов человек. Ужасные стихийные бедствия уносят десятки, сотни тысяч людей...

В этом году в Индии было большое землетрясение — сотни тысяч людей остались без крова. Рассказами об ужасах этого землетрясения полны индийские газеты. Однако мы не смогли прочесть о том, какую же помощь оказало индийское правительство пострадавшим. Человек в этих странах живет, как и тысячи лет назад, завися от капризов природы. Правители этих стран, издающие много законов, все же предпочитают всем им один закон — закон джунглей: спасайся каждый, как можешь; в гибели одного — счастье другого.

Землетрясения бывают и у нас. Вспомните 1948 год, когда в столице Туркмении было много разрушений. Побывайте в Ашхабаде сейчас. Там снова работают восстановленные фабрики, там выстроены тысячи новых домов. Недавно в Ашхабаде в торжественной обстановке открылся первый в Туркмении государственный университет.

Столица Туркмении быстро восстанавливается, потому что в тяжелые для нее дни на помощь поспешили люди из братских республик. Ей посылали самолеты с врачами, продукты, материалы, людей; в дни после землетрясения в Ашхабаде можно было встретить посланцев большинства наших республик. Все во главе с Союзным правительством пришли на помощь пострадавшему народу. Потому так быстро и восстанавливается после землетрясения Ашхабад.

Вокруг пакистанских городов нищенствует около семи миллионов беженцев из Индии, которым стало невозможно жить на родине после разделения страны на два государства. А пакистанцы изгнали со своей территории индусов.

Горечью и болью полны слова известного индийского писателя Крышан-Чандра, который пишет, что после раздела Пакистана и Индии ему пришлось уехать из родного Лагора и что там больше не могут читать его книги: их писал индус! Между Пакистаном и Индией теперь вражда.

Основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни живет постоянно в Самарканде, в городе Узбекской республики. Но из-за этого Айни не перестает быть таджикским писателем. Он пользуется одинаковым уважением и любовью читателей и в Таджикистане, и в Узбекистане, и во всех других республиках нашей страны. Многие таджики живут в Узбекистане, но они учатся там в школах на родном таджикском языке, читают выходящие там таджикские газеты. И узбеки, живущие в Таджикистане, пользуются теми же правами.

Великая река Индии могучий Ганг, так же как и Сыр-Дарья, течет по землям разных народов. Но что могут рассказать его воды, текущие из Пакистана, индийским крестьянам? Они могут рассказать о горе народов, о выжженных, растоптанных полях, о разрушенных деревнях. Кровь убитых смешалась с водой Ганга. Всматриваясь вверх по его течению, крестьянин может ждать только беды. Всматриваясь вниз, он может ждать вторжения вооруженных до зубов колонизаторов.

И крестьяне этих стран смотрят наверх, на небо. По преданию восточных народов, у каждого человека есть своя звезда, которая охраняет его от бедствий. Но многие люди за рубежом поняли, что звезды, которые принесут счастье и мир,— это рубиновые звезды Кремля!

В нашей стране мы уже создали не небесное, а земное счастье, и наши взгляды устремлены на землю, которую мы переделываем, чтобы взять от нее все, что она может дать для счастья.

Мне вспоминается случай, которому я был свидетелем в Кабуле, столице Афганистана. Как-то наше внимание привлек шум, гвалт, звуки бубна. Мы отправились посмотреть, в чем причина шума, и увидели группу людей, которые поднимали балку. Один из афганцев объяснил нам, что идет строительство моста, который, по словам Захир-шаха, правителя Афганистана, будет занимать второе место в мире. Мы видели этот мост — жалкое сооружение, перекинутое через арык. В нашей стране за такую плохую постройку упрекали бы председателя кишлаксовета. А жителям Кабула сооружение этого мостка казалось великим событием.

Проехав от Кабула до советской границы, я не заметил никаких следов строительства. И там, в Афганистане, человек живет так, как жил много веков назад, как жили в моей стране народы до Октябрьской революции. Людей этих стран усиленно охраняют даже от сведений, что где-то есть иная жизнь. Но тщетно! Правда доносится не только до городов, но и до деревенских лачуг: крестьяне требуют земельной реформы, растут прогрессивные силы, народ рвется к свободе, и никто не сможет его остановить.

Империалисты потому и натравливают народы один на другой, что боятся дружбы народов. Они знают, что народы, дружные между собой, сорвут их кровавые планы и не допустят войны.

Дружба советских народов имеет миллионы сторонников за рубежом. Она сильнее любого блока агрессоров!

Никакие пакты, секретные соглашения не могут заставить простых людей всех стран воевать друг против друга. Труженики Запада и Востока, сотни миллионов людей взирают с надеждой на Советский Союз — они против войны, они за мир, потому что видят на примере братской семьи народов Советской страны, к какой счастливой жизни привела нас мирная политика советского правительства. К нам, к советским людям, обращены их взгляды, полные надежды, полные доверия к великому руководителю борьбы за мир — товарищу Сталину.

И они ставят свои подписи под Стокгольмским Воззванием, несмотря на преследования, несмотря на угрозы, потому что, подписываясь под этим Воззванием, они завоевывают себе, своим детям, своему народу право на жизнь, на мир, на счастье.

Copyrighted material

В степях Хакассии

З. ХИРЕН

На западе от Енисея полукольцом высоких гор охвачена огромная котловина. Это — Хакассия. Века страдала она от безводья. Немного здесь было удобных земель. И на них сидели тучные баи. Их поля и сады выпивали воду почти всей страны. Ценнейшие ископаемые дремали в нетронутых недрах. Такой была Хакассия тридцать три года тому назад.

Хакассия наших дней, отмечающая двадцатилетие своей автономии, совсем не та. Она становится энерго-металлургическим узлом Западной Сибири, растущим на базе мощных запасов угля, металлических руд, золота, гидроэнергии, лесных богатств.

Хакассия сегодня — это страна земледелия и животноводства, развивающихся на основе передовой науки и техники. Это страна, судьба которой является ярчайшим примером победы ленинско-сталинской национальной политики.

Ниже печатаем очерк о людях Хакасской опытной станции орошаемого земледелия, разработавших и применивших новый метод ирригации.

Новая система орошения земли, проводимая в Хакассии, — это возможность обработки огромных земельных массивов, это простор для тракторов и комбайнов, это ответ на требование мичуринской науки, это дополнительные миллионы пудов хлеба.

1

Огромные шапки перекати-поля, прозимовавшие на дне каналов, всплывают наверх и, цепляясь друг за друга, несутся вперед по пенистой воде. Турбин смотрит, как их вылавливают баграми, сгребают в кучи и жгут. Едким дымом окутана степь, запах этот всем приятен: он возвестил о приходе весны, о том, что в каналы вновь хлынула вода.

Здесь, на юге Сибири, в Хакассии, много солнца и мало влаги. Из рек вода подается в каналы, орошая около шестидесяти тысяч гектаров земли.

Инженер Александр Георгиевич Турбин поступил на Хакасскую опытную станцию орошаемого земледелия производителем работ. Кое-чем новая должность напоминала фронт. Там окопы, а тут каналы.

— Только профиль изменился,— шутил Турбин.

Впрочем, было не до шуток. Война тогда еще продолжалась, а он вернулся с перебитыми ногами. Врачи приложили немало усилий, чтобы избежать ампутации, но раны не зажили, и поручиться за то, что они скоро заживут, никто не мог. В госпитале же Турбин оставаться не хотел. Закончив за несколько лет до войны Омский сельскохозяйственный институт, он посвятил себя ирригации. Это и привело его теперь в Абакан, на опытную станцию.

После голой степной дороги было странно вдруг увидеть белые, как снег, сады.

Директор станции объяснил молодому инженеру, что сперва он должен навести порядок на каналах: очистить их от наносов, поправить.

Турбин мог бы начертить с закрытыми глазами все магистральные каналы Хакассии. Встречались они в степи и в предгорьях Саян, их воды бились в чаще тайги. Ему довелось работать в одной из отдаленнейших ирригационных систем области. Он хорошо знал, как там бережливо относились к влаге, как при малейшей утечке волновались люди; да и сам он не раз ночью просыпался, прислушиваясь к шуму воды.

На полях, куда попадала вода, Александру Георгиевичу предстояло работать впервые. И он поразился: как здесь неэкономно расходуют воду!

Возвращаясь вечером на квартиру, Турбин скидывал сапоги и принимался за перевязки. О них, кроме старушки, в доме у которой он жил, никто не знал.

...На опытной станции новым инженером были довольны. Нравился он и землекопам, которые трудились под его началом. Один лишь Турбин не был удовлетворен своим положением. Он шел на станцию, уверенный в том, что перед ним откроются двери науки. На самом же деле его к научной работе привлекали мало, и это коробило. Несколько раз он собирался поговорить с директором, да никак не выходило. Турбин всегда отличался застенчивостью.

Помогло одно обстоятельство: уехал заведующий отделом гидротехники, и Турбин его заменил. Теперь, помимо ухода за оросительными каналами станции, Александру Георгиевичу вменялось в обязанность бывать в колхозах, следить за правильностью полива, помогать сельским поливальщикам. Стали привлекать Турбина к разработке научных тем.

Вскоре многие на станции удивились переменам, происшедшим с инженером, хотя он попрежнему был малоразговорчив. Однажды на совещании Турбин выступил с резкой критикой тех самых инструкций, по которым ему предлагалось работать.

Хакасы высоко ценят орошение: они знают, какую большую пользу приносит оно. В одной старой книге Турбин прочитал о том, что «старые подтаежные деревни: Монак, Юдино, Табот, Бея, Уты и Сабино,— не считая молодых, славятся умением устраивать орошение полей, и в степи и на склонах гор они владеют прекрасными пашнями». В некоторых из этих сел побывал Турбин и был огорчен, узнав, что орошение там захирело.

— Всю воду растратили,— говорили ему старые люди. Они критиковали существующую систему орошения, и эта критика совпадала с мнением Турбина.

Подолгу инженер простаивал над постоянными каналами, с грустью наблюдая, как вода из-за обилия бурьянов все медленнее и медленнее течет на поля. Колхозники бранились, предполагая, что кто-то нарочно закрыл воду. Между тем это бурьяны, впитывая в себя влагу, не давали ей хлынуть на поля. Сорняки, созревая, осыпались, и стоило подняться ветру, как их семена вместе с водой уносило в степь, на поля.

Существовал в Хакассии иной способ орошения, называемый «диким напуском». Из распределительного канала воду пускали прямо на поля. Она немедленно заливала низкие места, образуя там глубокие озера. Бугры же оставались сухими. Стоя по колено в грязи, ирригаторы, стараясь направить воду по нужному руслу, лепили запруды. Не одну сотню лопат с тяжелой жижей приходилось человеку перебросить, пока он хоть сколько-нибудь отрегулирует полив, но все равно половина воды пропадала.

— Чем должна быть опытная станция для хакасского земледелия? — спросил на одном совещании своих товарищей Александр Георгиевич.— К нам приезжают со всех концов Хакассии за новым, и мы должны это новое людям давать. А что представляет собой наша система орошения?

Критика была правильная, но не так-то легко было все изменить. Турбин не переставал думать над этим. То рисовал он себе сложные дождевальные машины, то какие-то необыкновенные трубы. Все это не годилось: колхозы нуждались в простом, доступном способе орошения. И Турбин считал, что следовало побольше приглядываться к народным способам. Инженерные же каналы ничего, кроме раздражения, в нем не вызывали. Стоило прицепить к трактору культиватор и сеялку, агрегату развернуться негде было. Кто-то удачно сказал, что постоянные оросительные каналы для колхозов — то же самое, что звенья: и те и другие тащат сельское хозяйство назад.

Турбин приступил к опытам. Нарезал длинную борозду со множеством извилин. Пустил в нее воду. Лишь только она выходила за борт борозды, он подсыпал землю. После этого нарезали борозду большего сечения. Вода равномерно орошала землю. Это и был в какой-то степени прообраз будущего временного канала.

Требовалось научно обосновать превосходство новой системы. Нужно было ответить на вопрос: где больше потерь воды, в постоянных или во временных каналах? Установили в тех и других водомеры. По сигналу пустили воду. Через каждые пять минут в журналы записывали уровень. Столбики цифр росли. Записи производились в течение 48 часов непрерывно. И вот наступила минута, когда все журналы закрылись, и Турбин засел за обработку данных. Море цифр! Целую неделю подводились итоги. Временные оросительные каналы одержали победу: потерь у них было меньше. Оставалось приступить к их нарезке. Ручным способом этого не сделаешь, требовались специальные орудия.

2

Сперва кузнецы смеялись: их забавляло, что взрослый и образованный человек увлекся игрушками. Каждый раз Турбин заходил в кузню с новыми рисунками. То просил он отковать ему маленький плуг, то какую-то крошечную перемычку. А там пошли такие заковыристые «игрушки», что и разобрать было нельзя. Кузнецы ворчали, а потом просто стали отказывать инженеру.

Пришлось обратиться к дирек-

...Рядом с Александром Георгиевичем Турбиным стоял Дмитрий Прокопович Сидеев.

Copyrighted material

тору станции, и тот все уладил. Кузнецы беспрекословно выполняли заказы молодого инженера. Вскоре он явился к ним с чертежами бороздодела. Кузнецы посмотрели на огромные габариты будущего орудия и сказали, что на это у них металла не хватит.

Турбин вызвался сам достать железо в городе и в ту же ночь привез на подводе старую раму от плуга. Кузнецы принялись за дело. Когда орудие было готово, его прицепили к трактору и начали испытания. Бороздодел, врезаясь в землю, выбрасывал по обе стороны грунт. Так возникал оросительный канал, по которому должны были пустить воду.

Но, когда вода коснулась бортов, они повалились и вода хлынула мимо. Вновь и вновь возобновлялись опыты. Особенно неблагополучно было на пониженных участках. Там земляные борты превращались в жижу. Турбин нервничал. Без ручной оправки лопатами ничего не получалось. Возникало опасение, что образуются озера, как при «диком напуске».

Опыты пришлось прекратить. Турбин надеялся через несколько дней возобновить их, но начались холода, и земля застыла. Никогда не думал Турбин, что долгая его работа окончится так печально.

Зима прошла в непрерывных поисках. Ночами инженер просиживал за опытами и расчетами.

Наконец Турбин обнаружил недостаток своего орудия. Он решил приделать к нему боковые ножи, которые сгребали бы землю с внешних сторон и накапливали ее возле бортов. После того как орудие было готово, зима стала казаться инженеру невыносимо долгой. Поскорее хотелось приступить к новым опытам.

И вот в майское утро они начались. Вывели новое орудие в поле. За Турбиным неотступно следовали кузнецы. Новые ножи действовали прекрасно. Они аккуратно сгребали землю и укладывали ее в высокие и прочные борты. Пустили воду, и она шла по точно намеченному маршруту.

Погрузив бороздодел на автомашину, Турбин отправился в колхоз «Красная заря». В прочности каналов он теперь был уверен. Все обошлось хорошо. Закончив работу, Турбин вернулся к себе на опытную станцию. Орудия пока оставались в колхозе.

Спустя некоторое время за ними послали, но их не оказалось. Новые каналы понравились колхозникам из соседних сел, и они увезли орудия к себе.

Турбин решил провести полив на более сложном рельефе. Он выехал для этого в Аскизский район, в село Усть-Есь. Поля колхоза лежали в узкой долине, вдоль которой тянулся магистральный канал.

Много горя видели эта долина и этот канал. Об этом Турбину рассказал в первую же ночь приезда Сидеев.

Турбин постучался к нему в окно. Дверь открыл невысокого роста коренастый старик в черной расстегнутой косоворотке. Это и был Дмитрий Прокопович — старейший ирригатор в Усть-Есь. Долго сидел он с гостем и рассказывал об орошении.

— Каждый тянул воду себе, — говорил старик. — У кого земля была поближе к каналу, тот просто воровал, а кто подальше жил, оставался без полива. Из-за этого происходили драки.

Когда на утро Турбин попросил у председателя колхоза в помощь себе поливальщиков, тот заупрямился:

— У меня их всего двое: Сидеев и Чертыгашев. Что же, я вам их отдам, а сам с кем останусь?

— А вы дайте мне молодых, — ответил спокойно Турбин.

— А что толку, скажите, в молодых? Поливальщик должен первым силачом быть.

— А нам силачи вовсе и не нужны, у нас не такая работа, — продолжал Турбин.

Вскоре к Турбину явились три хакасские девушки.

— Мы никогда не поливали,— испуганно заявили они.

— Тем лучше,— ответил им Турбин.

Девушки решили, что приезжий над ними шутит. Но вскоре убедились, что это не так; он вручил каждой переносную перемычку для регулирования воды и показал, как работать.

На помощь первым девушкам пришли другие. Всем хотелось принять участие в этом необыкновенно удобном и красивом поливе. Заранее нарезанные каналы освобождали человека от тяжелого физического труда, вода равномерно распределялась по полю.

Турбин стоял на склоне горы и смотрел, как по только что нарезанным временным оросительным каналам бежит вода. В очках, в клетчатой спортивной рубашке, в лыжных штанах, заправленных в кирзовые сапоги, он скорее напоминал студента, приехавшего на практику, чем ученого.

Постепенно поле увлажнилось и заблестело, как одно большущее зеркало, повернутое лицом к солнцу.

Подобного в Усть-Есь еще не бывало.

Рядом с Турбиным, опираясь на лопату, в высоких резиновых сапогах стоял Дмитрий Прокопович Сидеев. Он не знал, радоваться ли ему или горевать. До сих пор его считали лучшим ирригатором. Сам секретарь райкома партии сказал о нем: «Наш мастер орошения». Но теперь слава как будто бы кончалась: ведь новая система, рассуждал сам с собой старик, не требует больших мастеров. Зато какая помощь колхозникам! И старик вместе с другими радовался и любовался тем, как вода охватывала все большее и большее пространство, нигде не задерживаясь, не оставляя ни одного сухого местечка. Тяжкому труду поливальщика пришел конец.

— Вода стала покорной, как овца,— смеялся Дмитрий Прокопович.

Но все же старику никак не удавалось прогнать грустные мысли. Турбин точно угадал, о чем грустит старик, и вдруг произнес:

— Дмитрий Прокопович, теперь вам в Усть-Есь делать нечего будет: молодежь справится, а вас назначим «профессором» орошения всего района.

— Каким еще профессором? — недовольно проворчал Сидеев и полез в карман за кисетом. Закурив затем цыгарку, спустился вниз и побежал с перемычкой в руках впереди быстрого потока.

3

На сжатых полях, окруженных синими горами, люди склонились над золотой стерней. Что удивительного нашли они там в это солнечное, по-осеннему теплое утро? Стерня как стерня. Но легко было заметить, что, помимо нее, здесь чернеют длинные полосы. Это были следы, оставшиеся от недавних временных оросительных каналов. Ни одного вершка пахотной земли не пропало. На дне каналов вырос хлеб. И на поле не осталось ни одного сорняка.

Превосходство новой системы можно было по-настоящему понять, сравнив два сжатых поля: одно, где действовали постоянные каналы, а другое — с временными. На первом поле уборки торчал густой лес бурьяна. Десять процентов посевной площади пропадало зря. На втором поле лишь чернели узкие полоски, напоминавшие о том, что по полю прошел канавозаделыватель. Земля вновь была готова к севу.

Дни в Хакассии стояли горячие. Заканчивалась уборка урожая. Шла сдача хлеба государству. Целыми днями мчались по дорогам огромные машины, доверху нагруженные зерном. На одной из переправ через реку Абакан паромщик сказал мне, что «легковых машин не видно, все теперь в глубинке». И все же многие приехали в Усть-Есь.

Увидел я здесь Героя Социалистического Труда Ефросинью Макарову. Как и всегда озабоченная, она рассматривала орудия Турбина, стоявшие на краю поля. У нее в колхозе все еще «землю портили», как она выражалась, постоянные каналы. Ближе всех к Турбину, по-братски положив друг другу руки на плечи, стояли двое приятелей: тракторист и комбайнер.

Не раз по пути в Хакассию нам попадались эшелоны с комбайнами. Еще в Москве говорили, что они с самого юга страны перебираются в Сибирь. Это повторяется из года в год, стало традицией и все равно волнует.

Когда нашему поезду случалось обгонять комбайнеров, чаще всего они с грустью глядели нам вслед. Мы объясняли это их страстным желанием поскорее добраться до места. Поближе бы с ними познакомиться, да все никак не выходило: то мы обгоняли их, то они вихрем проносились мимо наших окон. Одна оставалась надежда — встретиться где-нибудь в Хакассии.

Что же, так оно и получилось. На второй или третий день приезда в Абакан по мостовой прогромыхал трактор с комбайном на прицепе. Молодой хакасский тракторист вместе со своими товарищами встретил комбайнера на станции и сейчас гостя своего — именно своего, потому что им предстояло работать вдвоем,— провожал в колхоз. На трактор посадил помощника, а сам с гостем шествовал за «боевой техникой». Казалось, повстречались братья после долгой разлуки.

Тракторист привел друга посмотреть необыкновенные полосы на золотой стерне. Сделал он это специально. Хотелось, чтобы тот взамен оставленного в Хакассии комбайна увез к себе домой, в Крым, «кусочек опыта». Развернув номер «Правды», в котором изображена была схема новой оросительной системы, два друга пристально вглядывались в черные полосы земли, как бы стараясь найти общее между схемой и живой действительностью.

— Вот они, временные,— с гордостью произнес хакас.

— Нам бы такие,— тихо сказал комбайнер из Крыма.

Тогда еще они не знали, что через несколько дней Крым войдет в шеренгу величайших сталинских строек современности. То, о чем мечтал комбайнер, становилось явью.

В то утро все увидели в орошаемой долине хакасского села Усть-Есь зримые картины ближайшего будущего, когда временные оросительные каналы войдут в быт советского села — как вошли уже в него трактор, комбайн, электричество — и огромные массивы колхозной земли не будут больше зависеть от погоды.

* * *

— Что же будете вы делать теперь? — спрашиваю я у Турбина.

— Так ведь это — начало. Сейчас только и начинается главное — внедрение,— ответил он.

...По только что нарезанным временным оросительным каналам побежала пенистая вода.

Фото С. Малобицкого (ТАСС)

Copyrighted material

ЭТОТ МИР — МОЙ!

Фото А. Моклецова

Галина ШЕРГОВА

У нее уже затекла рука, державшая фонарь. Свет от фонаря, желтый и неверный, обливал забинтованные ноги.

Свет, казалось, дробился, повторяясь маслянистыми мазками вдоль линии железной дороги. Берта смотрела туда, на огни станции. От напряжения у нее заболели глаза, и Берта испугалась, что не увидит, когда муж и мальчики покажутся на дороге. А после шести лет разлуки ей хотелось увидеть сыновей еще там, у станции, поскорее. Она переложила фонарь в другую руку. Язычок пламени подпрыгнул, и Берте показалось, что так же болезненно подпрыгнуло ее сердце.

* * *

В ту ночь, шесть лет назад, была такая же темень и такой же прыгающий язычок фонаря. Муж вернулся заполночь. Берта посмотрела на серое, помятое лицо Александра. Ей очень не хотелось просить его помочь ей по дому, она знала, как он устает теперь. Но ничего не поделаешь. Прошли те времена, когда они жили на хуторе Тикмани. Тогда он был молод, и ему все было нипочем. Муж приходил из лесничества (он работал лесным рабочим) пахнущий смолой, обрызганный твердой росой опилок. Он входил и говорил:

— Ну, хозяйка, какие у тебя работы?

А в сороковом году он возвращался в дом еще веселее: они тогда, как и другие в Латвии, получили землю. Берта поливала ему на руки, а Александр смеялся: «Прямо жалко смывать эту землю, ведь своя земля. Смотри, она так и въедается в ладони!» И Берта тоже улыбалась.

А теперь он приходил с серым, помятым лицом, нехотя мылся, нехотя ел.

Встав из-за стола, он подходил к кровати, где посапывали спящие Виктор и Арнольд. Из угла Берта, вглядываясь сквозь полумрак комнаты, видела, вернее, чувствовала, как он стоит, заложив руки в карманы брюк, покачиваясь на носках, и слушает дыхание мальчуганов. Она именно чувствовала это, потому что в доме было почти темно. С приходом гитлеровцев ушло все: не только земля и благополучие, даже керосин. Муж теперь совсем не видел сыновей. Немцы послали его батрачить к помещику в Русинь. Он уходил в темноте и в темноте возвращался. Он мог только слушать дыхание спящих мальчиков.

Но в тот вечер Берта сказала ему лукаво:

— Сейчас ты их увидишь.— Она зажгла фонарь и поднесла его к кровати.

Александр удивился:

— Откуда у тебя керосин? — спросил он.

— Я у шоферов бензин достала. Пойдем, помоги мне посмотреть скотину.

Муж покачал головой: «Бензин — это опасно. Взрывается, говорят». Они вышли. Все произошло почти одновременно: стукнул засов сарая, прямо в лицо им пахнуло шумное, как колыхания кузнечных мехов, дыхание коровы, и рванулся, обдавая огнем, грохот взрыва. Дальше Берта не помнила ничего. Уже потом, в больнице, когда она, обожженная, ощущала только непроходящую боль ноющего, исковерканного тела и Александр с забинтованными руками сидел над ней, он рассказал, как сам, дымящийся, катал ее по траве и тело ее билось вместе с пламенем, жующим ее одежду.

Вот отсюда и началось все самое страшное. Пока она лежала в больнице, гитлеровцы угнали Александра в рабочий батальон.

Дождь барабанил по окнам, и учительница Дирвейка даже не могла сначала разобрать, кто это стучит в окно, человек или дождь. На всякий случай она открыла дверь и, несмотря на темноту, узнала человека. Конечно же, это Александр Шакель, хуторянин из Русиня. Потому, что шел дождь и лицо у Александра было мокрое, и потому, что Дирвейка знала, какой это крепкий человек, даже в комнате на свету она не поняла, что он плачет.

Она заметила это только тогда, когда он заговорил. Он сидел у стола, стиснув заскорузлыми руками лицо, и, беспомощно всхлипывая, рассказывал. Он говорил сбивчиво, теряя мысль, но Дирвейка поняла, что обожглась Берта, что его угоняют немцы, что мальчиков сдают в приют в Скайсткалне. Учительница Дирвейка металась по дому, доставая откуда-то последние запасы сладостей, совала их Александру и приговаривала:

— Вот, отдайте мальчикам, господин Шакель. И не волнуйтесь. Я буду ездить в приют. Я присмотрю за ними. Господи, и когда же конец этим несчастьям, господи!..

А конец был близок. Очень близок. В августе сорок четвертого года от орудийного гула задрожали крыши хуторских построек. К хуторам подходила Советская Армия. Но ее приход, знаменовавший конец несчастьям для миллионов людей, еще не избавил Шакелей от горя. Оккупанты отступали, угоняя людей, скот, вывозя все, что можно было захватить впопыхах.

28 августа в Скайсткалне из дверей приюта суматошно и грубо вывели детей. Их рассовали по телегам, и, вихляя скрипучими колесами, вдавливая узкие следы в мягкий асфальт, странный обоз потянулся к Риге. Там детей втащили на палубу парохода, и, неумолимо прохрипев гудком, пароход ушел. На воде следов не остается. И как ни рвалось сердце у Берты, как ни ныло оно у Александра, им не отыскать было пути, на котором затерялись их мальчики.

* * *

В общем рассчитывать было уже не на что. Он объездил все детские дома Риги. И все-таки всякий раз, когда ему говорили: «Вот эти тридцать девятого и сорок первого года рождения» — и особенно если мальчуганы были светловолосые и голубоглазые, Александр испытующе, почти умоляюще заглядывал им в лица. До чего же хотелось найти хоть одну похожую черточку!

Они с Бертой жили теперь на хуторе Бруклени, у самого полотна железной дороги, и Александр был путевым рабочим. Берта, бедняга, все еще хворала: после того ожога так и не удалось ее вылечить окончательно. И он старался не говорить с ней о детях: что уж бередить раны! Только раз в месяц он отправлялся в Вецумниеки. Он шел, глядя под ноги и подробно обдумывая разговор с учительницей Дирвейкой. Она жила там, в Вецумниеки. Каждый раз по дороге он придумывал тысячи планов и до слова знал, что скажет, но каждый раз, придя, садился и, почему-то крутя бахрому от скатерти, говорил: «Что же делать, товарищ учительница?»

Последний раз Дирвейка посоветовала поехать в Ригу, в редакцию газеты «Циня». Он поехал. Но там тоже ничего не знали о маль-

Copyrighted material

чиках и сказали: «Этим вопросом занимается отдел по репатриации при Совете министров Латвии. Видимо, ваши сыновья были вывезены гитлеровцами в английскую или американскую зону оккупации Германии».

Он пошел в отдел по репатриации. Там разговор был долгим, мучительным и сладким, потому что и мучительно и сладко было вспоминать ему приметы и черточки его мальчуганов. А в конце разговора инспектор отдела сказал: «Не беспокойтесь, мы добьемся возвращения всех наших детей на родину. Мы известим вас».

Через несколько месяцев он получил письмо из отдела по репатриации. Еще тогда, по дороге в Ригу, то и дело вынимая из грудного кармана извещение, он наизусть выучил его: «Виктор и Арнольд Шакель 27 августа 1949 года вернутся на родину из города Клинберг, из английской зоны оккупации Германии». Да и соседи его по вагону тоже, наверное, выучили: столько раз он показывал это извещение. Он забыл о нем только, когда в детском доме ждал встречи с мальчиками.

Они были вдвоем в зале, Александр и директор детского дома. Александру казалось, что директору не заметно, как он волнуется, но тот почему-то все время повторял:

— Ну, перестаньте же, ну, возьмите же себя в руки. Теперь ведь они здесь. За два месяца дороги их подкормили и подлечили. Вы же сами читали истории болезни.

Да, он читал истории болезни, он все знает. Александр заметил, что у него мокрые щеки, только тогда, когда директор сказал ему об этом. И наконец они вышли откуда-то через заднюю дверь зала. Наверное, надо было броситься, схватить их на руки, но Александр стоял, не в силах даже пошевелиться. Мальчики тоже стояли и почти равнодушно, разве несколько удивленно, смотрели на него. Тогда директор сказал Арнольду, младшему: «Ну, а если бы ты увидел папу, ты бы узнал его?» Арнольд молчал. И тогда вдруг Виктор засмеялся: «Глупый, ведь это папка и есть!» — и бросился к Александру...

...Два дня они пробыли в Риге, а потом Александр сказал:

— Теперь поедем к маме.

Виктор удивился:

— К какой маме? В Германии нам сказали, что у нас нет мамы. Нам сказали, наша мама умерла.

А мать ждала их, стоя ночью на дороге, вглядываясь в темноту, и свет от ее фонаря, казалось, дробился, повторяясь желтыми маслянистыми мазками огней вдоль полотна железной дороги.

* * *

Арнольд спросил:

— Слушай, а для чего бывает кошка?

Виктор сказал, он уже знал:

— Для мышей, она ловит мышей. Таких, как у нас в кино. Помнишь «Слон и кролик»? Кролик бросал в слона мышами. Помнишь?

Помнит ли? Еще бы! Он знает наизусть все пленки, они их крутят каждый вечер. Да, если бы Лауме или Карлосу из приюта они рассказали, что у них теперь есть свое кино, никто бы не поверил. А у них вот есть. Отец подарил. И кошка есть. Что такое кошка, тоже никто в приюте не знал: там не было кошек. О корове или свинье даже говорить не приходится. А они захотят — и могут хоть каждую минуту смотреть на корову. Даже погладить. Здорово! Поэтому Арнольд предложил: «Пойдем погладим корову».

Берта из окна смотрела, как мальчики, пробираясь сквозь лиловые заросли астр, двинулись к сараю. Она стиснула руками подоконник так, что у нее побелели пальцы. Сами, сами идут к корове — и не боятся! Когда к ней приходили соседки и жаловались, что не могут справиться с ребятами, Берта завидовала им. Лучше бы уж сорванцами были ее дети. А она каждый день смотрела в их перепуганные глаза и думала, что этот страх, который вселился в них за шесть приютских лет, никогда не уйдет.

Они боялись всего: хлопала дверь — и мальчики вздрагивали, входил отец — и они вскакивали с мест; даже кошки боялись. Когда Виктор первый раз погладил кошку, он посмотрел на мать такими заискивающими и умоляющими глазами, что у Берты дрогнуло сердце. Она прошептала только: «Играй, играй, это можно, тут все твое. Можно».

Только они с Александром знают, какая была радость, когда муж однажды поманил ее на улицу и почему-то шепотом сказал: «Нет, ты только посмотри, что делается!» По дорожке, задевая головой низкие, тяжелые связки рябиновых гроздей, зажав между ногами раму — с седла он не доставал до педалей, — ехал на велосипеде Виктор.

— Сам научился, я и не заметил, как, — прошептал Александр.

Да, много времени потребуется, чтобы внушить детям, что их окружает иной мир. Рассказывают, что в Лиепайе один из возвращенных на родину мальчиков гулял с матерью на улице. Вдруг у кирпичного здания он упал на землю и, дико косясь на бурую стену, забился в истерике, крича: «Тюрьма! Тюрьма! Не отдавай меня в тюрьму! Не надо меня в тюрьму!..»

Но Виктора и Арнольда обступали теперь не тюремные здания, не готический аскетизм тяжелых, нависающих стен клинбергского приюта. Вокруг них, прямо за хутором, бушевал мир лохматых трав, в которых было слышно, как заводят маленькие часы кузнечики, было видно, как муравьи таскают зеленые сваи будущих домов. Их окружал мир с рябыми речными отмелями и стеариновыми мальвами с загорелой сердцевиной, с воздухом, настоенным на муравьином спирте и листьях черной смородины. Такой мир был в Канкарах, куда они переехали теперь, такой мир был и по дороге в Вецумниеки, куда Виктор ходил в школу.

* * *

Для учительницы Дирвейки Виктор был необычный ученик. Правда, занималась она с Виктором по общей программе и на латышском языке. Некоторым взрослым в Вецумниеки казалось странным, как это мальчики не забыли в Германии родной язык. Более того: Виктор рассказывал, что в Клинберге им преподавали латышский. Дирвейка знала, в чем тут дело. Конечно, в этом меньше всего было уважения к национальности детей. Английская разведка готовила кадры, и будущим разведчикам, которых нужно будет забросить в советскую Латвию, пригодится родной язык. Но все-таки Виктор сильно отстал от других учеников Дирвейки.

Наверстать упущенное было не самое сложное. Труднее было воспитать в мальчике доверие к себе, к другим учителям, к товарищам. Как-то она объясняла ему урок. Виктор, видимо, не сразу понял. Дирвейка сказала:

— Ну, а теперь расскажи мне сам.

Он молчал. Она объяснила еще раз и попросила повторить. Тогда он вдруг вскочил и хрипло прошептал: «Не бейте меня, пожалуйста, не бейте. Я сейчас пойму». Дирвейка взглянула на него:

— Я и не собираюсь тебя бить. С чего ты взял?

— Господин Межс в приюте бил нас, когда мы не понимали. У него всегда была в кармане плетка, и когда мы не понимали, он бил нас по рукам. А воспитательница, госпожа Закис, сажала нас в карцер, — и мальчик както съежился.

Дирвейка гладила его по голове и говорила, как если бы он был совсем крошечным и ему нужно было объяснять элементарное:

— Здесь тебя не будут бить. Здесь учат всех детей и, если они чего-нибудь не понимают, им говорят: это вот так и так. Для того и школа построена, и учителя для этого. Для детей, для всех детей.

Он спросил:

— А те, которые работают? Как же учатся они? У нас в приюте четырех мальчиков отдали немцам в сыновья, так они не учились, они работать стали. Карлос приходил потом в приют, он сам сказал.

— Кто это Карлос?

— Вот один из этих. У него никого настоящих родителей не было, Межс сказал. — Он помолчал, потом прибавил: — А может, и были у него настоящие родители. Межс сказал, что у нас тоже мамы нет, а она вот есть. И дома, Межс сказал, нет.

— Они не хотели, чтобы ты помнил о родине, — сказала Дирвейка.

Видимо, это мучило его давно, потому что он уж очень испытующе посмотрел на нее, как бы требуя самой точной правды.

— А что такое родина? Нам в дороге объяснили. Но я так и не понял.

Действительно, это ежеминутно зримое и ощутимое было трудно объяснить. Но Дирвейка сказала так:

— У всякого человека есть родина: это дом, где ты родился, где живут твои близкие, это земля, которая тебе дороже всего. Вот дерево и дерево, слова и слова, но дерево, которое ты увидел у себя под окном в детстве, и слова, которые ты услышал от матери, дороже тебе всех деревьев и всех слов. А на твоей родине тебе принадлежит весь мир: деревья растут для тебя, города строятся для тебя, и хлеб в поле шумит для тебя. Такая уж у тебя родина. Весь мир, который открыт вокруг тебя, твой. Он живет для тебя, а ты — для того, чтобы этот мир становился лучше. Но это надо почувствовать. Это выучить нельзя. — Она помолчала, а потом сказала: — Война отняла у тебя родину и мир. А теперь, когда они снова твои, есть люди, которые хотят отнять их.

Он испуганно сказал:

— Не отдавайте, не надо!

Да, он еще не все понимал. Арнольд, тот малыш и не задумывается ни о чем. А он, Виктор, должен разобраться во всем, что происходит. День ото дня в его голове толпилось все больше и больше вопросов.

В школе то и дело он натыкался на непонятные слова: «колхоз», «пионерский лагерь», «соревнование»... Другим мальчикам Дирвейка просто бы объяснила здесь же, в классе. А его она брала после занятий, и они уходили в поле, за хутора, на колхозные поля, где стояли золотые тучи вокруг молотилок, и объясняла те непонятные в классе слова.

* * *

Лето, второе лето их жизни в Канкарах, было слепящим и буйным. Виктор и Арнольд целый день проводили у реки. Дела начинались ни свет, ни заря. Еще бы: в 4 часа нужно было уже удить рыбу! Правда, Виктора волновало, что скоро в школу, а Арнольд совершенно неграмотный. Поэтому он брал с собой на реку книгу и, когда они не шлепали босиком по мели, заткнув книгу за ремень, или не лазили по деревьям, читал, подперев кулаками щеку, уткнув локти в траву. Но этот чудак Арнольд не слушал. Он и не смущался, что не знает ни слова в книжке.

— Тебя там ребята возьмут в работу, — Виктор хотел припугнуть его.

Тот только ухмылялся:

— А им какое дело! Каждый отвечает за себя.

— Как же «за себя»? Тут все совсем не так, ты еще не умеешь жить в Советском Союзе.

Арнольд обижался:

— Получше тебя умею.

Берта смеялась, что «сглазила» ребят: с Арнольдом теперь не было сладу. Виктор, тот хоть и не робел больше, но слушался мать. На зиму их было решено отправить в школьный интернат: и дешево — 40 рублей в месяц вместе с питанием — и, главное, не будут ходить в мороз за 7 километров на занятия. Виктор опасался за Арнольда: «Боюсь, он не сумеет жить по-советски, он же ничего не знает!»

С откоса у реки было видно, как с головой ныряли в зелень хутора, обрызганные яркими, горячими пятнами ягод рябины. Арнольд тронул Виктора за рукав и кивнул туда, на хутора, в поля:

— Это все наше!

Виктор, удивленный, оглянулся:

— А ты откуда это знаешь?

— Вот и знаю, не одному тебе знать. И там, дальше, где небо с землей сходится, тоже наше, вся земля, все города наши, и все люди нам товарищи. Вот! — Он был очень горд, что так поразил Виктора.

Виктор посмотрел туда, на деревья у хутора, и вдруг почувствовал, как дороги они ему, как непохожи на все деревья, которые он видел на свете. Он еще не знал для этого слов, но подумал, что если бы Дирвейка спросила теперь о том, что так подробно объясняла ему, — о его мире, о родине — он, может, и не рассказал бы ей этого, но ощутил бы смысл ее слов. И он прошептал, как тогда у Дирвейки:

— Не отдавайте, только не отдавайте этого. Этот мир мой!

Copyrighted material

На ленинградском заводе «Электроаппарат». Слесари-сборщики Б. А. Жуков (справа) и П. М. Горбунов собирают мощные выключатели.

Фото Б. Уткина

Copyrighted material

Криворожский металлургический завод. Фото Г. Зельма

На Казанском комбайновом заводе. Контролер В. М. Иванов принимает от слесаря-сборщика Н. И. Канаева готовые комбайны. Фото И. Соловья

Copyrighted material

БЕРЛИН В ДНИ СЛАВНОЙ ГОДОВЩИНЫ

Торжественно отпраздновали немецкие трудящиеся первую годовщину со дня образования Германской демократической республики.

Нарядно и красочно выглядели в этот день улицы и площади Берлина, расположенные к востоку от Бранденбургских ворот. Всюду развевались яркие трехцветные национальные и красные флаги, белые и синие полотнища с эмблемами Национального фронта демократической Германии и Союза свободной немецкой молодежи. Под сенью знамен — плакаты, зовущие к борьбе за мир и к созидательному труду.

«Матери! Наши дети не должны быть пушечным мясом американских поджигателей войны!» — призывал алый транспарант на одном из народных предприятий в центре Берлина. А под ним, на стене, большими буквами слова: «Ами, го хоум!» («Американцы, убирайтесь домой!»). «Мы отстоим мир и счастливое будущее для наших детей!», «Выберем кандидатов, которые выступают за дружбу с Советским Союзом, со странами народной демократии и со всеми миролюбивыми людьми!» — призывают транспаранты, вывешенные на Фридрихштрассе.

С раннего утра и до позднего вечера в демократическом секторе Берлина не прекращалось оживленное движение. По главным магистралям города с оркестрами и знаменами шли колонны Союза свободной немецкой молодежи. Десятки тысяч жителей германской столицы, в том числе западных секторов Берлина, присутствовали на торжественных заседаниях в честь Дня Республики.

Многолюдным было собрание на народном предприятии «Трансформаторен-верк». По приглашению профсоюзного комитета этого предприятия сюда пришли рабочие из Нейкельна, одного из районов американского сектора Берлина.

В своем коллективном приветствии они заявили: «Англо-американские раскольники хотели поставить между нами стальные заслоны. Но еще не существует такой стали, которая смогла бы сдержать наши горячие симпатии к тем, кто строит новую жизнь, кто борется за единую, миролюбивую, демократическую Германию».

На торжественное заседание в Государственной берлинской опере собрались лучшие люди Германской демократической республики. Все они встретили бурной овацией текст поздравительной телеграммы И. В. Сталина, зачитанной премьер-министром республики Гротеволем. Говоря о мирной политике СССР, Отто Гротеволь заявил: «Кто выступает против Советского Союза, тот выступает против мира, выступает за войну. Кто за Советский Союз — тот против войны, тот за мир. Друг Советского Союза является нашим другом, враг Советского Союза — наш враг!»

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами ответил зал на это заявление Отто Гротеволя. И это был голос всех берлинцев, голос всего немецкого народа, обязанного Советскому Союзу, его славной партии, великому вождю товарищу Сталину своим национальным освобождением. Слова «Сталин», «Дружба», «Великий Советский Союз» не сходили с уст берлинцев.

Волнующим моментом торжественного заседания в городской опере было вручение президентом республики Вильгельмом Пиком национальных премий немецким ученым, производственникам и деятелям культуры за выдающиеся работы в области науки, новаторства, искусства и литературы.

Под бурные овации присутствующих президент выразил надежду, что скоро настанет такой день, когда национальные премии будут присуждаться немецким гражданам независимо от того, в какой части Германии — восточной или западной — они проживают.

По-иному прошел день 7 октября 1950 года в западных районах Берлина. По улицам курсировали усиленные патрули штуммовской полиции, обыскивавшие прохожих.

Новыми арестами и бесчинствами отметили этот день «правители» западного Берлина. Но как ни усердствовала штуммовская полиция, во многих районах Западного Берлина 7 октября также появились лозунги и плакаты, приветствующие первую годовщину Германской демократической республики. В американском секторе города, на Фейербахштрассе, взвился трехцветный национальный флаг. День Республики был праздником для трудящихся всего Берлина, всей Германии.

И. ПРИХОДЬКО

Берлин.

МЕЧТА АЛИМДЖАНА УМАРОВА

«Вода — мать урожая»,— говорят в народе. Мечта о воде была сокровенной мечтой многих поколений. Она сбывается сейчас, в наши дни. Воды Волги, Днепра и Аму-Дарьи оросят и обводнят миллионы гектаров земель. И уже сейчас советские люди думают над тем, как лучше, рациональнее организовать систему орошения — так, как того требует постановление Совета Министров СССР. Об этом горячо говорили на состоявшемся в Москве Всесоюзном совещании по вопросам орошения.

В кулуарах совещания мы встретились во время перерыва с депутатом Верховного Совета Узбекской ССР Алимджаном Умаровым, человеком небольшого роста с бронзовым от загара лицом. Он стоял в фойе, окруженный группой специалистов-хлопководов, засыпавших его вопросами.

Чем же так привлек к себе внимание делегатов совещания Алимджан Умаров? Он председатель колхоза «Коммунист». Опыт этой артели, так же как и других передовых хозяйств Узбекистана, был учтен при разработке постановления правительства о переходе на новую систему орошения.

Алимджан Умаров с увлечением рассказывает:

— Было время, когда орошаемые земли нашего колхоза делились на 900 мелких участков, изрезанных каналами, межами и дорогами. На многих таких участках, обсаженных тутовыми деревьями, стояли курганчи — глинобитные кибитки. Урожай хлопка-сырца не превышал шести — семи центнеров с гектара. Так было. А сейчас поля колхоза разделены всего лишь на 95 поливных участков. Это позволило лучше использовать тракторы, а значит, и быстрее выполнять все работы. Кроме того мы расширили посевы хлопчатника, под которым теперь занято 500 гектаров. Впервые на полях колхоза появились хлопкоуборочные машины «СХМ-48».

Сокращая сеть постоянных оросительных каналов, мы начали широко применять поливы из временных оросителей по глубоким бороздам и малой струей. При этом способе полива вода расходуется экономнее, борозды не затопляются и создаются благоприятные условия для развития хлопчатника. В 1948 году наши колхозники собрали с гектара по 32,6 центнера хлопка-сырца, а в нынешнем году, судя по всему, выращено на круг около 35—40 центнеров.

Умаров рассказывает о замечательных перспективах колхоза:

— В ближайшие два года у нас полностью завершится переустройство оросительной сети и укрупнение поливных участков. Урожай хлопка в 1956 году достигнет 45—50 центнеров с гектара. Это значит, что от одного лишь хлопководства годовой доход колхоза составит 10—12 миллионов рублей.

В нашу беседу включается Ф. Ф. Измайлов, заведующий Янги-Юльским районным отделом сельского хозяйства:

— Я бы хотел только добавить, что таких колхозов, как «Коммунист», в нашем районе много: имени Свердлова, имени Ворошилова, «Коммунизм» и другие. Район наш дважды добивался мирового рекорда по урожайности хлопка.

Через несколько лет, когда во всех колхозах будет введена новая система орошения, мы соберем урожай по 45 центнеров с гектара со всей площади.

Н. ДЫМОВ

На снимке (слева направо): заведующий отделом сельского хозяйства Янги-Юльского района, Узбекской ССР, Герой Социалистического Труда Ф. Ф. Измайлов, заместитель министра хлопководства СССР академик А. Н. Аскоченский, председатель колхоза «Коммунист». Янги-Юльского района, Алимджан Умаров.

Новое в поселке Сетунь

Недавно в поселке Сетунь открылись новые детские ясли. На снимке: агитатор В. Ф. Звонков беседует с заведующей яслями В. Н. Леоновой (слева).

Фото В. Евграфова

Над поселком Сетунь опускаются ранние осенние сумерки, в сыром воздухе глухо звучит гудок. От заводских корпусов к жилым кварталам идут рабочие, инженеры, служащие. Многие из них, прежде чем отправиться домой, заходят в партком и заводской комитет профсоюза, чтобы захватить свежие газеты, брошюры с недавно опубликованным Положением о выборах в местные советы РСФСР. Сегодня агитаторы побывают у избирателей на квартирах.

Василий Федорович Звонков, сотрудник заводоуправления, не первый год ведет агитационную работу в поселке. Несчетное множество раз шагал он знакомыми улицами. Звонков привык не заглядывать в список адресов: почти каждый избиратель знаком ему лично, памятен по предыдущим встречам.

Первый визит — в общежитие молодежи. Как всегда, шумно под сводами длинных коридоров, из-за дверей доносятся песни, звон гитары, веселые голоса. Здесь вот, в этой комнате, прошлой весной жил молодой токарь Дмитрий Муравьев. Не раз, помнится, заставал его агитатор вечером за раскрытыми учебниками. «Тише, ребята,— говорили друг другу шумливые соседи Муравьева,— тише, Митя к экзаменам готовится».

А теперь койка и столик Муравьева заняты другим юношей.

— Уехал от нас Митя,— поясняют соседи,— он теперь в Москве, в университете учится.

И парни рассказывают про своего друга: окончив школу рабочей молодежи с золотой медалью, Дмитрий Муравьев поступил на математический факультет.

Не встретишь в общежитии и электрика Николая Соловьева: вместе с молодой женой он переехал в новый дом, заселенный весной.

В квартире № 1 дома № 18-б двери открывает вихрастый паренек.

— Вениамин Рыбаков,— рекомендуется он.

Это второй сын старшего мастера Федора Васильевича Рыбакова. Он родился, когда отец — чернорабочий на стройке — жил еще в бараке. В период предыдущих выборов в местные советы Веня был школьником, а теперь он уже второй год учится в техникуме.

В квартиру № 26 недавно переехала Анна Алексеевна Пашинова, вдова погибшего фронтовика, с тремя детьми, и сестры Ирина и Александра Зуевы.

— Как, довольны жильем? Все у вас в исправности? — спрашивает Звонков, заходя в просторную кухню.

— Довольны, Василий Федорович,— в один голос отвечают хозяйки,— плитой не нахвалимся, да и ванна хороша... А паровое отопление в порядке будет?

— Скоро затопим,— Звонков показывает в окно на двор, изрытый траншеями, и объясняет, что сейчас подходят к концу работы по реконструкции теплофикационной сети. Поселок растет, и для отопления домов под землей прокладываются новые трубы.

Рядом с домом, заселенным минувшей весной, за лето выросла еще одна жилая секция. Сейчас строители заканчивают внешнюю отделку корпуса. К 33-й годовщине Октября сюда въедут 130 семей.

В глубине двора, где минувшим летом разбили сквер и соорудили красивый фонтан, виднеется нарядное, ярко окрашенное здание детских яслей. Выйдя из подъезда, агитатор останавливается потолковать с молодыми мамашами. Антонина Сергеевна и Татьяна Палкина по дороге с завода домой идут за своими малышами. У малышей тоже новоселье: новые ясли открыли только в сентябре.

По асфальту главной улицы поселка шуршит шинами «Москвич». Из кабины выглядывают улыбающиеся лица Александра Ивановича Соколова и его сына Володи. «Династия футболистов» — так зовут Соколовых в поселке. Глава семьи, старший мастер,— много лет бессменный тренер заводской команды. Старший сын, Александр, и второй, Владимир, — завзятые игроки.

Завидев агитатора, Соколов останавливает машину, чтобы поделиться своими спортивными заботами: стадион надо готовить к зиме.

Много хороших новостей в рабочем поселке Сетунь, что близ Кунцева, под Москвой!

С. МЕСЯЦЕВ

Copyrighted material

ДЕЛЕГАТЫ МИРА

Его выбрали портовики

Шарапов стоит у широкого, почти во всю стену окна, из которого видны причальная линия, кран, швартующийся пароход... Знакомая, родная картина!

Константин Васильевич только что вернулся с собрания, которое выбрало его делегатом на вторую

Константин Васильевич Шарапов.

Всесоюзную конференцию сторонников мира. Благодаря товарищей, оказавших ему эту честь, он сказал на собрании:

— Как и миллионы моих соотечественников, я был солдатом в войне против гитлеровцев. Мы победили. Теперь я участвую в битве за мир. И эта битва будет нами выиграна.

Те, кто слушал его, знали, что он был хорошим, храбрым воином, что доблесть его отмечена двумя боевыми орденами и многими медалями. Среди присутствовавших было несколько человек, которые вместе с ним во второй день войны отправились на эскадренном миноносце в бой. Эсминец отходил от того самого причала, где еще два дня назад Шарапов и его бригада крановщиков грузили и разгружали торговые суда.

В матросском бушлате он сражался у Колпина, на Синявинских болотах — в местах, навсегда овеянных ратной славой. На Ленинградском фронте воевали также два его брата: Георгий и Александр. Узнав, что Георгий совсем рядышком, в соседней части, Шарапов принялся его искать, но опоздал: брат был накануне тяжело ранен и умирал в госпитале. В тот же день Константину Васильевичу передали письмо из Ленинграда, от соседей по дому. Они сообщали, что его сынишка Юра умер от голода, а дочурка Валя вывезена с яслями в Сибирь, на Обь...

Вспоминая все это, Шарапов сказал на собрании кратко и просто:

— Я немало повидал за эти годы.

Он стоял у трибуны, высокий, подтянутый, строгий. Говорил негромко, спокойно, убежденный в справедливости собственных слов, каждое из которых не только продумано, но и выстрадано:

— Мы не хотим войны! Но разве достаточно одного лишь желания? Мир надо отвоевать!

Шарапову не нужно было рассказывать свою биографию людям, пожелавшим послать его делегатом в Москву на конференцию. Часть из них помнила его совсем еще юным крановщиком, удивлявшим всех любознательностью и смекалкой. Другие знали Константина Васильевича уже опытным механиком. Многие учились у него. Многие помогали ему осуществить после войны то, что называют теперь на морском транспорте шараповским движением.

В специальных технических статьях и брошюрах говорится об этом так: «Борьба за длительную эксплуатацию кранов без отвода их на ремонт». В тех же статьях и брошюрах приводится среди других такая цифра: 80 тысяч рублей сэкономили за год Шарапов и его последователи в Ленинградском торговом порту.

Ему не нужно было рассказывать свою биографию и потому, что в зале сидели те же люди, которые послали его в прошлом году на первую Всесоюзную конференцию сторонников мира.

Теперь они во второй раз доверили ему сказать от их имени слово в защиту мира.

М. ЛАЗАРЕВ

Чтобы крепли латышские колхозы...

Ян Вольдемарович Пейве сейчас в отпуске. Небольшой одноэтажный домик, в котором отдыхает руководитель Латвийской сельскохозяйственной академии профессор Ян Вольдемарович Пейве, стоит в тихом уголке Рижского взморья, окруженный яркими осенними цветами. Сюда и прибыла радостная для ученого весть — об избрании его делегатом Всесоюзной конференции сторонников мира. Мы застали профессора на веранде. Я. В. Пейве сидел за небольшим столиком и что-то писал.

— Хорошо трудиться здесь,— сказал он, отрываясь от работы.

— Но вы в отпуске!

— Самое хорошее время. Можно написать то, что обдумано и выношено.

Ян Вольдемарович берет в руки объемистую стопу исписанной бумаги.

— Это будет книга о технических культурах Латвийской ССР,— сказал он.— Книга предназначена для наших агрономов и колхозного актива. Такие культуры, как лен и сахарная свекла, должны занять почетное место на колхозных полях советской Латвии. Необходимых для этого знаний и уменья у наших колхозников еще недостаточно. Но на помощь приходят огромный опыт, накопленный за многие годы стахановцами братских республик, достижения передовой мичуринской науки.

Я,— продолжает профессор,— изучал работы лучших мастеров высоких урожаев технических культур в Калининской и Кировской областях, на Украине, в Белоруссии, проводил большое количество опытов на наших республиканских селекционных станциях. Материала собралось много. И, верите, как сяду с утра за этот столик, не могу оторваться. Чувствую, что своим трудом должен принести пользу человеку. А такое сознание для нас, советских ученых,— наибольшая радость...

В последнее время я принимал непосредственное участие в организации сбора подписей трудящихся Латвии под Стокгольмским Воззванием. Но свою задачу я, как член Советского Комитета защиты мира, рассматриваю шире. Надо трудом и творчеством служить мирной жизни своего народа. Все советские люди стоят сейчас на вахте мира. Стоят на этой почетной вахте и ученые. Коллектив научных работников, которым я руковожу, старается внести посильную лепту в борьбу колхозников за высокие урожаи.

Ян Вольдемарович Пейве.
Фото А. Моклецова

Мною проведено много научных опытов по изучению действия новых микроудобрений на урожайность различных сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Латвии. Теперь я приложу все усилия для быстрейшего их внедрения в практику колхозов и совхозов.

Великий Сталин указал латышскому крестьянству путь к счастливой жизни, к коммунизму. И мы, ученые, считаем для себя самой большой честью все свои знания посвятить процветанию колхозов. А чем крепче станут колхозы, тем могущественнее будет Советская страна — оплот мира во всем мире.

...Закончив беседу, мы вышли на улицу. Робко шелестела на деревьях позолоченная осенью листва. Оглянувшись, мы увидели на веранде профессора, снова склонившегося над столом.

Р. ЕВГЕНЬЕВ

Сталь Петра Болотова

Осенью 1941 года фашистские захватчики рвались в глубь Донбасса. Над городом Енакиево, мирным городом шахтеров и металлургов, день и ночь гудели фашистские самолеты. Фронт приближался. Оборудование заводов и люди эвакуировались в дальний тыл.

Сталевар Петр Григорьевич Болотов готовился идти на фронт.

— Ты нужен в тылу, на Урале,— сказали ему.— Там тоже фронт.

Ранней весной 1942 года Петр Болотов стал на первую фронтовую вахту у мартеновской печи № 4 Ново-Тагильского металлургического завода.

С великой страстью работал Болотов для фронта. А когда наступил праздник Победы, сталь Болотова пошла на нужды мирного строительства. Вместе со всем советским народом он вновь обрел счастье мирного труда.

«Как ускорить процесс плавки и увеличить съем стали?» — задумался Петр Григорьевич. Личный опыт, книги, советы инженеров помогли ему найти ответ, выработать тот знаменитый болотовский метод скоростной и тяжеловесной плавки, который теперь подхватили многие сталевары Урала. Срок плавки сокращен почти в два раза, а съем стали с квадратного метра пода печи увеличен почти вдвое.

Сталевар борется за мир не только у своего мартена: трудящиеся Нижнего Тагила послали его делегатом на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Они дали ему наказ:

— Иди и заяви от нашего имени, от имени наших детей, жен и матерей, что мы хотим добывать руду, плавить чугун, варить сталь и строить машины не для войны, а для наших гидростанций, каналов... А еще скажи: горе тем, кто осмелится нарушить наш мирный труд.

А. САЛЫНСКИЙ

Знатный сталевар-скоростник Петр Болотов.

Фото И. Тюфякова

Copyrighted material

Материнская сила

Евдокия Ивановна Седых.

— Будь моя власть, я бы эту свору трумэнов на цепь посадила... И чего там церемонится народ, не знаю. Неужели американские рабочие и крестьяне не понимают, чем это грозит им самим?

Доярка энергичным движением, даже со злостью толкнула вперед тележку, нагруженную кормовой капустой. Было десять утра. По расписанию, которое в совхозе «Лесные поляны» соблюдают с необычайной точностью, доярка должна была начать раздачу сочных кормов. На подбор красивые, крепкого сложения холмогорки, словно по команде, повернув головы в сторону своей хозяйки, жалобно мычали.

Доярка невольно улыбнулась:

— Конечно, в часах не разбираются мои коровы, но, знаете, рефлекс. Увидали меня с тележкой издалека и дружно подали голос.

Забыв на минуту о теме, с которой начался наш разговор, доярка напомнила мне о многочисленных экскурсиях школьников и студентов. В поисках наглядных примеров торжества мичуринской биологии и павловской физиологии они часто навещают образцовую молочную ферму в «Лесных полянах», Московской области.

Мы беседуем с лучшей дояркой этой фермы Евдокией Ивановной Седых. Пятнадцать лет назад из глухой тамбовской деревушки приехала она в совхоз. Ныне Евдокия Ивановна — высококвалифицированный мастер-животновод, Герой Социалистического Труда. Евдокия Седых известна не только в нашей стране, но и за рубежом. Много заграничных делегаций побывало на молочной ферме в «Лесных полянах». Этим летом, например, совхоз посетили чехи, монголы, поляки, немцы. И обязательно они знакомятся с Евдокией Ивановной — лучшей из доярок.

Оказывая доверие и уважение Евдокии Ивановне, коллектив совхоза выдвинул ее делегаткой на Вторую Всесоюзную конференцию сторонников мира. Мы спросили доярку, что она намерена сказать с трибуны конференции.

— Выскажу прямо все, что думаю,— ответила Седых.— И о том, как мерзавцы-империалисты проливают в Корее невинную человеческую кровь, и об их лабораториях, где они разводят бактерии чумы и сибирской язвы для истребления людей. Для них человек дешевле всего.

Я советская труженица, мать двух детей, которых учу и воспитываю. И я обращаюсь ко всем матерям мира: довольно терпеть! Хватайте за глотку агрессоров! Не бойтесь: материнская сила могуча. Если все матери мира твердо заявят: «Нет!»,— войны не будет...

С. КОРЕНЕВ

Он строит дома

Кто побывал в Киеве в первые дни после его освобождения от гитлеровских захватчиков, тот надолго запомнил представшую перед ним страшную картину разрушений. Город-красавец был весь в глубоких ранах. Над изуродованными корпусами домов с зияющими глазницами окон ветер разносил удушливый запах гари. Киевляне, вернувшиеся в родной город из эвакуации, с горечью говорили:

— Будь проклята война и тот, кто ее породил. Мы хотим мира и будем бороться за прочный мир на земле!

Ныне Киев, светлый и мирный город в живописных садах и парках, вновь украсился чудесными зданиями. Столица Украины успешно залечивает раны. Возрождается и центральная ее магистраль — Крещатик.

Каждое утро на строительные леса Киева подымаются тысячи каменщиков, штукатуров, плотников. Строитель — одна из самых почетных профессий в городе. Здесь гордятся людьми, чьи золотые руки восстанавливают любимый город. С большим уважением произносят киевляне имя Василия Курыкина — знатного штукатура, неутомимого новатора, активного общественника.

Для мирной, счастливой жизни строит дома Василий Курыкин, человек, знающий цену войне, испытавший всю тяжесть военных невзгод. Уроженец села Песковатка, Сталинградской области, Курыкин помнит и героическую оборону Царицына и историческую Сталинградскую битву.

В Киеве на стройках жилых домов, школ, больниц расцвел талант строителя. В первый же день вахты мира Василий Яковлевич выполнил несколько норм. А потом он стал ежедневно давать по две с половиной нормы. Прославленный штукатур охотно делится своим опытом и уже имеет многих последователей.

Свой вклад в дело мира Курыкин вносит не только стахановским трудом. Как депутат райсовета, он, беседуя со своими избирателями, обстоятельно рассказывает им о последних событиях в стране и за рубежом, о кровавых замыслах американских империалистов, о том, как на земном шаре ширится фронт борьбы прогрессивного человечества за мир.

Строители Киева единогласно избрали Василия Курыкина своим делегатом на Вторую Всесоюзную конференцию сторонников мира.

На следующий день Василий Курыкин выполнил на строительстве большого жилого дома три нормы. Его поздравляли строители всего района, приветствовали будущие жильцы дома.

В. КУЧЕР,
Е. КРИЖАНОВСКИЙ

Василий Яковлевич Курыкин.

Сад на улице Мира

Улица Мира в Солнечном.

Фото Д. Трахтенберга

Рабочие и служащие ленинградского завода имени Ворошилова выращивают фруктовый сад. В будущем году ворошиловцы собираются снять первый урожай.

— Если хотите посмотреть, каков будет наш сад, поезжайте на Карельский перешеек,— сказали нам в завкоме.— Адрес такой: Курортный район, Солнечное, улица Мира...

Этот адрес говорит о многом: район Курортный; станция носит поэтическое название — «Солнечное»; улица наречена благородным и священным для советских людей именем — Мир!

Дачный поселок Солнечное расположен, как и другие поселки Курортного района, на побережье Финского залива. На 40 километров вдоль залива тянутся дома отдыха, здравницы, санатории, пионерские лагери. Солнечное — один из самых благодатных и живописных уголков перешейка.

Шесть лет назад, летом 1944 года, здесь наступали части Советской Армии, громившие фашистских захватчиков, засевших под Ленинградом. Вскоре после окончания боев возрожденная курортная зона снова стала любимым местом отдыха ленинградцев. Но следы войны еще не стерты, а память о солдатах, сражавшихся за счастье и мирную жизнь своих сограждан, будет жить вечно...

Чтобы попасть на улицу Мира, надо пройти мимо могилы сержанта Малофеева, погибшего в бою на земле Курортного района. Могила фронтовика всегда в цветах: сюда приходят отдыхающие в здравницах, дачники, пионеры.

Улица Мира, утопающая в зелени и цветах, застроена небольшими уютными домиками. Здесь на дачах живут многие ленинградцы. Центр улицы занимают угодья подсобного хозяйства завода имени Ворошилова. Большая площадь, где раньше выращивались овощи и картофель, отведена под фруктовый сад и ягодники. Стройными рядами высажены молодые яблони, груши, вишни.

Люди, которые сажают фруктовые деревья и землянику на улице Мира, не хотят войны. Они хотят мира на долгие, долгие годы.

М. АЛЕКСАНДРОВ

По велению сердца

Поток писем хлынул сюда более трех месяцев назад. В ту пору почтальон приносил в дом № 10 на Кропоткинской улице, в Советский комитет защиты мира, сотни писем, телеграмм со всех концов страны. И все они были пронизаны единой мыслью:

— Мы подписываемся под Стокгольмским Воззванием, потому что не хотим войны!

Уже давно закончился в нашей стране сбор подписей под историческим документом. Но попрежнему письмоносец ежедневно доставляет в особняк на Кропоткинской пачки конвертов, почтовых открыток, аккуратно сложенных треугольником листков бумаги.

Мы знакомимся со свежей почтой Комитета. В дни подготовки ко Второй Всесоюзной конференции сторонников мира приток писем значительно возрос. Советские патриоты пишут от всего сердца, по его велению. Это их страстное слово с трибуны конференции. Они незримо будут присутствовать в зале вместе со своими делегатами.

«Опять над миром стелются черные тучи,— пишет Мария Егорова, студентка боровичской фельдшерско-акушерской школы. — Американские бизнесмены хотят раздуть пламя третьей войны. Но советские люди уверены, что добро восторжествует над злом, ибо во главе лагеря мира стоит наш вождь, учитель и друг всего прогрессивного человечества родной товарищ Сталин».

Кузьма Сергеевич Зайцев, рабочий спичечной фабрики «Ревпуть», что на станции Злынка, Брянской области, письмо о мире начинает с воспоминаний о войне. Вот страшный перечень жертв, понесенных только одной семьей:

«В 1942 году 30 мая у станции города Клинцы, Брянской области, гитлеровские людоеды казнили мою жену Наташу, 17-летнюю дочь Лидию, 5-летнего сына Васю, 75-летнюю мать Елизавету, братьев Григория и Демьяна, сестру Машу, жен и детей других братьев, которые в то время находились в рядах Советской Армии. Среди казненных были грудные дети. Защищая Родину, погиб мой сын. Я сам находился в партизанском отряде. Все добро, нажитое нами за десятки лет, разграбили и уничтожили».

Русский рабочий бередит свои глубокие, не залеченные временем раны потому, что далеко, далеко от Брянской области льется кровь корейских рабочих, крестьян и их семей. Фашисты, но уже не в немецких, а в американских мундирах, творят такие же кровавые дела, какие творили гитлеровцы на советской земле.

Рядом со стопками писем советских людей лежат на столе анкеты избранных ими делегатов Второй Всесоюзной конференции сторонников мира: обер-мастера доменного цеха И. Г. Коробова и академика А. Н. Несмеянова, колхозницы, дважды Героя Социалистического Труда Басти Багировой и народной артистки РСФСР О. Лепешинской.

Народ знает: эти люди примут правильное решение. Они скажут весное слово в защиту мира.

Copyrighted material

НА БАРЕНЦОВОМ МОРЕ

Иван Федорович Корыхалов. Фото П. Беззубенко.

Ежегодно сотни карельских рыбаков из Кеми и Беломорска, Лоух и Карети выезжают на экспедиционный лов на море Баренца. Вот и нынче воды этого бурного, холодного моря бороздят десятки карельских мотоботов. Управляемые опытными капитанами, суда выходят в море в любую погоду и возвращаются на становища с богатыми уловами.

Миновало время, когда ловцы на утлых суденышках с опаской и тревогой отрывались от берега. Теперь нет нужды особо приноравливаться к «характеру» моря. Имея на вооружении мощные суда, оснащенные современными орудиями лова, люди уходят в морскую даль и в тихую погоду и в шторм. Многие суда давно выполнили сезонный план и, соревнуясь в честь 33-й годовщины Великого Октября, продолжают ловить рыбу сверх задания.

Карельские рыбаки — отменные мастера своего дела. С юных лет у них пробуждается любовь к морю, и не гаснет она всю жизнь. Полвека назад впервые вышел в море Иван Федорович Корыхалов, ныне бригадир рыболовецкой бригады колхоза «Красный рыбак». Искусству ловить рыбу в любое время года обучил он многих поморов. Ныне Иван Федорович промышляет в Белом море. Он специалист по лову семги. Неся трудовую вахту мира, старый помор в июле и августе выловил 120 пудов этой ценной рыбы.

А. ШВАРЕВ

КОРОТКО

ДОМИК-МУЗЕЙ М. В. Фрунзе в городе Фрунзе пополнился многими копиями документов и фотографий, связанных с детскими, юношескими годами и революционной работой выдающегося советского полководца и виднейшего деятеля коммунистической партии. Новые материалы полнее отражают роль М. В. Фрунзе в Октябрьской революции, его пребывание на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах и на Украине, период руководства вооруженными силами страны. Большой интерес представляют документы, рассказывающие о родителях М. В. Фрунзе и его учебе.

Дом каменотёса Мирзаханяна

На одной из улиц Кировакана, районного центра Армении, стоит двухэтажный дом из розового туфа. Фасад его украшен колоннами и орнаментом, цоколь сделан из гранита. Здание радует изяществом отделки, мастерством исполнения. Это дом каменотеса Меграба Мирзаханяна. Здесь все — от первого камня фундамента до последней черепицы на крыше — уложено его руками.

Сорок пять лет работает Меграб Мирзаханян на стройках. Одиннадцатилетним мальчиком поступил он в артель каменотесов и на всю жизнь остался верен своей профессии.

— Я родился и рос,— говорит он,— в горном селе Караберт. Дом моих родителей, если его можно назвать домом, был вырыт в горе и никак не приспособлен для жилья. Такие похожие на пещеры жилища служили кровом для десятков тысяч людей в горной Армении.

Мальчиком ушел я из родной деревни на заработки и исколесил все Закавказье. Участвовал в строительстве особняков для нефтяных магнатов, тесал камень для доходных зданий в промышленных городах, возводил загородные виллы богачей. Сам же ютился в темных сараях. Моя профессия не давала тогда средств на сносное существование.

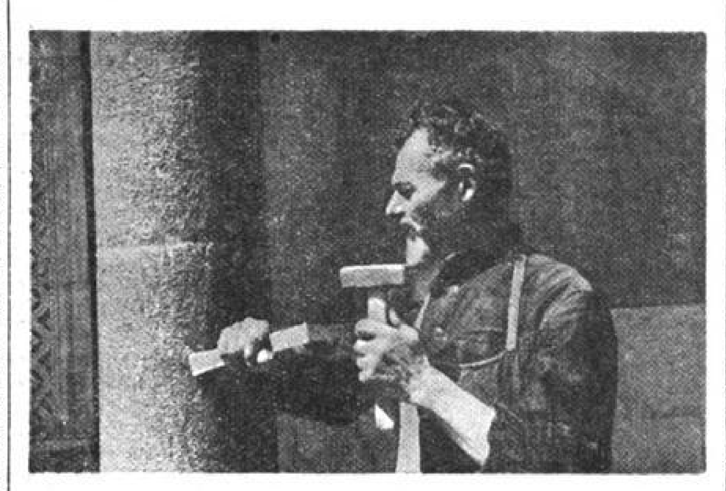
Теперь меня величают «мастер Меграб», и я с гордостью показываю людям свои натруженные руки каменотеса. Все дети мои учатся, старший сын, Армаис, стал инженером-строителем. Это хорошо, когда сыновья идут дальше своих отцов.

Сотни прекрасных сооружений возвел я после революции: жилых домов, школ, общественных зданий, памятников. Я занимался отделкой внутренних помещений театра оперы и балета в Ереване, выполнял орнаментные работы при сооружении памятника Ленину в столице Армении, строил здание музыкальной школы в Кировакане, делал узоры на камне для памятника, установленного на Безобдалском перевале — месте встречи Пушкина с телом убитого Грибоедова...

Дом, который я построил для своей семьи,— один из трехсот, сооруженных в Кировакане в послевоенный период. А ведь Кировакан обозначен лишь маленькой точкой на географической карте бескрайней Советской страны.

Я прохожу по улицам нашего небольшого города и любуюсь тысячами молодых фруктовых деревьев, высаженных нынче вокруг жилых зданий. Я знаю: новое фруктовое дерево, как и новый дом, является символом стремлений советского народа к мирной, созидательной жизни.

И. КРЯЖЕВ



Каменотес Меграб Мирзаханян за работой.

Рында, Чайка и Волна

Такими именами окрестили моряки теплохода «Краснодар» трех слонов, которых они привезли из Генуи в Одесский порт. В Италию слоны прибыли из Бангкока.

Это были, собственно, не слоны, а шестилетние слонята. Рост каждого — около двух метров, вес — свыше двух тонн.

На пути из Генуи в Одессу «Краснодар» попал в шторм. Необычные пассажиры приспособились к сильной качке: они держались хоботами за перекладины клеток. Вели они себя довольно спокойно, если не считать одного инцидента: когда их прикрыли от непогоды брезентом, они изорвали его в клочья.

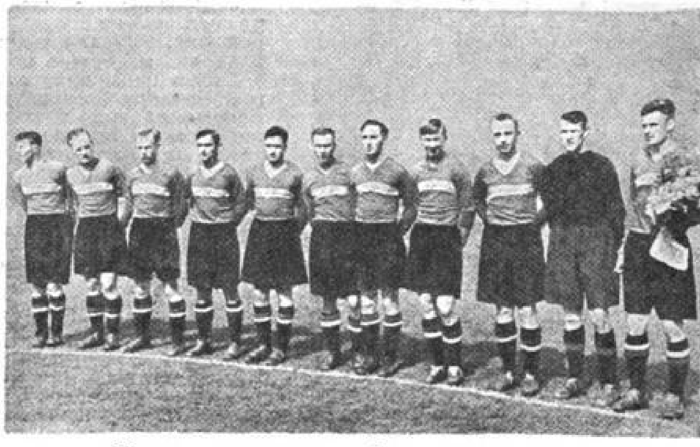
Во время шторма слоны ели плохо. Вообще же трудно было жаловаться на отсутствие у них аппетита. Нормальный дневной рацион слонят состоял из пятидесяти килограммов сена и овса, не считая булок, овощей, фруктов и сладкого, которыми их баловала команда «Краснодара».

Рында, Чайка и Волна — первые слоны, прибывшие в СССР после войны. Они получены в обмен на животных нашей, отечественной фауны.

Я. КРАВЦОВ

Матрос И. Горбенко со своим любимцем Рындой. Фото А. Мосцинскера.

Спартаковцы в Норвегии



Московская команда общества «Спартак».

Приезд московских спартаковцев в Осло вызвал необычайный интерес не только у жителей столицы, но и у любителей футбола многих городов Норвегии. Неслучайно поэтому на первом матче «Спартака» с командой «Сагене» было несколько тысяч человек, приехавших в Осло с периферии.

Встреча, как известно, закончилась убедительной победой московских футболистов. Они выиграли со счетом 7 : 1, это несмотря на сильный дождь, который шел во второй половине матча, и на необычные условия соревнований при электрическом свете, которого было недостаточно. Играли белым мячом, но так как он быстро превращался от грязи в черный, то его пришлось шесть раз менять.

Старший тренер команды «Спартак» заслуженный мастер спорта А. Х. Дангулов, оценивая матч, сказал:

— Команда «Сагене» — хорошо тренированный коллектив, умеющий отлично обращаться с мячом. Однако спартаковцы показали быструю игру, уменье хорошо меняться местами, остроумно комбинировать, а главное — большую работоспособность всей команды.

Норвежская печать уделяет много внимания игре москвичей. Газета «Арбейтербладет» отмечает исключительную дисциплинированность и организованность спартаковцев во время матча, а также полное отсутствие грубости у советских футболистов. Газета рекомендует норвежским игрокам поучиться корректности у спартаковцев.

«Арбейтербладет» пишет, что «в команде «Спартак» нельзя никого выделить или назвать ведущей звездой, так как все одиннадцать были звездами и любой из них явился бы украшением сборной команды Норвегии».

Норвежская газета «Афтенпостен» сообщает:

«Можно было подумать, что мы присутствуем на игре спринтеров (бегунов на короткие дистанции). Вратарь спартаковцев Чернышев в отличие от вратаря динамовцев Хомича, прозванного «тигром», уже получил за свою игру кличку «пантера». В его игре есть что-то гибкое, пластичное в сочетании с непостижимыми бросками».

Корреспондент шведской газеты «Афтонбладет» сообщает из Осло:

«Молодые футболисты «Спартака» на стадионе «Бишлет» произвели большое впечатление. Хорошо сложенные, гибкие юноши обращались с мячом совершенно свободно и естественно. Нет никакого сомнения, что в Советском Союзе появилось новое поколение замечательных игроков».

Шведская газета «Экспрессен» пишет:

«Можно констатировать, что команда «Спартак» обладает такими же высокими спортивными качествами, как и команда «Динамо», которую мы видели. Можно даже сказать, что в одном отношении «Спартак» превосходит «Динамо», а именно в отношении игры головой, которую «Спартак» продемонстрировал просто блестяще. Нас снова поразила быстрота русских».

«Спартак» после матча с «Сагене» отдыхал в Осло и провел тренировки совместно с рабочими-спортсменами.

Осло.

В. СИНЯВСКИЙ

СПОРТСМЕНЫ СЕЛА СЕРЕБРИЯ

Ярко зеленеют озимые посевы, дремлют сады и виноградники над быстроводным Днестром. Среди этой зелени расположен колхозный стадион села Серебрия. Он сооружен руками молодых хлеборобов — членов недавно организованного спортивного общества «Колгоспник». Красивая арка у входа, вместительные трибуны для зрителей, футбольное поле, опоясанное беговой дорожкой. Все сделано добротно, по-хозяйски, с любовью и старанием.

Добрая слава о серебрийских физкультурниках из спортивного общества «Колгоспник» вышла далеко за пределы Винницкой области. Крепкий спортивный коллектив села объединяет около 300 колхозников. Руководит им способный организатор физкультурной работы Петр Будяк.

В коллективе десять спортивных секций. Занятия в них ведутся регулярно, летом и зимой. За сравнительно короткий срок здесь выросли десятки спортсменов, достойно защищающих честь села. Лучший пловец — барабанщик молотилки Василий Коваль. Стометровку он проплывает за 1 минуту 30 секунд — это норма третьего разряда всесоюзной классификации. Василий Коваль прочно удерживает первенство и в трудовом соревновании.

Среди лучших местных спортсменов колхозники Мария Гончар, Павел Будяк, Анатолий Бучацкий, Михаил Громинский, зоотехник Анна Розанова. В артели созданы мужская и женская волейбольные команды. Серебрийские футболисты успешно участвуют в розыгрыше первенства Винницкой области.

Колхозные спортсмены с увлечением занимаются конным и велосипедным спортом, легкой и тяжелой атлетикой, шахматами и шашками. Недавно они вышли победителями на Винницкой областной спартакиаде, состоявшейся в городе Могилев-Подольске.

На Украине в спортивном обществе «Колгоспник» сейчас насчитывается 16 950 коллективов, объединяют они 645 тысяч спортсменов-колхозников.

В. КУРИЖЕВ

Copyrighted material

Остин, Даллес и другие...

Из заметок американского журналиста

Джозеф КЛАРК

Воспоминания о прошлом, должно быть, часто посещают членов делегации Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций...

Как известно, лицо сенатора Остина становится краснее свеклы и голос его прерывается от раздражения, когда на заседаниях Совета Безопасности Яков Малик спокойно и настойчиво требует, чтобы в Совет был допущен законный представитель Китайской народной республики. Эти метаморфозы в физиономии Остина происходят отчасти и потому, что гнев американского делегата усугубляется некоторыми воспоминаниями о прошедших временах.

Новый Китай не нравится главе делегации США в ООН. В новом Китае, к сугубому сожалению мистера Остина, не может повториться то, что он переживал в старом Китае. Остин мог бы, например, рассказать о днях 1916 года, когда он, исполненный радужных надежд, отправился в Китай как представитель американской деловой фирмы. Это был Китай Юан Ши-кая, а не освобожденный Китай!

А другой делегат Америки в Генеральной Ассамблее — мистер Джон Фостер Даллес? У него тоже найдется кое-какой материал для личных и семейных мемуаров о Китае времен маньчжурской монархии. Так, в 1907 году мистер Даллес оказался в роли секретаря китайской делегации, направленной маньчжурскими правителями на мирную конференцию в Гаагу.

Более свежи и еще более горестны воспоминания о Китае у государственного секретаря США мистера Дина Ачесона. Он их изложил в объемистом труде — «Белой книге» государственного департамента, в которой он старается на тысяче страниц объяснить, почему Уолл-стрит «потерял Китай».

И все же воспоминания мистера Остина, наверное, самые живые, хотя они и восходят к дням первой мировой войны. Это были дни, когда американский империализм делал первые и успешные попытки стать верховной финансовой силой во всем мире.

Промышленные и финансовые бароны Уолл-стрита бросали жадные и завистливые взгляды на Китай. Огромная страна с нетронутыми естественными богатствами, с сотнями миллионов людей, привыкших к тяжелой работе, была открыта для вторжения международного капитала.

И, хотя революция свергла маньчжурскую династию, в Китае осталось достаточно представителей продажной феодальной клики. В 1916 году Китаем правил Юан Ши-кай, политическая карьера которого поразительно напоминает карьеру Чан Кай-ши. И вот переговоры о продаже своей страны крупнейшим американским корпорациям Юан Ши-кай вел не с кем иным, как с Уорреном Остином.

Остин в те годы представлял в Китае фирму, известную под именем «Американской международной корпорации». Она была создана в 1916 году под флагом «помощи развитию отсталых стран». Участники корпорации любили говорить, что «поле их деятельности — весь мир». Эта корпорация была не последней картофелиной в огороде американского финансового капитала. Среди директоров ее были такие финансовые магнаты, как Перси Рокфеллер из «Стандарт ойл», Отто Кан из банка «Кун и Леб», Огден Армур — глава консервного треста, Теодор Вайль — президент телефонной монополии Моргана.

Да, Остин отправился в Китай как коммивояжер группы сверхмиллионеров, которая управляла Америкой и уже в то время хотела править миром. Эта группа была родоначальником долларовой дипломатии на мировой арене. Какие заманчивые видения безграничной власти, какое чувство «американского превосходства» должен был испытывать Уоррен Остин, когда бароны Уолл-стрита послали его своим представителем в Китай в 1916 году!

И какая это была «школа» для мистера Уоррена Остина! Он уже тогда усвоил «идею», которая стала господствующей в его мировоззрении: в больших, богатых ресурсами отсталых странах всегда найдутся люди, которых можно купить,— для этого стоит им только показать новенький, блестящий доллар.

Но оставим мистера Остина и обратимся к другому американскому делегату в ООН — сенатору Генри Каботу Лоджу из Массачузетса. Его личные взгляды на Китай помогают нам понять переживания американской делегации, когда на повестке дня стоит китайский или корейский вопрос.

В конце двадцатых годов сенатор Лодж предпринял поездку по Китаю и Восточной Азии. По возвращении он счел нужным пространно изложить свои впечатления и свою «философию» на страницах журнала «Харперс мэгэзин».

Из этого его сочинения явствовало следующее: «...Когда северный человек, с его опытом действия и преуспевания, сталкивается с человеком тропической зоны, привыкшим подчиняться и терпеть,— человек тропиков всегда должен склонить свою волю перед белым человеком».

Лодж неоднократно возвращается в своей статье к излюбленной теме. Он пишет:

«...восставать против этого совершенно естественного закона, толковать о праве и справедливости в этом вопросе столь же бесполезно, как бороться против смены времен года».

Трудно предположить, чтобы Лодж, приступая к изложению своей «философии», мог уже быть знаком с писаниями фашистского фюрера о «превосходстве» нордической расы. Таким образом, можно признать, что американский сенатор Лодж пришел к своим открытиям независимо от Адольфа Гитлера.

Упомянутые выше «сочинения» сенатора Лоджа выражают то идеологическое и моральное вооружение, с которым делегация США прибыла на текущую сессию Генеральной Ассамблеи. Легко понять раздражение американских делегатов, когда советская делегация сурово и справедливо обличает агрессивную политику Уолл-стрита в Азии, когда с трибуны Генеральной Ассамблеи оглашаются такие факты, как нарушение американскими самолетами китайской территории и убийство китайских граждан.

Но нам следует еще вернуться к мистеру Джону Фостеру Даллесу. Даллесы из рода в род считают Китай своей фамильной специальностью. Дед нынешнего американского делегата, также носивший имя Джон Фостер, был официальным советником маньчжурского правительства после войны с Японией в 1895 году. Еще дедушка Даллес гордился тем, что помог оторвать Тайван от Китая, хотя этот остров столетиями являлся китайской территорией.

Как мы уже упоминали, Джон Фостер Даллес, нынешний советник государственного департамента, представлял в 1907 году маньчжурское китайское правительство в Гааге. Ему было в это время всего девятнадцать лет, и он не знал ни слова по-китайски. Таким образом, расчленение Китая — это доподлинно семейная специальность Даллесов, даже тех, кто едва достиг совершеннолетия.

Есть, наконец, еще один американский делегат на Генеральной Ассамблее. Мы имеем в виду миссис Элеонору Рузвельт. Ее супруг, покойный президент Рузвельт, подписал в Каире декларацию, торжественно провозглашающую возвращение Тайвана Китаю. Увы, сегодня миссис Рузвельт поддерживает в Организации Объединенных Наций политику насильственного отторжения Тайвана от Китая с помощью американского седьмого военно-морского флота.

Если бы миссис Рузвельт напрягла свою память, она могла бы вспомнить и другие вещи: что Франклину Рузвельту принадлежит инициатива установления принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности — этого краеугольного камня устава Организации Объединенных Наций — и что Рузвельт поддержал в Ялте и Тегеране идею американо-советской дружбы как гарантии мира.

Но все эти факты миссис Рузвельт и остальные члены американской делегации предпочитают не вызывать в своей памяти. Клика Трумэна — Даллеса уже давно отвернулась от торжественных соглашений военного времени, которые скрепил своей подписью президент Рузвельт.

Сегодня на Генеральной Ассамблее делегация Даллеса — Ачесона снова топчет в грязь имя Франклина Рузвельта, выдвигая «новую концепцию» Организации Объединенных Наций. Они хотят уничтожить правило единогласия и тем самым окончательно превратить ООН в инструмент американской военной агрессии. Эту «идею» Джон Фостер Даллес немедленно двинул в ход, как только американский империализм начал интервенцию в Корее.

Даллесовский план полного извращения идеи Организации Объединенных Наций торжественно представил Генеральной Ассамблее сам Дин Ачесон, государственный секретарь. Этот человек, который старается выглядеть так, будто он носит дипломатические полосатые брюки с самой колыбели, потребовал, чтобы устав Организации Объединенных Наций был выброшен на свалку. Он предложил, чтобы Генеральная Ассамблея была превращена в подобие военной коалиции государств, помогающей разбойничьим действиям Макартура в Корее.

Всячески восхваляя уничтожение мирного корейского населения, мистер Ачесон применил следующий афоризм: «Кровь гуще воды». Да, кровь женщин и детей, убиваемых американскими бомбардировщиками в Корее, гуще, чем чернила той рукописи, по которой читал мистер Ачесон свою речь на заседании Генеральной Ассамблеи. Ачесон лишь подтвердил, что основа политики Уолл-стрита — это кровь и угнетение народов, борющихся за свою свободу.

Народы всего мира могут сейчас особенно ярко видеть контраст между политикой американской делегации в ООН и политикой Советского Союза. Против ачесоновской доктрины крови А. Я. Вышинский выдвинул предложение прекратить агрессию в Корее и Китае, сократить все виды вооружения, запретить пропаганду войны и атомное оружие, установив международный контроль над выполнением этого запрещения, заключить пакт мира между пятью постоянными членами Совета Безопасности.

Да, прошлое тяготеет над делегатами Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций. Страх овладевает ими при виде величественного шествия человечества по пути народной демократии и социализма. Может ли не возрастать их беспокойство, когда они читают решения советского правительства о строительстве крупнейших гидроэлектрических станций в мире, гигантских оросительных каналов? Экономическая мощь и моральная сила великого Советского Союза выводят их из равновесия!

Но у них есть и другие основания для беспокойства: в народе Америки также растет изо дня в день возмущение политикой войны и разрушений, в которую правящие круги хотят вовлечь простых людей Соединенных Штатов.

И хотя сотни честных американцев брошены в тюрьмы за выступления в защиту мира, а тысячи других находятся под угрозой концентрационных лагерей, никакая сила не может подавить глубокого стремления американского народа к миру.

Перевел с английского Л. Ветров

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

II

Евг. РЯБЧИКОВ   Фото В. Евграфова

Специальные корреспонденты «Огонька»

Полет навстречу солнцу, из Москвы во Владивосток, продолжается.

— С добрым утром! — встречает нас борт-проводница Антонина Клементьевна.

И вновь поплыли золотые степи Сибири. Прокудин достал свой аккордеон и запел:

Сибирь, Сибирь,
Благословенный русский край...

На земле показались островерхие, окутанные сиреневой дымкой терриконы, электрические дороги, черные копры шахт и белые домики поселков Кузбасса. А вскоре борт-проводница объявила:

— Пролетаем над Кемеровом.

— Здесь была тайга...— заметил Алексей Дмитриевич.— Теперь сибирский Донбасс.

Гараф Сафин и Иван Тимофеевич принесли от проводницы шахматы и объявили о начале турнира на первенство самолета «Л-1745». Вскоре появилась и вторая доска.

На горизонте фиолетовыми тучами громоздились горы. Пепельные скалы, голые утесы и затянутые утренним туманом желтые долины заполнили все пространство, едва охватываемое взглядом. Внезапно широкой серебряной лентой сверкнул на фоне заснеженных Саян могучий Енисей.

Красноярск открылся внезапно, едва на голой сопке забелела древняя часовня. Лет десять назад она была ориентиром для каждого летчика; теперь на нее не обращают внимания: радио ведет летчиков по всей трассе.

Когда-то путешественники называли Красноярск «Ветропыльском». Далекий город славился грязью и пылью, дикими нравами и жестокостью. Мы летели над землей, по которой в старое время проходил кандальный тракт. Там, где когда-то звенели кандалы и сверкали штыки конвоиров, теперь выросли огромные заводы. Кто-то из пассажиров рассказал, что в цехе одного из красноярских заводов на стене установлена мемориальная доска. Она возвещает, что здесь, на месте цеха, тянулась дорога слез и горя...

Красноярцы любовно оберегают священные места, связанные с пребыванием в этом городе В. И. Ленина и И. В. Сталина. Отсюда направлялся в Шушенское Владимир Ильич, отсюда уезжал по Енисею в страшную туруханскую ссылку Иосиф Виссарионович Сталин.

По воле партии Ленина — Сталина Сибирь стала крупным индустриальным краем, хлебной житницей, очагом социалистической культуры.

Жизнь огромного, широко раскинувшегося Красноярского края, как в зеркале, отражена в аэропорте. Здесь мы встретили горняков и металлургов, строителей комбайнов и паровозов, полярников с Таймыра и коневодов Хакассии, садоводов Минусинска и рудознатцев Саян, моряков с Игарки и трактористов Канска. Самолет для них стал привычным видом транспорта.

Мы разговорились с инженером эвенком Увачаном из Туры. Смуглый человек с жидкой бородкой на скуластом лице, сняв очки, посмотрел на нас и сказал:

— Представьте себе невероятный случай: в Тамбов или Калугу вдруг перестали бы завтра летать самолеты. Это событие не произвело бы особого впечатления. Но пусть на один день умолкнут авиационные моторы в Сибири — и все заволнуются: без самолета в Сибири нельзя. Здесь говорят: «недалеко», «рядом», а это «недалеко» и «рядом» — сотни километров. Один наш Красноярский край может вместить на своей территории несколько таких стран, как Франция, Англия и Италия, вместе взятые. Нам теперь трудно представить себе жизнь без авиации.

За последние годы Красноярский аэропорт преобразился — он стал уютным, благоустроенным, с отличной гостиницей и залами для отдыха, почтой и телеграфом, буфетом, душем, стоянкой для такси. Раньше летчики старались миновать маленький и неблагоустроенный порт на Енисее, теперь они рады, когда ночь застает их в Красноярске.

Отсюда самолеты летят во все стороны советской земли. Работают в порту быстро и четко: едва приземляется самолет, как тотчас появляются около него автоцистерны, бригада мотористов и механиков, и вот корабль уже готов к дальнейшему полету.

Прилетел самолет из Хабаровска. Среди пассажиров — киноартисты: высокий, светловолосый Сергей Столяров и коренастый Петр Кудлай.

— Летим мы из Комсомольска-на-Амуре,— рассказывает Сергей Столяров.— Снимались в фильме «Далеко от Москвы». Картину ставит режиссер Столпер, снимает оператор Шеленков. Я играю в фильме Рогова, Петр Кудлай — Полищука. Последние съемки мы проводили на Амуре — в грозу, на барже. Тогда-то мы и получили полное представление о страшных силах дальневосточной природы...

Рассказ оборвался на полуслове: радио приглашало занимать места в самолете.

...С горы на гору катилась черная сибирская тайга. На фоне блеклого неба рисовались белые шапки Саян.

Шахматисты продолжали турнир. Антонина Клементьевна разносила какао. Алексей Дмитриевич беседовал с ответственным работником Приморского края Михаилом Николаевичем Шишкаревым. Они говорили о строительстве новых школ в Приморье и уборке урожая, о новых районах лова рыбы в Тихом океане и о выведении мичуринских яблонь в долине садов Сучана. Это был серьезный разговор о будущем края. Государственные люди осмысливали большие планы, полученные в Москве, говорили о заботливом отношении партии и правительства к благоустройству Приморья.

Через два часа после старта в Красноярске мы летели над стремительной, кипящей Ангарой. В дождях и туманах виднелся Иркутск.

Иркутский аэропорт образно называют «воздушными воротами в Китай». По соглашению, заключенному между двумя великими странами — СССР и Китаем,— создано Советско-Китайское Акционерное Общество Гражданской Авиации — СКОГА. Это общество эксплуатирует международные линии Пекин — Иркутск, Пекин — Чита и Пекин — Алма-Ата. Старый сибирский город Иркутск стал теперь крупным узлом международных воздушных трасс. Отсюда летят самолеты в Китай и в Монгольскую Народную Республику.

Мы прилетели в Иркутск в тот час, когда прибыл самолет СКОГА из Пекина.

Оживленно переговариваясь между собой, радостно улыбаясь встречным, китайцы направлялись в аэропорт.

Закончив таможенные формальности, посланцы из Пекина разместились в гостинице. После обеда и отдыха им предстоял полет в Москву.

Командир воздушного корабля Афанасий Васильевич Жога, тридцатичетырехлетний мужчина, с крупными чертами лица, коротко, по-спортивному подстриженный, совершил уже не один десяток рейсов в Китай. За свою жизнь он налетал более миллиона километров.

— Первый полет в Пекин состоялся в 1925 году,— рассказывал нам Жога.— Летчик Михаил Михайлович Громов одним из первых финишировал тогда в Пекине. Для этого ему пришлось совершить самую настоящую воздушную экспедицию, за которой следил весь мир. Перелет из Москвы в Пекин продолжался более месяца. По тем временам это было выдающееся достижение мировой авиации. Сейчас мы летаем в Китай запросто, по освоенной трассе. Через десять часов после вылета из Пекина, отдохнув два часа в Улан-Баторе, самолет приземляется в Иркутске.

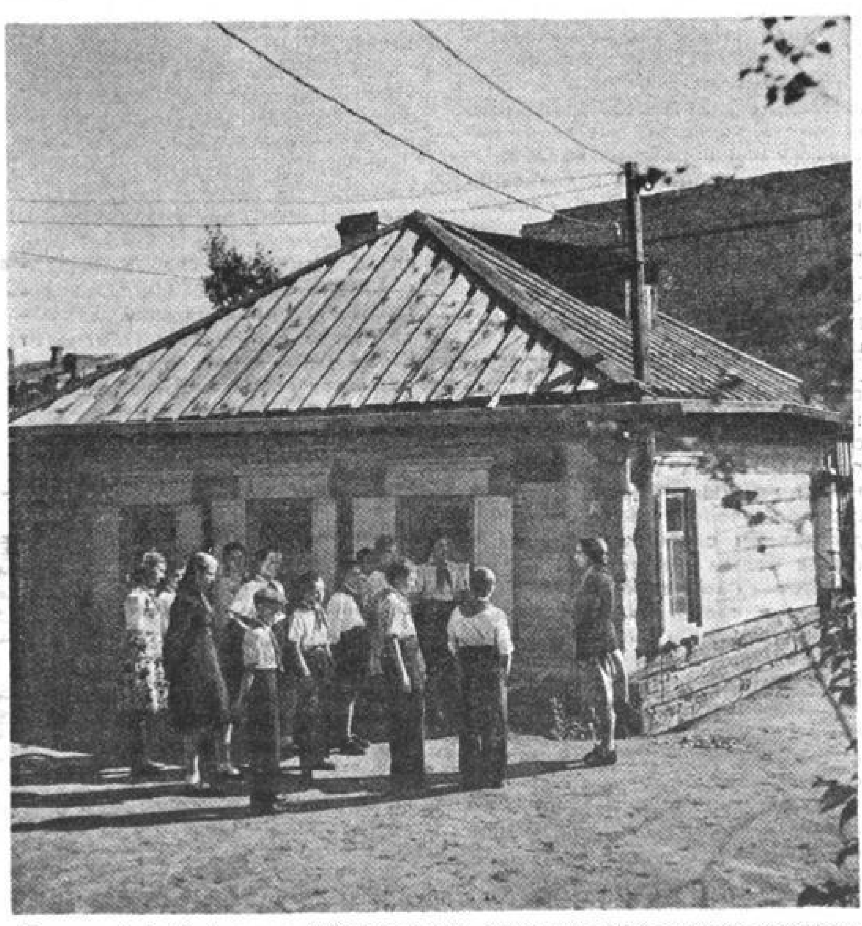
Мы попросили летчика рассказать о полете в Китай.

— Трасса — более тысячи километров. Пролегает она над песками пустыни, над высокими горами, пересекает Великую китайскую стену. Трасса сложная, но летчики СКОГА ее быстро освоили.

— Вам приходилось бывать в китайских городах и селах? — спросили мы летчика.

— В свободное время я бывал в Пекине, знакомился с его достопримечательностями, ездил в деревни. Трудящиеся Китая радушно встречают советского человека. Многие китайцы изучают сейчас русский язык и стараются говорить по-русски с нашими людьми.

— Не можете ли вы вспомнить, кого приходилось вам возить на своем самолете?



Дом-музей И. В. Сталина в Красноярске. Здесь жил Иосиф Виссарионович Сталин после возвращения из туруханской ссылки.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 41.

Copyrighted material

— Со мной летали поэт Эми Сяо, кинорежиссеры Ли Вей-ви, У Бен-ли, Инь Чен-си. Я помню одного из руководителей китайских профсоюзов, Лю Нин-и, и многих других. Китайские пассажиры высоко оценивают мастерство советских летчиков. И надо сказать, что им не приходилось ошибаться.

Пока мы разговаривали с Жогой, в аэропорт прибыл самолет из Якутии. Появились люди в мехах. Командир корабля «Л-4674» Ефим Иванович Давыденков распрощался с пассажирами и отрулил к месту стоянки самолетов. Здесь его ждал собственный «москвич». Мы познакомились с Давыденковым и охотно приняли его предложение побывать у него дома. И вот мы едем на улицу Летчиков. В красивом коттедже Ефима Ивановича ждали жена Валентина Григорьевна и сын Алик.

Вернувшись в аэропорт, мы обратили внимание на бронзоволицего мужчину в шляпе. На его груди поблескивали почетный знак лауреата Сталинской премии и алый флажок депутата Верховного Совета РСФСР. Это был народный артист СССР Гомбожап Цыдынжапов, главный режиссер Государственного ордена Ленина театра оперы и балета Бурят-Монгольской республики. Он собирался лететь в Улан-Удэ.

— Наш театр выступал в Иркутске,— рассказал режиссер.— Мы познакомили зрителей с нашими лучшими постановками: «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Русалка», «Фауст», новой оперой «На Байкале». Сейчас меня вызывают в Улан-Удэ в связи с подготовкой к вечеру бурят-монгольской литературы в Москве.

...Искрилась солнечными бликами Ангара. Тонкой нитью струился среди гор стальной путь транссибирской магистрали. Легкая тень самолета скользнула по вагонам скорого поезда.

— Восьмой обогнали! — сообщил Иван Тимофеевич.

Прикрытый дымчатыми облаками, показался в сиянии дня седой Байкал. Горы расступились.

Воспетое в песнях и легендах дремало «священное море». Баргузин гнал легкую зеленую волну. Ветер крепчал, и волны украсились пенистыми гребнями.

— По обычаю нужно принести дар Байкалу — серебряную монету,— сказал Гараф.

Иван Тимофеевич прошелся по креслам и собрал несколько гривенников. Летчики приняли их и, когда самолет пролетал над серединой моря, блестящие монеты промелькнули перед окнами.

— Принимай дары, Байкал! — воскликнул Болдырев.

Прокудин достал аккордеон, который вез брату, и заиграл, подпевая:

Славное море, священный
Байкал.
Славный корабль, омулевая
бочка...

Самолет летел на высоте 2700 метров над Байкалом. В его кабине звучала подхваченная всеми старинная сибирская песня.

Вот и Чита. В сиреневой дымке вечера рисовались волнистые хребты. У их подножья раскинулся город.

Чита — вторые «воздушные ворота в Китай». Здесь мы встретили командира крылатого корабля СКОГА Ивана Ивановича Осипова. Утром он должен был улететь в Пекин. Летчик рассказал нам, что, освоив трассу Чита—Мукден — Пекин, он налетал более миллиона километров.

— Новую жизнь в Китае замечаешь даже с воздуха,— говорил Осипов.— Когда летишь от Мукдена, поражаешься, с какой тщательностью обработаны здесь поля и рисовые плантации, как искусно проведены новые оросительные каналы.

Иван Иванович очень высоко отзывается о работниках Пекинского аэропорта. И начальник аэропорта Чен, и главный штурман Ли, и диспетчеры, и радисты — все они отлично обеспечивают полеты кораблей СКОГА. Штурман Ли не раз говорил: «Мы помогаем укреплению дружбы между советским и китайским народами. Мы все хотим, чтобы эта дружба была вечной и нерушимой».

В поздний час прилетела из Хабаровска Шелёва. Пока самолет Натальи Яковлевны готовили к дальнейшему рейсу, мы имели время поговорить с ней о ее жизни и работе.

— Во время войны я сделала двести тридцать боевых вылетов. Сейчас летаю в любую погоду,— рассказывала Шелёва.— Была на Чукотке и в Берлине, летала над Памиром и Украиной, летала в Варшаву, Прагу, Софию, Будапешт и Бухарест, была в Мурманске, Ленинграде... Не перечислишь всех мест.

Разговор заходит о досуге летчиков. Наталья Яковлевна говорит:

— Я очень люблю театр. Знакомлюсь с премьерами почти в каждом городе, куда прилетаю и где остаюсь на ночевку. Знаю многих артистов — они наши частые пассажиры.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

— Муж мой, Павел Николаевич, — инженер, страстный охотник и художник, он и рассказы пишет. У нас двое детей: Ирине девять лет, Коле пять. Хочу, чтобы сын был моряком.

Разговор прервал диспетчер: самолет Шелёвой был готов к рейсу. Мы пожелали ей счастливого пути.

Шелёва улетела. Не прошло после этого и пяти минут, как приземлился самолет «Л-4787» из Владивостока. Из кабины вышел молодой улыбающийся летчик Спартак Гриневич. Его называют здесь «хозяином дальневосточного неба».

К самолету Гриневича подъехал автомобиль, из него выскочила молодая женщина и бросилась в объятия мужа. Спартак усадил ее в машину и взялся было за руль, как к автомобилю, тяжело дыша, подбежал седенький старичок в очках.

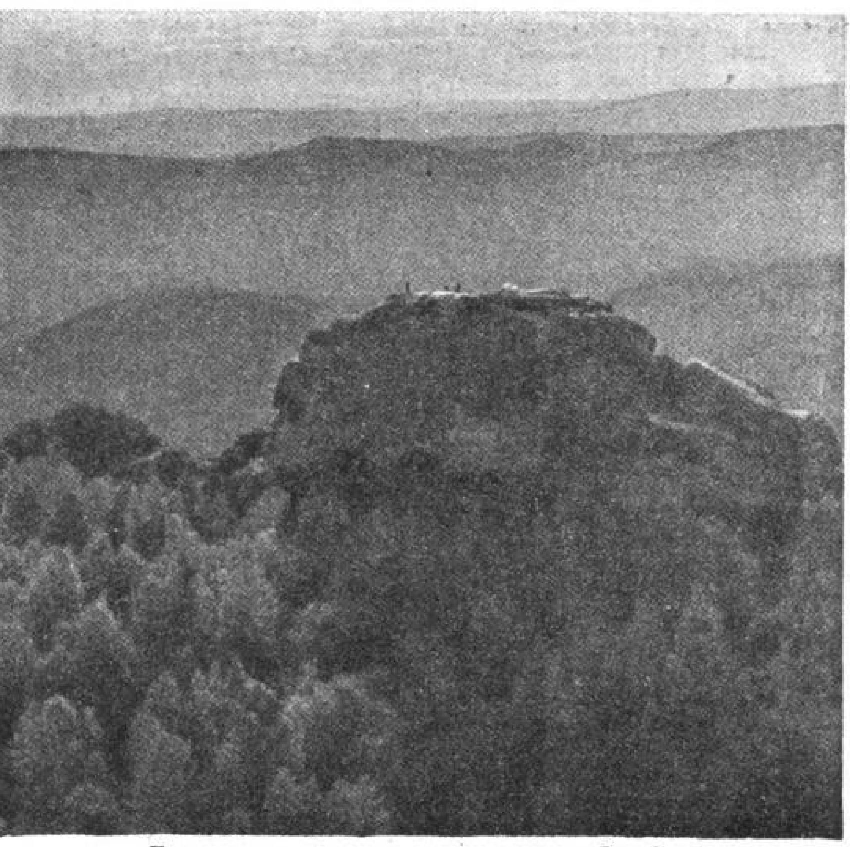
— Товарищ Гриневич!..— взволнованно заговорил он.— Вы меня не узнали? Я геолог Тамарин... Помните? Ну, конечно, помните: тайгу, село Георгиевку...

Гриневич оставил руль, вышел из машины.

— Как же вы-то меня запомнили? — спросил он геолога.— Вас я только сейчас узнал...

Несколько лет назад Гриневич летел с Дальнего Востока в Москву. В пути его самолет застигла гроза. Огневой удар мог разрушить машину. Началась борьба со стихией. Она продолжалась долго. Гроза «прижимала» самолет все ниже и ниже к тайге. Горючее

Депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Сталинской премии, народный артист СССР Гомбожап Цыдынжапов в Иркутском аэропорту.



Под крылом самолета красноярские «Столбы».

Летчик Е. И. Давыденков приехал на своем автомобиле домой после рейса в Якутию. На снимке: Ефим Иванович, его жена Валентина Григорьевна и сын Алик.

Copyrighted material

кончалось. Требовалось немедленно садиться в горах.

Спартак повел самолет над вершинами, выбирая место для посадки. Он нашел узкую реку с отвесными берегами и, следуя ее изгибам, полетел по течению. Ни одной площадки — только камни вокруг... Среди дождя и тумана внезапно показалась крохотная поляна, прилепившаяся к утесам. Мгновенно Гриневич произвел расчет и пошел на посадку. Площадка была так мала, что когда самолет остановился, нос его повис над рекой.

Никто из пассажиров не предполагал, что им угрожала смертельная опасность. Велико же было их изумление, когда за окнами они увидели бешеную горную реку и нагромождение камней.

Геолог Тамарин был одним из пассажиров самолета, совершившего этот необычный рейс.

...Утром зеркальная поверхность озера Кенон вновь отразила летучую тень нашего корабля. Рейс к берегам океана продолжался.

Перевалили через хребет Черского и Даурский хребет. Всюду тайга, тайга... Грозы подстерегали «Л-1745» над горными вершинами. Ударил дождь. Опять забегали по стеклам щетки-«дворники».

Далеко Москва. Пять тысяч километров отсюда до столицы, но Москва всегда рядом, и всюду слышится ее голос. На Спасской башне пробили куранты, по радио передавали ночной концерт, а здесь было светло, в разрывах туч сияло солнце и синели утренние горы.

Часовая остановка в Тыгде, и снова в небо.

Пролетели Биробиджан. Внизу — легендарный Волочаевск. И снова тайга, тайга, тайга... Ни конца ей, ни края...

Показался Амур, зеленые сопки и на их фоне — Хабаровск.

Попрощались с Гарафом Сафиным — трактористу предстояла пересадка на сахалинский самолет. Врач Михаил Давыдович Давнер через полчаса улетел в Комсомольск-на-Амуре. А вскоре и наш самолет пошел на взлет.

Уссурийская тайга...

Семенов взволнованно переходил от окна к окну.

— Начались «владения» Семенова,— пошутил Шишкарев.— Все ли в порядке, Алексей Дмитриевич?..

Семенов, как и Шишкарев, хорошо знает Приморье. Он учительствовал здесь, заведывал техникумом, руководил народным образованием в крае. Несколько лет вел партийную работу. Теперь он председатель Приморского крайисполкома.

Восхищенно глядел на уссурийские дали и Михаил Николаевич Шишкарев.

Потянулись желтеющие долины, засияли реки, задымили пылью сельские дороги. Темносиние сопки встали на горизонте.

Здравствуй, Тихий океан!

Силин выдвинул ящичек из стола, бережно положил в него логарифмическую линейку, карты, путевые записи. Полагутин передал по радио последнее сообщение: «Иду на посадку» — и выключил рацию.

Закончен полет навстречу солнцу!

Самолетные часы показывали московское время — 11 часов утра. Наши часы, «настроенные» на Владивосток, возвещали 6 часов вечера. Позади 7530 километров великого воздушного пути. За это время самолет обогнал десять скорых поездов. Расписание выдержано с точностью до минуты.

Около аэропорта пассажиров ждали такси, легковые автомобили, автобусы.

Моторы стихли. Послышались приветствия, замелькали букеты цветов.

Летчики вышли из самолета последними. Они закрыли дверь и направились в порт. Болдырев давал поручения механику Лысенкову — сколько взять горючего и масла: утром самолет «Л-1745» отправлялся в обратный рейс на Москву.

* * *

Через день мы поехали отыскивать во Владивостоке соседей по самолету «Л-1745». Алексей Дмитриевич уже приступил к работе. Из окон его большого кабинета открывался вид на заросшую мачтами пароходов бухту Золотой Рог, морской и железнодорожный вокзалы.

Закончив прием избирателей, Семенов поехал с комиссией на стройки новых школ и жилых зданий. За окнами автомобиля мелькали светлые южного типа, дома, сияла гладь бухты, зеленели бульвары, пестрели осенние цветы. Город — труженик и страж земли советской — чудесно раскинулся террасами над бухтой, лаская взор своими архитектурными ансамблями.

Владивостоку исполнилось всего 90 лет. Но в его чертах проглядывает зрелость большого города, и в то же время он юн, весел, полон искристой, жизнерадостной энергии.

В городе мы встретились и с Иваном Тимофеевичем Прокудиным. С братом и родственниками он гулял по Владивостоку, знакомился с его памятниками, бульварами, водными станциями.

Михаил Николаевич Шишкарев отдыхал в курортном районе Владивостока. Он был прав, когда посоветовал нам заглянуть на берег Амурского залива,— среди густой субтропической зелени белели здравницы, голубели асфальтированные дороги, в санаториях отдыхали тысячи людей.

Вечером мы проводили Наташу с мамой в далекий порт. Электрослесарь с Курильских островов Николай Савельевич Незамутдинов ночью ушел в море на рейсовом судне. Екатерину Александровну Обертас мы застали утром в торговом порту. Женщина в морской форме склонилась над сводками, диспетчерскими графиками, листами, испещренными цифрами. В порт приходили суда с Камчатки и Сахалина, Курильских островов и Охотского побережья. Они доставили во Владивосток тысячи тонн различных грузов. Поток цифр на столе диспетчера отражал бьющую ключом жизнь океанской гавани.

Мирные люди занимались своими будничными делами. Самозабвенный труд, благородные заботы сразу увлекли их в водоворот кипучей работы. Путешествие по великой авиационной магистрали осталось в их памяти, как мимолетное событие в большой жизни.

Горнист с крейсера «Варяг»

Иван Федорович Ярославцев с юными досфлотцами на Каме.

Фото И. Шемякина

На груди Ивана Федоровича Ярославцева красуются георгиевский крест и серебряная медаль «За бой «Варяга» и «Корейца». Старик стоит в плотном кольце окруживших его земляков, рабочих одного из заводов города Молотова. Иван Федорович, горнист с прославленного крейсера «Варяг», приехал к ним в гости. Встретили его здесь, как и на других предприятиях города, в школах и клубах, очень тепло и внимательно слушали рассказ о героических русских моряках.

Иван Федорович живет в Молотовской области, в деревне Лекмартовской, Чердынского района. 46 лет тому назад он принимал участие в беспримерном для того времени бою двух русских кораблей — крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» — с эскадрой японских военных судов. Как горнист, Иван Федорович находился во время боя на верхней палубе. Вместе с барабанщиком он играл боевую тревогу при появлении врага, заменял во время боя артиллеристов, выбывших из строя.

У Ивана Федоровича было четыре сына. В тяжелые для Родины годы Отечественной войны все они с оружием в руках сражались в рядах Советской Армии. Трое сыновей погибли. Четвертый — Зотей Иванович — вернулся с пятью наградами. Сейчас он работает кузнецом в колхозе «Искра».

С. ЛИНКО

Верный поводырь

В 1943 году летчик капитан Сергей Григорьевич Бурдаков выписался из госпиталя. Как потерявший зрение он стал на учет во Всероссийском обществе слепых.

Трудно было ему, пилоту с 1919 года, оставаться прикованным к дому. И большую радость принесло С. Бурдакову сделанное ему однажды предложение: получить собаку-поводыря, обученную в центральной школе собаководства.

Сергею Григорьевичу передали овчарку по имени Джимми. Когда Бурдаков, таким образом, приобрел возможность передвигаться по улицам, он счел себя обязанным заняться полезным трудом. Сергей Григорьевич, человек энергичный, имеющий большой жизненный опыт, ныне инспектор учебно-производственного предприятия № 7 Московского областного отдела Всероссийского общества слепых.

На первых порах возникло осложнение: цехи предприятия были разбросаны по Казанской железной дороге: в Удельной, Малаховке, Ильинской. Сам же Бурдаков проживает в Краскове.

Джимми быстро освоился со всеми маршрутами и стал незаменимым поводырем.

Утром Джимми сам приносит свою шлейку, просовывает в нее голову, так что хозяину остается только застегнуть ее.

— Джимми, в наждачный цех!

Поводырь знает, что этот цех находится в Удельной. Он подставляет шлейку и ведет С. Г. Бурдакова к электропоезду. Подойдя к шлагбауму, собака внимательно смотрит по сторонам, не идет ли поезд, а затем осторожно проводит хозяина через переезд и далее по ступенькам лестницы, на платформу. Если поезда еще нет, Джимми подводит хозяина к скамейке. Любопытные сцены происходят в поезде, если все места заняты: Джимми подходит к одному из молодых людей, тычется носом в колени до тех пор, покуда пассажир не догадается, что ему следует встать...

Усадив хозяина в поезд, Джимми устраивается около него и внимательно прислушивается к объявлениям. «Следующая остановка — Удельная!» Собака тут же подымается, подставляет хозяину шлейку и ведет его к двери вагона. При выходе Джимми осматривается, не лежат ли на платформе вещи, чтобы Бурдаков не споткнулся. Затем собака ведет хозяина к лестнице через мост и по кратчайшему пути к наждачному цеху.

Дома пес чувствует себя уже не поводырем, а сторожем. Незнакомец, войдя во двор, должен стоять неподвижно, пока не покажется хозяин.

Умный пес стал незаменимым помощником С. Г. Бурдакова, возвращенного к производительному труду.

С. МИРОНОВ

Copyrighted material

ПРИЕЗД УЧИТЕЛЬНИЦЫ.
(Школа № 3 Пушкинского района, Московской области. Учительница **Римма Алексеевна Чернухина**)

Фотоэтюд Дм. Бальтерманца

Молодая учительница приехала в сельскую школу. Снимок этот сделан в Пушкинском районе, Московской области. Но запечатленный здесь эпизод может быть отнесен к жизни любого советского села...

Все здесь пронизано светом, не только солнечным, но и светом, излучаемым дружелюбными улыбками, мягкой окраской школьных стен, цветами, а прежде всего пленительной атмосферой нарождающейся дружбы детей с их будущей наставницей. Школьное здание весело смотрит своими большими окнами. Таким кажется оно по-домашнему уютным, так гостеприимно открыта его дверь...

Учительница встретилась с детьми. Состоялось первое знакомство, по всему видно, обоюдно приятное. Девушка, еще вчера не без грусти расстававшаяся с городскими друзьями, не чувствует одиночества. Колхозная семья с радостью примет в свою среду нового человека.

Приезд учительницы в сельскую школу — этой же теме посвящена и картина замечательного художника-реалиста В. Е. Маковского (см. на обороте), написанная им в 1897 году и остававшаяся с тех пор малоизвестной (ныне картина находится в собрании Г. В. Ерозолимского). На картине изображена ровесница нашей советской девушки.

Какая тягостная обстановка окружает ее!

Школы нет. Видимо, под классы отведут часть неказистой, мрачной избы, что на заднем плане. Дети не ждали учительницы, да и знают ли они о ее приезде? Сердобольная крестьянка, вздувшая для гостьи самовар, сокрушается о судьбе приезжей...

Мастерски выписав всю окружающую обстановку, художник особую выразительность придал фигуре и лицу учительницы. Здесь читается все: и трогательная история ее еще не долгой жизни, и скорбь о покинутых в городе друзьях, и сверлящее чувство одиночества.

Но художнику удалось показать и другое: душевную красоту этой русской девушки — скромной героини. Она не сдастся, она будет верна долгу — трудиться для народа!

Молодой педагог сталинской эпохи, с уважением вспомнив о своих предшественниках, в ярком сопоставлении с прошлым почерпнет новые силы для служения своему благородному делу.

Copyrighted material

В. Маковский.

ПРИЕЗД УЧИТЕЛЬНИЦЫ
В ДЕРЕВНЮ. 1896—1897 год.

В. Маковскій

В. Маковский.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВОЧКА.

Акварель. 1908 год.

Copyrighted material

НА ЯРМАРКЕ

Рассказ

Юрий ЯНОВСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Это не Сорочинцы на Псле. Это не Голтва на том же Псле. Псел тут не протекает. Это Киевщина, а не Полтавщина, и хотя здешняя речка тоже не безыменная, однако с уверенностью установить ее название мы не можем. Под рукою нет карты, а местные жители именуют свою речку по-разному. Для одних она Роська, потому что якобы дает начало знаменитой Роси, для других — Синявка, ибо течет в направлении реки Синявы, третьи называют ее Тикычка по той же причине, а четвертые величают Днеприком, не без основания полагая, что речушка в конце концов породнится с самим Днепром. Итак, это не Сорочинцы и не Голтва, с легкой руки Гоголя и Горького славные в литературе.

На придирчивый вкус поклонников Псла, склоны здешней речки, может быть, кое в чем и уступают склонам на Псле. Некогда здесь чернели девственные леса, а теперь берега желтеют от цветущих подсолнечников. Но вся округа знает, что в течение ближайших лет здесь снова будет лес, и не какой-нибудь, а дубовый — так записано в народнохозяйственном плане района. Речка течет лениво среди лугов и, приподнятая плотиною ГЭС, образует затоки и плесы, греется на солнце, словно нивесть какая неженка. Яблони сторукие и стоногие (подперта колом каждая ветка!) трещат под центнерами антоновки, шафранки, кальвиля и мичуринской ранней. Сливы лиловыми пятнами мерцают в гуще листвы. С трех — э, нет! — с четырех сторон села на солнце сверкают золотые стога. По дорогам, вздымая пыль, движутся полуторатонки, тракторы-тягачи, бестарки, простые телеги: люди возят зерно на приемочные пункты.

Улицы села уже обсажены молодыми деревьями, да какими! Давно ли окончилась война, а уже не заметишь и следов ее. Вот каштаны, грецкие орехи, да дубы, да черноклены, саженцы сливы, черешни, груши. В одном квартале села уже выложены тротуары, а через всю центральную улицу пролегает аккуратная, по-хозяйски сделанная мостовая... И солнце, не в укор будь ему сказано, припекает ярмарочную толпу, как на сковороде.

Ярмарка раскинулась на майдане возле речки, и, если взглянуть с плотины ГЭС, всю ее можно увидеть. Когда-то, по преданию, на этой площади гуляла «колиивщина», подпалив окрестные панские имения. Потом, передают, около речки сидел, бывало, слепой кобзарь, а юный Тарас Шевченко записывал его песни. Еще позднее на майдане пороли сельскую голытьбу за «аграрные беспорядки». Наконец, с этой же площади пошли в революцию — к Щорсу, к Пархоменко, к Ворошилову, к Котовскому — лучшие люди окрестных сел. Здесь собирались, закладывая основы колхозного строя, тут праздновали Первомай и Октябрьские дни. Гитлеровцы на площади казнили героев подполья. На площади же состоялась счастливая встреча родной армии, пришедшей с портретом Ленина на гвардейских знаменах.

По шуму и краскам ярмарка здесь такая же точно, как и на Псле. Горшки, макитры, глечики и расписные миски яркой грудой поблескивают на солнце, приковывая к себе взгляды. Но теперешние чумаки продают соль, терень и чехоню не с возов, как в прежние времена, а в кооперативном магазине. Озабоченный Солопий Черевик не шествует с мазницей, чтобы выбрать себе дегтю по вкусу,— он с канистрой в руке шагает в Нефтесбыт за горючим. Парася Черевик приехала на ярмарку не на отцовских волах, а на мотоцикле. Она агроном, много у нее всяких дел, о которых в прежние времена девушки и понятия не имели, но много таких забот, что и в старину не были чужды девицам: надо походить между палатками и накупить подружкам ярких лент, намист, кораллов, конфет. На теперешних ярмарках чертей с красной свиткою нигде не замечено, но смеха, песен, шуток, крика, суеты попрежнему полным-полно.

Плотный дядько в хорошем костюме и соломенном брыле, не торопясь, проходит по ярмарке. Глаза его совершенно спрятались в морщинках,— солнце-таки донимает! — лоб белый, незагоревший, нос, щеки и шея темнокоричневые. Ярмарка вглядывается в него сотнями глаз: Явтух Каленикович зря не станет жариться на солнце! У него, председателя правления укрупненного колхоза имени Хрущева, хлопот и так хватает, а вот же вышел Явтух на ярмарку, как и все грешные люди...

Идет Явтух помаленьку, с ленцой, будто и не он вчера носился по степи без передышки, пересаживался с машины на коня, с коня — на велосипед, бегал, как гончая, спал какой-нибудь часок, обедал только вечером, всех вокруг себя тормошил и тряс, как черти трусят грушу. Идет потихоньку, словно и не он сегодня же снова окунется в хлопотливую жизнь мощного колхоза, опять будет подымать десятки дел, принимать решения по важнейшим вопросам, с которыми нельзя мешкать и минуты...

На телеге сидит женщина, режет на кусочки свеклу и дает корове, которая тянется мордой к теленку, лежащему на сене. Теленок крохотный, величиной, что называется, с рукавицу.

— Продайте мне вашего цоба,— говорит Явтух Каленикович, останавливаясь у воза и почесывая пальцем белое пятнышко на телячьем лбу.— Здравствуйте!

— Здравствуйте, Явтух Каленикович! — отвечает женщина с приветливой улыбкой.— Без мамы теленок непродажный.

— К чему же мне корова, тетка? — спрашивает покупатель.—Мне не корова, а цоб нужен.

— Разве мало у вас на ферме телят?

— Э, то не такие! Я б за вашего цоба и карбованца не пожалел!

— Какие вы дешевые, Явтух Каленикович,— притворно обижается женщина.— Нет, без коровки не продам...

— А зачем это вы корову вывели? — ведет речь покупатель, сразу забывая о крошечном «цобе», который тем временем сосет палец покупателя.— Это уже не двор будет без коровы! Старые люди сказывали, что хозяйка коровой сильна!

— Так то ж старые люди!

— Может, председатель вашего колхоза не обеспечивает сеном?

— Э, нет, голова[1] у нас путный, хотя бы и вам под пору! — смеется женщина на возу.

— А корову ж продаете?

— Так это я — не вам будь сказано — от богатства продаю, Явтух Каленикович!

Женщина подставляет солнцу радостное лицо и никак не может сдержать широкой улыбки.

— От богатства? — переспрашивает собеседник.— Это, уж не взыщите, как у того цыгана, что от богатства наряжался в ятер?

— Ну и смейтесь на здоровье,— отвечает женщина и говорит быстро и уверенно, потому что уже хорошо обдумала это: — Я теперь так богата, что корова мне только обуза! Сперва никто не верит, а как расскажу, то все только цмокают...

— А ну, ну, пускай и я поцмокаю! — говорит добродушно Явтух Каленикович.

— Колхоз у нас, как знаете, ничего себе...

— Ничего себе,— соглашается Явтух Каленикович.

— Ферма у нас показательная,— с достоинством подчеркивает женщина,— работаю я там пятый год, даю рекорды, имею ордена, молоко получаю и на трудодни и на прогрессивку, ну, просто ведрами! Есть у меня время возле собственной коровки в навозе возиться? Да я ж должна каждую минуту в книгу заглядывать, записывать рационы, изучать химию, а не то враз рекорды отберут, и не опомнишься! Вот и приходится сбывать любимую коровку...

— А вы бы ее на свою ферму передали, а?..

— Думала и такое. Да ферма ж у нас элитная, Явтух Каленикович... А моя корова без паспорта... Без породы...

[1] Председатель.

Copyrighted material

Явтух Каленикович бьет о полы руками и хохочет. Его смех слышен на другом конце ярмарки.

— Без паспорта! Вот это так проблема!

Насмеявшись вдоволь, Явтух Каленикович становится серьезным и между прочим говорит:

— Цоб цобом, а дело делом: когда присылать сватов, Харитина Григорьевна?

— Куда там,— заливается женщина румянцем,— мои сваты пошли к богу овец пасти!

— А ежели без шуток? — настаивает Явтух Каленикович.— В нашем объединенном колхозе крылья выросли маховые, люди нужны высокой марки...

— Так воспитайте,— просто говорит женщина.

— Само собою...— поддакивает Явтух,— да не успеваем. Такой колхоз, заправская фабрика...

— Чула, Явтух Каленикович... Тысяч десять гектаров имеете?

— Берите выше! Теперь и агрогород под силу строить. Будет у нас культура, асфальт, в каждой квартире ванна, кочерги будут на электричестве...

— А что ж вы думали, Явтух Каленикович!.. Если уж корову электричеством доим, то дело и до кочерги дойдет!..

— Ухваты на кнопках,— Явтух даже не улыбается,— и не нужно человеку, как водится, об дверь спину чесать... Нажмет кнопку, и враз его ухват почешет!..

Харитина Григорьевна смеется.

— И в новом городе я предлагаю вам, уважаемая Харитина Григорьевна, три комнаты с кухней, да еще и с ванной...

— Вот я скажу вашей доярке,— угрожает шутливо женщина.— Разве она не на месте?

— На месте, на месте, серденько,— оглядывается председатель, будто бы и впрямь та, о которой речь, услышит.— У меня на вас иные перспективы!

Явтух Каленикович подмечает любопытные взгляды из толпы — слишком затянулся его разговор с женщиной,— и он торопится выложить свои карты:

— Мы приглашаем вас не на ферму, а на сады, Харитина Григорьевна. На ферме вы все-таки гостья, а подлинная хозяйка — около деревьев. Помните, был я в вашем саду... С той поры и засело мне в голову...

— Так то же я для себя...

— Про ваши яблони на опытной станции знают! А мы вам дадим размах, Харитина Григорьевна... Оглянитесь вокруг — сколько тут должно вырасти садов!

Женщина осматривается вокруг, и по лицу ее видно, что уже не ярмаркой любуется она, а буйными деревьями, что колышут ветвями... Лицо доярки становится вдохновенным, Явтух Каленикович понимает, что он свое дело сделал и может уходить.

— Будьте здоровы, Харитина Григорьевна. Как надумаете, дайте знать... Дом вам поставим прямо посреди сада...

Явтух Каленикович идет дальше по ярмарке, а все, кто следил за ним, вздыхают: может, Явтух надумал жениться? Жена у него умерла, дочь отдаст замуж,— кому охота волком трубить в хате?!

Крики и шум ярмарочный вспыхивают с новой силой. Мычит корова, ей отвечают коровы со всех углов площади. Двое пожилых колхозников вспомнили старинный обычай — хлопают ладонью о ладонь так, что эхо вспархивает, как выстрелы. Руки покраснели, но торг еще не кончен. Предмет их азарта — месячный поросенок — время от времени пронзительно визжит.

Вот сидит на подножке грузовика грустный-прегрустный шофер и не глядит на божий свет.

— Почем торба слез? — спрашивает его, подходя, Явтух Каленикович.— Здоров, козаче!

— Здравствуйте,— отвечает шофер, отворачивая голову.— Отчего это вы не на своей «победе», а пешочком?

— А я не предполагал, что придется кому-то одалживать канистру на слезы,— резонно отвечает Явтух Каленикович и садится рядом с шофером.

— Чего мне плакать? — рассудительно ведет речь шофер, развязывая кисет.— Тут лишь бы успеть баранку крутить, такая запарка в нашем карликовом колхозе. Курите!..

— Кинул это зелье,— вздыхает Явтух,— от него сердце пухнет. Все равно как твое, Михайло, сердце от полуторатонки...

— На «победе» оно-то легче...

— А на крыльях?

Вопрос попадает в самое уязвимое место. Михайло вскакивает:

— А чтоб вас жаба брыкнула! Крылья!.. В насмешку, что ли, напоминаете военному летчику про крылья?

— Никто ж тебе не запрещает мечтать... Правда?

— Правда,— вздыхает, как кузнечный мех, Михайло,— мечтаю, Явтух Каленикович... Кручу это баранку, а сам словно вижу, как дорога проваливается подо мной, вокруг небо, в крыльях свистит ветер, я лечу... И сердце тогда не болит, не чувствую никакой контузии, лечу, как когда-то... Опомнюсь — полуторатонка...

— Я б к тебе за пассажира ни за что б и не сел!

Шофер поднимает капот машины, наклоняется к мотору.

— А я как раз к тебе пришел вот с каким делом,— нарочито небрежным тоном говорит председатель колхоза.— Хозяйство у нас теперь могучее, размах гвардейский, земли пропасть, без собственного самолета не обойдешься...

— Не дозволят,— говорит хмуро шофер.— Прикажут передать самолет в сельхозавиацию...

— А вот и разрешат,— возражает Явтух,— у нас особое положение! Десять тысяч гектаров на лошади не объедешь! Самолет — это оперативность! Вредителей срочно отравить, удобрения рассыпать по свекле, цыплят из инкубатора привезти, рыбных мальков доставить в водоем, раннюю ягоду перебросить в столицу, а то хотя бы и поле с птичьего полета осмотреть! А представь себе, что нужно председателя колхоза на слет доставить, а? Полетел и спустил того председателя прямо в президиум, как парашютиста! Сколько слюны проглотят другие председатели!..

— Да я б,— захлебывается от волнения Михайло,— я б вас, Явтух Каленикович, только высшим пилотажем возил!

— Спроси раньше, сел бы я к тебе! — ворчит председатель.— Такой бешеный, сразу мертвую петлю накрутит или заведет в штопор, ну тебя!

— Значит, реальное дело? — все еще не верит шофер.— Приобретаете самолет?

— Чего же я б тебя дурачил? Наш колхоз теперь точно большой завод!

— Готовиться, Явтух Каленикович?

— Как только получим наряд на самолет, пошлем тебя самого выбирать. Пригонишь его сюда своим ходом, посадишь там, на выгоне... Мы и хату тебе поставим возле аэропорта, ангара или как он там называется... Свой аэроклуб организуем, будешь учить молодежь летать...

— Не нужно хаты! — категорически заявляет шофер.— Я под крылом буду жить!.. Убирайся ты, короста! — неожиданно бьет он кулаком по капоту машины.— Довольно ты моей крови попила!

И затем, вызывая удивление окружающих, начинает пританцовывать, напевая: «Первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки потом!»

Явтух Каленикович шагает дальше по ярмарке, улыбаясь в усы, а люди вновь раздумывают: шофер — человек положительный, чем же это его Явтух подзадорил?

Сидит цыган среди медной посуды. Цыган как цыган: смуглый до черноты, шустрый; он рекламирует свой товар, аж в ушах звенит:

— Котел медный, солидный! Сам варит, сам парит, сам жарит! Купи, а то домой отвезу. Поставлю среди колхозного двора, будет светить, как солнце! Ай котел!..

— Сам и мастер? — спрашивает, останавливаясь, председатель колхоза.

— Здравствуйте, Явтух Каленикович! — здоровается цыган.— Мастерим вдвоем с батькой...

— Какой в вашем колхозе трудодень?

— Рано загадывать,— показывает белые зубы цыган,— хлеб еще не в каморе! Смолотим, сважим, тогда и людям скажем!

— Ладно,— соглашается Явтух Каленикович.— Вот только без вывески работать не рекомендую... Откуда я знаю, что ты не кустарь, а колхозник? Поставь возле себя табличку «Продукция колхоза «Соцтруд», пускай она и зазывает людей!

— На ярмарке должно быть весело,— отвечает котельщик,— товар красивый, люди праздничные, петь хочется...

— Ты и пой вместо рекламы,— советует голова на прощанье и ухо-

Copyrighted material

дит, пожав цыгану руку. И снова шальной голос котельщика оглушает площадь.

Оживленно торгуют колхозные палатки с овощами. Арбузы полосатые и темнозеленые, красные помидоры, синие баклажаны, поздние кабачки. Сливы, яблоки, груши. Тёрн. Несколько сортов местного винограда, над которым мелькают на солнце пчелы и осы. Представительные, в белых халатах, повязанные марлевыми косынками колхозницы. Вокруг них толпа. Многие покупают, а еще больше наблюдателей.

— Гляди, как у людей культурно,— говорит один приезжий другому.— А ты хотел везти товар без халатов!..

— Явтух своих продавцов минует, вишь, обошел палатки стороною! Что это он там снова увидел?

На чистенькой тряпке сидит ветхая старушка, разложив перед собою лекарственные травы. Тут и валерьяновый корень, и душица, и донник, и калган, чистотел, бессмертник, трава зубровка, цвет подсолнуха. Сухонькими темными пальцами бабушка перебирает товар, ласково касаясь каждого листочка и стебелька. На ней старинный очипок и темная дерюга.

— Давно болит у меня поясница,— говорит Явтух Каленикович, присаживаясь, — советовали шалфей, припарки из чебреца. Эге, баба Явдоха, это вы? Здравствуйте...

— Доброго здоровья, сынку,— отвечает старушка тихоньким, приветливым голоском, присматриваясь к покупателю.— Не старого ли Каленика отпрыск? Ишь, как тебя разнесло...

Явтух Каленикович вздыхает, удобнее усаживается возле зелья и с любопытством поглядывает на бабу:

— Калеников, Калеников, бабуся... А вы ж это издалека-таки забрались сюда? Небось, ноги уже не танцуют? Сто годков отходили на этом свете?

— Еще нету ста годков,— охотно говорит баба.— Сто годков — большой век, сынок. До девяноста хотя бы дожить.

— Как же не дожить, если сами аптеку держите! Живите, бабо Явдоха!.. А почему это вас дети торговать послали? Разве никого помоложе не нашлось?

Старушка для чего-то перекладывает с места на место несколько корешков и доброжелательно смотрит на собеседника:

— А живу я одна, как перст, внук один — инженером работает — обещал к себе взять, да, видно, позабыл... Так и живу с корешков да с зелья...

— А колхоз же как? — спрашивает Явтух.

— И колхоз так же. Пока ходила в огородную бригаду полоть, держали... А теперь, говорят, как откроем дом для престарелых, так туда...

— А тот инженер присылает что-нибудь?

— Присылал, спасибо ему, присылал! — радостно откликается старуха.— Как вот эта война кончилась, так прислал было целых сто карбованцев...

— Подлец он, а не инженер,— хмуро замечает Явтух,— я б его, дикаря, по партийной линии притянул! Правление колхоза тоже будто с другой планеты упало! Вот люди! И скажите вы мне, баба Явдоха: таких людей сеют, что ли, или они сами родятся на наше несчастье?

Баба осторожно вытягивает из-под кучки зелья черненький корешок и протягивает Явтуху Калениковичу:

— Вот это, сынок, от поясницы. Покрошишь да запаришь, как чай, а тогда по наперсточку утром, днем и вечером... И сердце не дразни, ибо все болезни в мире от сердца...

— Спасибо,— нехотя благодарит Явтух и берет корешок. Потом задумывается и горько произносит: — Не дразни... Эх, баба, баба! Какие вот еще люди бывают... Да они одной вашей этой руки не стоят, мамо...

Явтух Каленикович бережно берет сухонькую руку старухи и подносит к губам. Она смущенно прячет руку:

— Не треба, сынку... Тут же ярмарка...

Глаза у старушки увлажняются, она молча их вытирает.

— Вот что я вам скажу, мамо,— решительно заявляет Явтух,— прошу я вас, переходите ко мне жить. Хата просторная, новая, работы от вас не потребую, будете похаживать себе по садочку да воздухом дышать. А ежели имеете свою хату, то и ее перевезем...

— Сгорела моя хата,— говорит старушка.

— Вот и добре,— невпопад отвечает Явтух.— Берите зелье да и ступайте на мой двор. — Баба Явдоха забеспокоилась еще в начале горячей речи Явтуха. Теперь она растерянно озирается, придвигает к себе зелье, лицо ее морщится от радостной улыбки. — Будьте здоровеньки, ярмаркуйте, да не опаздывайте к обеду... Без вас к столу с дочкой не сядем...

Явтух Каленикович поднимается с земли и идет дальше, предоставив возможность бабе Явдохе обдумать наедине его предложение. Кто ни подходит после того за зельем, никак не может взять в толк, что приключилось со старухой: вместо ромашки баба дает лесную малину, подорожник путает с «медвежьим ушком»...

Ярмарка гудит. Уже закончен торг за поросенка, и продавец с покупателем заедают сделку арбузом. Цыган-котельщик оставил свой товар на произвол судьбы и пошел выпить пива. Шофер Михайло, отъезжая, «газанул» полуторатонкой и чуть не заехал в кучу горшков и кринок. С опозданием открыл свой ларек книжник, и тотчас же к нему двинулись покупатели.

Как же красиво лежат книги на прилавке! Солнце их сразу берет в свои объятья, ласкает, зажигает краски на обложках, пригревает буквы. Ветерок овевает книги запахами окрестной степи, шевелит ласково страницы. Так и кажется, что на прилавке расселась стайка разноцветных голубей, которые вот-вот взлетят над ярмарочным гомоном.

Покупатели толпятся у книг,— одни отходят, другие прибывают. Без преувеличения можно сказать, что сюда переместился центр ярмарки. Умытые и причесанные дети, в чистеньких сорочках и штанишках, босые и опаленные южным солнцем, молча протискиваются под локтями взрослых к книжному богатству.

— Дядю, да пустите ж! Тетю, да мне ж надо... — доносятся приглушенные детские голоса.

И благоговейно несут книгу детские руки, прижав к бьющемуся сердцу, которое словно стучит в книжный переплет...

Явтух Каленикович, поговорив со многими людьми на ярмарке, наконец решает взяться за дело, ради которого он и вышел на майдан. Намерение весьма деликатное: ведь Явтух Каленикович — нежный отец единственной дочери. И попутала ж нелегкая, чтобы его Палазя взяла да и влюбилась в чорта! Собственно, не в чорта, конечно, а в парубка. Парубок — комбайнер. Неплохой механизатор, работящий, смирный. Да такой уж смирный, что бледнеет и дрожит, чуть только Палазя протянет к нему руку. Вот и выпала миссия старому дурню (это в порядке самокритики!) попытаться помочь Палазе и ее комбайнеру. А как поможешь, если нынешняя молодежь утратила вкус к старым обычаям — к сватовству, например... Выпутывайся, Явтух..

Издали видно, что комбайнер томится, сидя в кузове грузовой машины. Глаза проглядел, высматривая по всем сторонам зловредную Палазю. Не появился ли около дивчины уже кто-нибудь другой? Комбайнер чувствует, как смелость волнами подкатывает к его сердцу,— пусть только явится, он спросит ее начистоту...

Явтух Каленикович подходит к комбайнеру осторожно. Покружив для отвода глаз, он останавливается рядом с машиной и негромко говорит:

— Здоров, козаче! Что это ты сидишь на насесте без дела? Хоть кукурекай, что ли...

Комбайнер ерзает на месте и забывает ответить на приветствие.

— Запчасти заказал, Явтух Каленикович,— информирует комбайнер,— ожидаю шофера. Палазя не заболела часом?

Последние слова выскакивают у него так неожиданно, что он сам пугается. Яркий румянец заливает его щеки.

— Чего ж ты не зайдешь к ней? — говорит Явтух Каленикович.— Уговаривались с Палазей, что поставишь на штурвал.

— Так МТС не соглашается!

— Кто ж там может возражать? — искренно удивляется председатель.— Ты ж им говорил, что вы любите друг друга?

— Явтух Каленикович,— восклицает парубок,— это дело интимное, не вмешивайтесь в наши дела!

— Будь здоров, коли так,— говорит Явтух.— Видать, вы еще долго ни к чему не придете. Сам батько сватает, а он противится!..

— Батьку! — с отчаянием вопит парубок.— Она меня до несчастья доведет! Говорит: «Я хочу, чтобы у тебя характер был, а не тряпка». А где я его возьму, скажите на милость?! Мой характер весь остается на комбайне!..

Палазин батько поглядывает молча на парубка. Они с покойницей женой так не мешкали. Через отцову волю переступили, вон как! Правда ж, и характеры у обоих были подстать. У Палази теперь и сказывается отцовско-материнская натура..

Идет ярмаркой пьяный, старательно ставя ноги, чтобы, чего доброго, не покачнуться у всех на глазах. На нем новый пиджак, колодочка с орденскими ленточками, лысеющая голова уже покраснела на солнце. Это первый пьяный, которого встречает на ярмарке Явтух Каленикович. Он хочет обойти его стороною, но пьяный замечает этот маневр и громко окликает:

— Явтух!.. Каленикович! Дружок!

И, раскрыв руки для объятий, идет на Явтуха Калениковича, горланя во весь голос: «Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?..»

Явтух Каленикович решительно шагает на сближение с ним. «А ну,— читает он в сотнях глаз, устремленных на него,— что скажет фронтовик фронтовику? Как встретит один председатель колхоза другого председателя? Послушаем, подойдем поближе, наскочила явтухова коса на камень!..»

— Здоров, Явтух,— громыхает пьяный.— Здоров, саперный старшина! Руку, товарищ!..

Из цикла «Слава миру»

Анна АХМАТОВА

Ах, закройте, закройте глаза газет..
Маяковский.

Где ароматом веяли муссоны,
Там тополя, как факелы, чадят,
А гор Алмазных голубые склоны
Едва в дыму пожарища сквозят.
И хочется на помощь звать скорее,
Не может быть, чтоб длился этот ад!
Рыдая, дети на полях Кореи
В родное небо с ужасом глядят...
А их заокеанские соседи,
Погрязшие в непоправимом бреде,
Еще вопят о правоте своей,—
Убийцы и мучители детей.

ПОДЖИГАТЕЛЯМ

И чем грозите вы?
Пожаром?
Уничтожением детей?
Но знайте: не пройдет вам даром
Яд клеветнических речей.
Одним порывом благородным
Фронт мира создан против вас,
И труженику стать свободным
Приходит долгожданный час.

В ПИОНЕРЛАГЕРЕ

Как будто заблудившись в нежном лете,
Бродила я вдоль липовых аллей
И увидала, как плясали дети
Под легкой сеткой молодых ветвей.
Среди деревьев этот резвый танец,
И сквозь загар пробившийся румянец,
И быстрые движенья смуглых рук
На миг заворожили все вокруг.
Алмазными казались солнца блики,
Волшебный ветерок перепетал
И то лесною веял земляникой,
То соснами столетними дышал.
Под яркоголубыми небесами
Огромный парк был полон голосами,
И даже эхо стало молодым.
...Там дети шли с знаменами своими,
И Родина сама,
любуясь ими,
Незримое чело склонила к ним.

— Здоров и ты, Гаврило,— спокойно подает руку Ятух.— Минометному лейтенанту мое почтение!..

— Слыхали? — обращается Гаврило к толпе, которая моментально начинает собираться вокруг них.— У нас, фронтовиков, полная субординация. Правду я говорю, гвардии старшина?

— Где это ты картуз посеял? — перебивает его Ятух.— Солнце голову нажгло, пузыри вскочат...

— Добро,— машет рукою пьяный.— Пойдем, запьем встречу...

— Ты уже сегодня не одну встречу запил,— миролюбиво замечает Ятух.— Обожди, увидят тебя твои колхозники, вмиг из правления выведут, с председательства скинут!

— А скинут,— соглашается Гаврило, — меня уже из трех колхозов скинули...

Толпа хохочет, кто-то даже пробует хлопать в ладони.

— Можешь считать себя выгнанным и в четвертый раз,— без тени улыбки замечает Ятух Каленикович.— И протекции не помогут.

— А чего ж я и пью? — сокрушается Гаврило.

— Погоди,— освобождает свой рукав из рук Гаврилы Ятух Каленикович.— Говоришь, из трех колхозов тебя уже выставили?

— Ятух! — взмолился пьяный.— Не во мне дело... Колхозы укрупнили, а председателей переизбирают. Нужны, значит, с высшим образованием, агронома им давай, профессора!..

Толпа внимательно слушает, громко и жарко дышит на собеседников.

— Договаривай уже,— молвит Ятух,— людям интересно послушать... Как это пишется: «Кажы нам, Гаврило, что тебе сказыло?»

Слушатели отвечают благодарным хохотом и повторяют стоящим позади слова Ятуха. Задние передают еще дальше. И вот уже вся толпа хохочет.

Гаврило продолжает:

— А сколько председателей в колхозах с образованием? Ага!

— Почему же ты не учился, пока было время? — без злорадства спрашивает Ятух.— Многие учились, немало сейчас учатся... Что ж ты думал — до скончания веку под стрехою жить? Нет, партия не так говорит... Мы делаем шаг в коммунизм, а ты хочешь, чтобы продуктивность труда тянула нас назад... Не будет тебе хутора, Гаврило. Сегодня в нашем колхозе уже десять тысяч гектаров, машина это диктует, высшая организация труда. А завтра, может, и этого будет недостаточно! Завтра выгодно для дела будет не полками биться за урожай, а, возможно, дивизиями, а?.. Станем тогда в дивизии, товарищи! Партия поведет нас к победе. Ибо что такое коммунизм, товарищи! Коммунизм — это мы с вами в победоносном движении вперед!

Ятух Каленикович знал, как говорить с людьми. Он не искал слов; слова шли к нему сами — простые и непринужденные.

— Ты ж, Гаврило,— гвоздь, который съела ржавчина... В какой-то мере и мы в этом виновны... Поможем этот гвоздь отмочить в керосине и почистить, и тогда посмотрим, сколько еще в нем настоящего железа. Прости, что на чистоту,— у меня от людей секретов нет...

— Спасибо, друже,— после длинной паузы выдавливает из себя Гаврило,— я признаю критику. И самокритику уважаю. Только расскажи ж ты людям, неужто я и тогда был ржавым, когда шел на лютого врага? Было ли во мне железо, когда шли мы по городам и селам, не щадя крови и жизни, вызволяя народы из-под ярма фашизма?..

— Это был твой долг! — доносится из толпы.

Ятух Каленикович не сразу отвечает. Сначала он внимательно всматривается в Гаврилу, потом берет его за плечи и ведет за собою. Толпа дает им дорогу и следует по пятам. Так и кажется, что это пчелиная матка идет по сотам и пчелы теснятся около нее.

— Значит, не все еще потеряно,— говорит тем временем Ятух Каленикович,— если ты, Гаврило, протрезвел от нашего разговора. Вот, к примеру, меня выбрали председателем нашего укрупненного колхоза имени Хрущева... Да, да, а ты и не знал? Десять тысяч гектаров. А я ж только старшина... Думаешь, голова не трещит от мыслей? Хотя у меня и есть среднее агрономическое образование, но этого теперь мало. Зимой буду штурмовать высшую агрономию: без высшей не вытяну, не оправдаю доверия колхозников. Более ста человек в нашем колхозе насчитывает сейчас парторганизация,— на них буду опираться. Поставлю на решающие участки; они мне не дадут дремать, а я с них буду требовать, и все вместе придем к неслыханным урожаям! Вот сколько хлопот свалилось на человека... Хожу я и сам себя спрашиваю: выдержишь ли, Ятух?

— Выдержишь! — бодро откликается толпа.— Не прибедняйся, старый чорт! Кого ж и ставить, как не тебя!..

— Спасибо! — скидает брыль Ятух Каленикович и кланяется на все стороны.— Хорошо вам говорить, а Ятух уже весь в мыле, как лошадь! Поля севооборотов нужно перепланировать? А землеустроителей как корова языком слизала! Учет труда, доходов, расходов усложнился? А бухгалтеров из пальца не высосешь! Вот, к примеру, не удовлетворяет меня и тракторная бригада... На такой колхоз дивизию надо!

— Агрогород когда будешь строить? — докатывается вопрос откуда-то издалека.

— Вот видите, еще одно дело! — восклицает Ятух Каленикович.— А Ятух сроду еще городов не строил. А надо строить город, да не какой-нибудь, а социалистическую крепость! Чтобы тот, кто в полном коммунизме уже жить будет, не сказал про нас: «Фантазии не было у людей! Гордого взлета не чувствуется! Не на века замахивались, а держались за бабкину печь!» Не желаю я такого приговора истории, дорогие сограждане! Пришел час окончательно сравнять село с городом,— из этого и будем исходить!

— Проект агрогорода уже заказали? — допытывается чей-то деловой голос.— Смотрите, чтобы не впихнули вам кота в мешке!

— Не впихнут, не бойтесь! — неожиданно вмешивается Гаврило и оглядывается на людей.— Мы всю Европу прошли, нас архитектурой не собьешь!

— Правильно, Гаврило! — гремит ответ из толпы, и все вокруг искренне хохочут.

— А скажите, Ятух Каленикович,— допытывается голос издалека,— дом отдыха запланирован?

Все сразу начинают гомонить. Один смеется и отрицательно машет рукой, другой берется азартно что-то доказывать, третий не знает, кого и слушать.

— Граждане! — обращается Ятух Каленикович.— Обязательно запланирован! Будет стоять дом отдыха в саду, над водою, повар в белой шапочке будет кормить отдыхающих компотом, будет там оркестр, будет кино, выпишем с базы сорок штук соловьев...

— Га-га-га! — смеются слушатели.— Ятух дело знает!

— Не смейтесь, я серьезно! И соловьи будут петь по нашему заказу...— Ятух замечает кого-то впереди и останавливается.— Продолжение беседы об агрогороде переносится в клуб,— говорит он,— вызовем архитекторов, поговорим... А сейчас прошу всех вас разойтись по своим делам, потому что я вижу одного товарища из райкома партии, и мне, вероятно, чуб будут греть за недостаточные темпы осенней вспашки...

Весело перекликаясь, толпа редеет. Ятух Каленикович остается вдвоем с Гаврилою.

— Заходи немного погодя обедать, Гаврило...

— Не зайду,— говорит Гаврило, прощаясь,— пойду отмывать ржавчину...

— И то хлеб,— соглашается Ятух и направляется к райкомовскому работнику.

— Нет, у меня другое дело,— говорит тот и здоровается.— Вам чуб взгреют сами колхозники, если запоздали со вспашкой! Меня другое интересует: что это вы тут делаете? Продаете или покупаете? А помните, у Гоголя один батько на ярмарке посватал-таки дочку за энергичного парубка?

— Что тогдашняя ярмарка! — живо откликается Ятух Каленикович и вытирает платком пот.— Пускай бы он теперь ярмаркував!..

Перевод с украинского Татьяны СТАХ

Copyrighted material

Новая летопись

А. И. ЯКОВЛЕВ, О. А. ЯКОВЛЕВА

Кандидат исторических наук, доцент О. А. Яковлева недавно обнаружила в отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина ценнейшую летопись первой четверти XVII века, заключающую много новых исторических данных. Мы публикуем статью об этом открытии члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Сталинской премии, профессора А. И. Яковлева и исследователя О. А. Яковлевой.

Этот исторический документ пролежал на полках библиотеки свыше восьмидесяти лет. Ничем не примечательные первые две трети рукописи, почти дословно повторяющие давно известные факты, делают эту часть рукописи неинтересной для изучения. Однако исследование текста установило, что последняя треть его представляет собой оригинальный рассказ очевидца многих событий. Повествование это проливает свет на многие исторические вопросы, до сих пор не выясненные нашими историками.

По записям библиотеки, летопись поступила в Румянцевский музей в 1868 году. Ее приобрели у наследников известного собирателя древних рукописей Пискарева. Хранится она ныне за шифром «Музейное собрание № 611».

Переплетенная в деревянные доски, обтянутые кожей, с полустершимся от времени тиснением, рукопись, видимо, никогда не отличалась богатством оформления. Она истрепана, металлические застежки оторваны. На первый взгляд летопись кажется почти кубической: ее размеры — 20 × 15 сантиметров, толщина — 12 сантиметров.

Писана летопись на старинной пожелтевшей бумаге скорописью первой четверти XVII века поблекшими чернилами. Заглавные буквы и некоторые слова среди строк выделены киноварью (красной краской), встречаются заставки, рисованные от руки. Это говорит о заботливом отношении неведомого автора к своей работе.

Автор не оставил своего имени, но по содержанию можно судить, что он прожил долгую жизнь — от второй половины царствования Ивана Грозного до начала царствования Михаила Романова — и был свидетелем различных событий, происходивших между 1558—1613 годами. На его глазах кончилась династия Рюриковичей и вступили на престол Романовы. При нем шесть раз менялись цари, он видел междоусобную войну, голод, мор и другие бедствия, потрясавшие Русь.

Автор летописи был в курсе интриг, происходивших при царском дворе, и владел грамотой. Поэтому можно полагать, что он был москвич и принадлежал к приказному миру. Последнее подтверждается и другими соображениями.

Грамотными в те времена были бояре, духовенство и приказные. Боярином он, видимо, не был: в тексте есть высказывания, направленные против боярства. Цитаты, приведенные автором из священного писания, перепутаны — это свидетельствует о том, что он не принадлежал и к лицам духовного звания. Наиболее поэтому вероятно, что автор принадлежал к приказным.

Начинается летопись с возникновения Русского государства, но этот материал, как уже говорилось выше, ничем новым не блещет.

Автор, повидимому, был очень молод, когда на Руси действовала опричнина, и поэтому описываемые события той поры он заимствовал из какого-то неизвестного нам источника. Источником этим, как можно полагать, были рассказы бояр, враждебно настроенных против Ивана Грозного и проводимых им реформ. Летописец приводит легенду о казанской царице, которая якобы, узнав о рождении Грозного, предсказала русскому послу, что у новорожденного будут два ряда зубов: одними он съест казанцев, а другими — бояр.

Еще больше сказалось это боярское влияние на рассказе о том, как правили Русью Алексей Адашев и поп Сильвестр. Как известно, они, отстранив молодого царя Ивана, захватили власть в свои руки и проводили политику, выгодную боярству. Адашев из своих сторонников создал «избранную раду», то есть «ближнюю думу», без согласия которой молодой царь не мог принять никакого решения.

Этот рассказ, помещенный на листах 537—538 летописи, очень характерен для лагеря врагов Грозного.

«Того же году (1547) царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии послал в Царьгород гонца своево костромитина Федора Адашева и сына ево Алексея. И Федор у царя (султана турецкого) был, и царь его пожаловал великим жалованьем, и приехал к государю (к Грозному), и государь его пожаловал. А сын его, Алексей, разболелся и тамо остался у царя (султана), а был з год и приехал к великому князю (к Грозному), и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближенье, и отца, для его, пожаловал боярством, а его окольничим. И много лет был в царьской милости и до опришнины».

Когда же Грозный, сообщает летопись, взял правление государством в свои руки и стал вводить опричнину, Алексея Адашева постигла опала. Его удалили в один из завоеванных ливонских городов; попа Сильвестра отправили в далекий монастырь, а некоторые сторонники Адашева бежали от царского гнева в Польско-Литовское государство. Бежал туда изменник родины князь Андрей Курбский.

Автор приводит целый ряд новых фактов, хотя и комментирует их неправильно. В летописи читаем: «И как почал множитца грех земской и опришнина зачинатися, и князь велики его (Адашева) послал на службу в Юрьев Ливонской к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему быти в нарядчиках не велел, и он ему бил челом многажды, и он не велел быти. А житие его было: всегда пост и молитва безспрестани, по одной просвире ел на день».

Но Грозный, конечно, не безосновательно, продолжал подозревать сосланного Адашева в политических интригах.

«И послал его убити князь велики. Пригнал гонец убити, а он преставился за день и лежит во гробу. И писали о нем государю. И государь его пожаловал: велел отвести на Углеч, к родителем в Покровской манастырь, где лежит отец его Феодор и брат его Данило».

Историки не знали, где погребен Адашев. Летописец указывает место его могилы.

Автор восторженно, несомненно, с боярских слов, описывает правление Адашева: «А как он был во времяни, и втепоры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет: тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит: и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою (уличит во лжи): тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место межу полат».

Из летописи мы, таким образом, узнаем, что в эпоху правления Русской землей Адашевым и Сильвестром центром правления была изба (дом), стоявшая в Московском Кремле около Благовещенского собора.

Следует отметить, что приводимые нами выдержки из летописца абсолютно новы по своему содержанию. Раньше о юности Адашева и о том, когда и как сделался он царским любимцем, сведений не было; не было известно о длительном пребывании его в Турции, которое не могло не сказаться на русско-турецких отношениях в период его правления.

Об опричнине автор говорит устами митрополита Макария, опять-таки сторонника боярства, как о величайшем бедствии: «нечестии», «кровоизлиянии» и «разделении земли». Он считает, что царь «возъярися на все православное християнство» и по совету «злых людей» Василия Юрьева, Алексея Басманова «и иных таких же» — «учиниша опришнину: разделение земли и градом». Одних бояр, дворян и детей боярских царь взял в опричнину, а другим «повеле быти в земских», города также разделил на опричные и земские и многих выселил из городов, вотчин и поместий, отошедших в опричнину.

Так летописец прогрессивное начинание Ивана Грозного истолковывает совершенно ложно, с точки зрения враждебного боярства.

Эта реформа, по словам автора, породила ненависть среди бояр к Ивану IV, и они объединились вокруг двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого. Заговор этот царю удалось в 1569 году раскрыть, и его участники были казнены вместе со Старицким и его семьей.

В летописи мы находим ряд подробностей о затяжной войне Ивана Грозного с ливонцами, которая с перерывами длилась почти четверть века. Интересен рассказ о походе Грозного в Ливонию в 1575 году, свидетельствующий о смелости, отваге, мужестве русских воинов, освобождавших исконные русские земли от иноземного ига. Иван Грозный за три месяца освободил 27 городов.

Любопытны некоторые подробности, сообщаемые летописцем о войне Грозного с Польско-Литовским государством. В 1581 году неприятель осадил Псков, но взять его не сумел. Напавшие решили хитростью погубить русских воевод и овладеть городом.

Некий пан, якобы рассорившийся со своими и желавший перейти на сторону русских, послал нашим воеводам ларец якобы со своей казной с привязанным к нему ремешком. Воеводы подарок приняли, но призадумались: «Какой то ларец и что в нем?». Они осторожно вскрыли его. Ларец оказался наполненным порохом и маленькими пищалями (ружьями), «а тот ремешик приведен к спуском санапальным». Это было нечто вроде гранаты, которая должна была взорваться в руках воевод, и только благодаря их бдительности они избежали смерти.

Новый свет проливает летописец на завоевание Сибири героем былин — казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем. Летописец указывает, что уже в конце XVI века русские там интенсивно строили города и распахивали плодородные сибирские земли.

Советских археологов долгое время занимал вопрос, куда исчезли остатки лежавшей

Copyrighted material

в низовьях Волги столицы ненавистного Золотоордынского ханства — города Сарая.

На страницах летописи мы находим ответ. Царь Федор Иванович в 1588 году повелел разобрать остатки города Сарая, перевезти строительный материал в Астрахань и возвести там из этого материала город (кремль). «И зделан,— восклицает летописец,— город безчисленно хорош, а круго его пояс мраморен зелен да красен, а на башнях тако же».

Летописец повествует о строительстве каменных городов (кремлей) в Казани и в Смоленске. Интересно отметить, что постройка смоленского кремля не была делом одних смолян, а на строительство были собраны «деловцы» (мастера): каменщики, кирпичники и гончары со всей Руси, «а каменье и известь возили из дальних городов вся земля».

Автор также упоминает о сооружении в 90-х годах XVI века каменной плотины на Москве-реке около села Бесед.

Летописец повествует о способах, к которым прибегал Борис Годунов, чтобы упрочить свою власть, укрепиться на престоле. После избрания на царство он пожелал закрепить свое положение официальной грамотой, снабженной подписями «избирателей», и печатями. «Избиратели», покорные воле Годунова, «ни мало не помедлив, сотвориша повеление его».

Очень подробно рассказывается в летописи, как в 1598 году принимал Годунов крымское посольство. Он решил показать крымским послам мощь русского войска и внушить им уважение к Русской земле. Близ города Серпухова, на реке Оке, Борис устроил грандиозные маневры. Русское войско было настолько многочисленно, что оно растянулось вдоль берега Оки на протяжении 40 верст. Там, где сливаются Ока и Нара, Годунов повелел раскинуть для своей ставки походный раскладной полотняный «град», впервые созданный на Руси. «И послы, увидя то, удивилися такому великому войску и курению огненому, и стреляние пищальному. И отпустиша и (т. е. «их») в Крым с великою грозою».

Из летописи мы узнаем, что при Борисе, прежде чем построить какое-либо большое здание, создавали его деревянную модель — она называлась «образцом». Такой деревянный «образец» сделан был, например, когда Борис задумал строить в Московском Кремле церковь «Святая святых».

Автор приводит любопытный факт. В 1599 году в Москве на Моховой, где ныне стоит манеж, выстроили второй земский двор: «за Неглинною, блиско Успенского врашка, у мосту, против старово государева двора, где после князь Дмитрей Шуйской жил». Речь идет о мосте, который вел через реку Неглинную к нынешним кремлевским Троицким воротам. «Старым государевым двором» назван опричный двор Ивана Грозного, стоявший на месте, где ныне находится здание Московского университета и памятник М. В. Ломоносову. «Земский двор» ведал управлением города Москвы. Первый земский двор стоял в Китай-городе, на месте, занимаемом теперь Историческим музеем. Дата постройки второго земского двора ранее не была известна.

На листе 612 под 1600 годом читаем мы сообщение о том, что на реке Волхове была возведена грандиозная плотина — далекий предок современной Волховской плотины. Около плотины стояла огромная водяная мельница, дававшая большой доход государству. Плотина эта служила мостом через Волхов и была удобна для рыбной ловли. Такое сооружение для техники того времени, учитывая ширину Волхова, было весьма значительным и казалось немыслимым, тем более, что попытки прежних лет (первой половины XVI века) не привели к успеху. Поэтому плотина, по словам летописца, вызвала всеобщее «удивление».

Летописец устанавливает точную дату строительства второй каменной кремлевской стены: 1600 год. Стена шла снаружи старой стены вдоль Москвы-реки и, повернув у нынешнего Москворецкого моста, тянулась по краю рва на Красной площади, до реки Неглинной. В этом рве, отмечает летописец, содержались львы.

Два года спустя там, где теперь площадь Революции, через Неглинку перекинули каменный мост с зубцами, под которым сделали водяную мельницу.

Год за годом описывает автор славные труды нашего народа по украшению Москвы. Так, в 1601 году проведен водопровод «из Москвы-реки на государев двор на конюшенной на большой, по подземелью великою мудростию». Сооружение первого кремлевского водопровода историки относили к более позднему времени.

В разных городах Московского государства Борис учредил печатные дворы, которыми выпускались разнообразные книги.

Годунов поддерживал дружеские отношения с одним из грузинских княжеств и даже оказывал ему военную и денежную поддержку в борьбе против щелкавского князя. «А преже сего московские цари и великие князи,— говорится в летописи,— в такие дальние земли рати не посылывали, ни казны своей на подмогу не давывали».

Рассказ о царствовании Лжедмитрия I автор начинает восклицанием: «Попрася правда, отъиде истинна, разлияся беззаконие и душа многих християн изменися: слово их, аки роса утренняя, глаголы их, аки ветр!»

Летописец приводит новые сведения, которые разрешают старый, казалось, неразрешимый вопрос. Историки не могли точно установить, согласовал ли беглый монах Гришка Отрепьев заранее с матерью убитого ребенка, царевича Димитрия, сосланной в далекий монастырь царицей-инокиней Марфой то, что он назовет себя ее сыном, Димитрием, или это было сделано Отрепьевым без предварительной договоренности с Марфой.

Автор сообщает: прежде чем бежать в Польско-Литовское государство, Отрепьев под видом поклонения святому месту и получения милостыни «прииде к царице Марфе в манастырь на Выксу с товарищем своим, с неким старцом, в розданных в худых ризах». Они добились того, что царица пустила их к себе. «И, неведамо каким вражиим наветом, прельстил (Отрепьев) царицу и сказал ей воровство свое (план захвата московского престола). И она ему дала крест злат с мощьми и с каменем драгим сына своего, благоверного царевича Дмитрея Ивановича Углецкого».

Этим крестом, говорится в тексте летописи, Отрепьев действовал как доказательством того, что он есть истинный царевич Димитрий.

Польская и литовская аристократия с восторгом приняла Лжедмитрия. Он был поводом для похода на Москву, для захвата Русской земли. Но, опасаясь, что самозванец, указывает летописец, сев на русский престол, не сдержит данного слова — сделать московской царицей панну Марину Мнишек,— Лжедмитрия тайно, по католическому обряду, обвенчали с Мариной, «и с нею жил немалое время».

Интересен рассказ об убиении Лжедмитрия. Автор отмечает, что не русские бояре избавили от него Московское государство: была «у бояр дума на нево, да немногая», а «всею землею на нево востали». Следовательно, не бояре уничтожили Лжедмитрия, а народ.

После смерти Лжедмитрия бояре избрали на царство князя Василия Шуйского.

Избрание нового царя вызвало необычайное волнение. Рассказ летописца содержит совершенно новые факты:

«После Ростриги Гришки Отрепьева почал на Москве мятеж быти во многих боярех, а захотели многие на царьство. А дворяне, и дети боярские, и всякие служивые люди: хто х кому прихож и кто ково жаловал, те тово и хотят, а иные иново хотят: хто х кому добр. И в том почали великое волнение быти во всех людех... И приговорили все бояре, и дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые люди: что выбрать дву бояринов и на лобном месте их поставити и спросити всего православнаго християнства и всего народу: ково выберут народом, тому быти на государьстве. И выбрали дву бояринов: князя Федора Мстиславского да князя Василья Шуйскаго, и привели их на лобное место, и всем народом выбрали на лобном месте боярина князя Василья Ивановича Шуйского, и нар(е)кли его на все православное християнство царем и великим князем на третей день после (Р)остригина убиства».

Описывая судьбу польской авантюристки Марины Мнишек, летописец рассказывает, как она, ни мало не колеблясь, признала Лжедмитрия II — так называемого тушинского вора — тем же лицом, что и Лжедмитрий I, т. е. своим мужем и истинным царевичем. Лжедмитрий II «назвал ея женою своею, а она его назвала прямым мужем и жила с ним многое время... И жил с нею с некрещеною, и родила малого невесть от кого... а неведомо чей сын, потому что многия с нею воровали».

Гневом и ненавистью дышит рассказ, посвященный польско-литовской интервенции. Летописца радует народное освободительное движение, которое подняли знаменитый нижегородец Козьма Минин и руководитель ополчения полководец князь Дмитрий Пожарский. Восхищаясь Мининым, летописец называет его человеком «смышленым и язычным» (т. е. красноречивым).

Когда же из Москвы изгнали интервентов, то бояр, изменников родины, перешедших на сторону неприятеля, «в думу не призывали, потому что о том вся земля волновалася на них, что им в думе не быти со князем Дмитреем Пожарским».

Несомненно, что исследователи еще будут спорить о достоверности тех или других приведенных неведомым автором фактов. Но, во всяком случае, летописец сообщает множество новых данных для истории Русского государства XVI — XVII веков.

Copyrighted material

Выставка КИТАЙСКОГО искусства

Янь ХАНЬ

На открытой в Москве художественной выставке Китайской народной республики видное место принадлежит работам Янь Ханя. Выдающийся китайский художник Янь Хань родился в 1916 году в бедной крестьянской семье. С большим трудом удалось ему получить необходимое образование и поступить в Художественный институт в Ханьчжоу. Вскоре он перешел в Художественную академию в Яньане. Когда же в провинции Шаньси развернулось партизанское движение против японских захватчиков, Янь Хань ушел в партизанский отряд. И здесь, правда, лишь в редкие свободные минуты, он занимался рисованием.

В течение ряда лет Янь Хань находился в рядах сначала партизан, а затем Народно-освободительной армии. Его произведения, проникнутые призывом к борьбе за свободу, известны всему демократическому Китаю.

Вернувшись из армии, Янь Хань плодотворно работает в живописи и графике. Творческую работу он совмещает с художественным воспитанием молодежи.

Публикуемая ниже статья Янь Ханя знакомит нас с состоянием творческой деятельности художников Китая.

Чжао Юй. «Красное знамя».

Наш вождь Мао Цзе-дун, выступая в 1942 году в Яньане на совещании работников литературы и искусства, указал, что главной, решающей темой в творчестве художников Китая должен стать народ.

Призыв Мао Цзе-дуна сыграл решающую роль в развитии сегодняшнего китайского искусства, глубоко демократического по своим идеям, реалистического по своим профессиональным устремлениям. Москвичи, посетившие нашу выставку, могут убедиться в том, что китайские художники добиваются сделать живопись, скульптуру, графику действенными участниками борьбы за мир, за демократический строй.

Молодой художник Дай Цзэ написал большую картину «Сбор подписей под Стокгольмским Воззванием». В этом полотне живописец стремился передать энтузиазм, с которым проходит в Китае сбор подписей. Гравюры Гу Юаня «Восстановление сталелитейного завода в Аньшане» и «Помещика везут в народный суд», Ли Цюна «Народные выборы», Пань Тянь-шоу «Сдача хлеба государству», Гу Цюня «День провозглашения республики», Чжан Дина «Дети нового Китая» отражают повседневную и богатую событиями жизнь нашей республики.

С любовью обращаются мастера скульптуры к образу вождя передового человечества И. В. Сталина, к образу вождя китайского народа Мао Цзе-дуна. Портреты вождей воплощены в удачном барельефе Чжан Сун-хэ. Бюсты Мао Цзе-дуна выполнили ваятели Гу Да и Ван Чао-вэнь.

Художники Китая с воодушевлением приняли участие в организации выставки в Москве, несмотря на то, что многие из нас очень заняты своей основной работой на заводах, фабриках, а также в деревне по проведению земельной реформы.

Ряд мастеров выполнил свои произведения специально для выставки, как, например, картины «Крестьяне вступают в коммунистическую партию» Мо Пу, «Крестьяне определяют классовый состав деревни» Ли И-дэ, «Освобождение заключенных» Ху И-чуаня, «Портрет героя труда знатного машиниста Ли Юна» У Цзо-жэня, «Самоотверженный труд в освобожденных районах» Дун Си-вэня.

На художественной выставке Китайской народной республики. На фото (слева направо): директор Государственной Третьяковской галереи А. И. Замошкин, чрезвычайный полномочный посол Китайской народной республики в СССР г-н Ван Цзя-сан и другие осматривают выставку. Во втором ряду (второй справа) художник Янь Хань.

Борьба за мир, мирный труд, мирное строительство — основная тема работ китайских художников. Карикатуры в газетах, плакаты на стенах домов, картины на выставках и их репродукции в журналах — все посвящено благородной теме мира, и никто из китайских художников не отстраняется от этой борьбы, будь то прославленные мастера или юноши из художественных институтов.

Сеть художественно-образовательных учебных заведений у нас теперь довольно значительна. Кроме Пекинского института существует институт в Ханьчжоу, факультет изобразительного искусства в Художественной академии имени Лу Синя и еще несколько учебных заведений в провинции.

В Ханьчжоу созданы специальные курсы повышения квалификации политработников, занимающихся в армии выпуском стенных газет и боевых плакатов.

Художники Китая поддерживают тесную и неразрывную дружбу с Народно-освободительной армией. Большинство из нас побывало в ее рядах, зачастую меняя карандаш на винтовку. Многие художники участвовали в боях, и немало из них погибло смертью славных. Талантливый график Лю Юнь отдал жизнь на поле битвы, Чэнь-цзю замучен японцами. Таких примеров множество.

Жизнь армии, ее подвиги и ее будни и сегодня волнуют и занимают наших художников.

В своей работе мы постоянно обращаемся к творчеству русских живописцев и скульпторов, к произведениям советских мастеров. Приближение искусства Китая к запросам многомиллионного нашего народа требует от мастера доступного изобразительного языка, овладения реализмом. Только в реалистических произведениях могут быть правдиво обобщены характернейшие черты новой жизни, только такие произведения могут звать трудящихся на патриотические подвиги.

В китайских учебных заведениях изучают работы Репина, Сурикова, Левитана, Серова. Выставки репродукций с произведений дореволюционных русских и советских художников путешествуют из города в город, пользуясь огромным успехом. Работы ведущих советских художников оказывают серьезное влияние на наших живописцев и графиков. Журнал «Народное изобразительное искусство» (он издается тиражом около 10 тысяч экземпляров) систематически печатает репродукции произведений советского искусства, статьи советских искусствоведов.

Мы показали москвичам нашу выставку. У нас есть пословица, которая близка по смыслу русской «Чем богаты, тем и рады». Во всяком случае, нам хотелось бы, чтобы советский зритель составил возможно более полное представление о нашем искусстве. Теперь мы с нетерпением будем ждать в Китае выставку советских мастеров.

Copyrighted material

«Крестоносцы» доллара

«Крестовый поход в Европу» — так назвал свои лживые и хвастливые мемуары генерал Эйзенхауэр, бывший главнокомандующий союзных войск в Европе, ныне ярый поджигатель третьей мировой войны.

Правда о том же «крестовом походе» рассказана в книге Стефана Гейма «Крестоносцы»[1]. Это политический роман. На его страницах освещен, хотя далеко не полно и не без ошибок, вопрос о сущности и значении участия США во второй мировой войне.

Автор художественными средствами и с большой убедительностью доказывает, что американские империалисты отнюдь не стремились к освобождению народов от фашистского ига, они хотели разделаться со своим конкурентом, немецким империализмом, расчистить себе дорогу к мировому господству и подготовить военные и политические позиции для последующего нападения на Советский Союз. В художественном изображении действительной роли американского империализма в минувшей войне — обличительная сила романа.

Стефан Гейм — прогрессивный немецкий литератор, бежавший из фашистской Германии сперва в Чехословакию, затем в Америку. Как сотрудник американских армейских органов пропаганды во время войны, он лично наблюдал и испытал то, о чем поведал в своей книге. Ему удалось показать омерзительный облик и омерзительные дела «крестоносцев» доллара. Перед нами проходит ряд запоминающихся фигур, начиная с фашиствующего генерала Фарриша до сержанта-фашиста Дондоло.

Дондоло — мелкий политический гангстер на службе американского империализма. Летом 1944 года, в начале «крестового похода в Европу», он говорит:

— Этот их Гитлер отлично знал, что делает, и Муссолини тоже... Нам надо было воевать вместе с ними против коммунистов.

Так думали и думают, впрочем, не только фашист Дондоло с нашивками сержанта американской армии, но и политические заправилы американского империализма.

Дондоло — типичный представитель «крестоносцев» доллара. Рядом с ним его начальник, капитан — мародер Люмис, для которого участие в «крестовом походе» — выгодный бизнес; он крадет и продает на черном рынке казенный бензин, облагает налогом в свою пользу немецких купцов. В Париже он насилует девушку-патриотку Терезу, которая пошла сражаться против гитлеровских захватчиков.

Роман Гейма наглядно показывает читателю, как много общего было у немецких фашистов и их американских подражателей и продолжателей уже тогда, во время второй мировой войны, когда между ними проходила линия фронта. С тех пор американские реакционеры ушли по стопам своих гитлеровских предшественников далеко вперед.

В романе Гейма мы знакомимся и с начальником капитана Люмиса подполковником Уиллоуби. Это молодой, но уже выдвинувшийся делец из крупной адвокатской фирмы в Нью-Йорке, обслуживающей гигантскую монополию «Амальгемейтед стил». С. Гейм под этим псевдонимом вывел стальной концерн Моргана «Юнайтед стейтс стил К°».

Уиллоуби участвует в организации заговора монополистов США, Германии и Франции против мира, демократии и социализма. Немецкие капиталисты охотно вступают в заговор. Политический расчет, каким они при этом руководствовались, явствует из слов выведенного в романе немецкого фельдмаршала Клемма-Боровского:

— Уверяю вас, в Лондоне и Вашингтоне уже задаются вопросом: как же будет построена послевоенная Европа, как будет построена Германия — по их образцу, то есть по нашему, или по образцу русских? Разгромив нас, Лондон и Вашингтон должны будут нянчиться с нами и воссоздавать Германию заново, ибо без нашей помощи им не обойтись...

Фельдмаршал не ошибся. Немецким капиталистам еще предстояло «выступить вперед». По приказу из Нью-Йорка Уиллоуби в 1945 году протянул «руку помощи» наследникам пресловутого пушечного короля Круппа (выведен в романе под псевдонимом Ринтелена). И рурские магнаты начали выполнять роль младших партнеров «Амальгемейтед стил» в мощном объединении немецких и французских монополий под главенством американцев.

Так Уиллоуби подготовлял создание сверхкартеля угля и стали, который ныне по «плану Шумана» должен стать основой военно-промышленного потенциала американской агрессии в Европе.

Над Уиллоуби стоит генерал Фарриш, командир танковой дивизии и глава оккупационных войск в районе Креммена. Он возглавляет в романе ту военную иерархию «крестоносцев», которая внизу опирается на людей, подобных Дондоло. В лице Фарриша С. Гейм дал собирательный портрет американских милитаристов типа Маршалла, Эйзенхауэра, Брэдли, Макартура.

Фарриш еще во время войны с Германией помышлял насадить фашистскую систему и в Америке. Он намеревался выставить свою кандидатуру в сенат, а затем и в президенты. Он собирался управлять «сильной Америкой» с помощью «железного кулака».

Сегодня это становится явью. США — очаг фашизма, средоточие тех сил, которые хотят превратить сотни миллионов людей в бессловесных рабов Уолл-стрита.

Фашистской шайке Дондоло, Люмиса, Уиллоуби, Фарриша С. Гейм противопоставил честных людей: солдата Толачьяна, сержанта Бинга, лейтенанта Иетса, капитана Троя, полковника Девитта. Эти люди сражались во имя уничтожения фашизма. Они и тогда видели опасность победы фашизма в самой Америке. Из опыта войны они сделали правильный вывод: надо продолжать борьбу за мир, против реакции и фашизма в Америке.

Иетс многое понял и многому научился из коротких встреч с советскими людьми — с сержантом Ковалевым, который партизанил в немецком тылу во Франции, с советскими воинами за Эльбой. Страницы, где описаны эти встречи, принадлежат к числу лучших в романе.

С. Гейм написал свою книгу, чтобы помочь иетсам, троям и всем честным, мужественным американцам в их борьбе против поджигателей новой войны, против американских выучеников и преемников Гитлера. Однако автор допустил серьезную ошибку, которая, несомненно, мешает его читателям в США сделать до конца правильные выводы из истории «крестового похода» американского империализма в Европу. Он ничего не сказал о том, что в начале 1945 года только наступление Советской Армии спасло союзные войска от катастрофы. Он неверно изображает дело так, будто фарриши сами справились с немецким наступлением. Это, разумеется, существенно ослабляет силу разоблачения «крестоносцев» и «крестового похода».

Фарриши — брэдли и не хотели по-настоящему сражаться с фашизмом. Они видели в гитлеровских генералах будущих соратников в новой мировой войне. Битые гудерианами и рундштедтами, они немедленно по окончании войны с гитлеровской Германией взяли этих фашистских вояк к себе на службу и с их помощью готовят новую агрессию.

Разоблачить фарришей — брэдли до конца особенно важно теперь, когда позорная интервенция американского империализма в Корее показала, что правительство США перешло от политики подготовки агрессии к прямым актам агрессии; когда Западная Германия превращена в плацдарм американской агрессии и там создана наемная армия немецких ландскнехтов.

Книга «Крестоносцы» еще сильнее разила бы нынешних агрессоров, если бы была свободна от указанных нами недостатков. Но и в таком виде роман Стефана Гейма — полезное выступление в защиту мира во всем мире.

М. ГУС

[1] Стефан Гейм. КРЕСТОНОСЦЫ. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. М. 1950, стр. 695.

Дни нашей жизни

По самой сути своего труда очеркист должен рассказывать о злободневных фактах и явлениях нашей жизни. Возникает предположение, что любой, а особенно газетный очерк недолговечен.

Но это предположение ошибочно. Опыт творческой работы лучших мастеров советского очерка свидетельствует, что недолговечен только очерк-фотография, где дан мимолетный снимок действительности. Однако, когда очеркист выявляет глубинные процессы советской жизни, создает художественно-публицистические обобщения разрозненных случаев, очерк приобретает, так сказать, «иммунитет» против преждевременного увядания и длительное время спустя сохраняет силу воздействия на читателей.

Этому пример — несомненный успех сборников очерков Алексея Колосова, Ивана Рябова, Владимира Фоменко. Сейчас вышла книга очерков специального корреспондента газеты «Известия» Петра Белявского, известного бытописателя советской деревни.

В этой книге выразительно изображена жизнь нашей страны на протяжении без малого двух десятилетий: и первые колхозы, и победоносные битвы Великой Отечественной войны, и расцвет колхозной деревни в годы послевоенной пятилетки. Правда, здесь встречается очерковая «скоропись», случайные, не выдержавшие испытания временем, беглые зарисовки, но не это определяет лицо книги. В целом собранные в книге очерки освещают с разных сторон одну, политически очень важную тему — тему социалистического переустройства деревни. Это придает книге значительность и цельность.

«Уединенность крестьянина в глухой деревне, — писал Энгельс, — с немногочисленным, меняющимся лишь со сменой поколений, населением, напряженный однообразный труд, сильнее всякого крепостного права приковывающий его к земле, один и тот же труд из поколения в поколение, устойчивость и однообразие всех жизненных отношений, ограниченность жизненной сферы, при которой семья является для него важнейшим, решающим социальным моментом, — все это суживает кругозор крестьянина до самых тесных пределов, возможных вообще в современном обществе».

Большинство очерков Белявского, и притом самых лучших очерков, изображает процесс расширения общественно-политического и общественно-психологического кругозора советского крестьянина, рассказывает об освобождении от напряженного, однообразного труда на скудной единоличной делянке.

Из книги Белявского мы узнаем о том, как в «пшеничной столице» Балакове бригадир Тыщенко боролась за 180 пудов зерна с каждого гектара своего участка, как коммунисты кубанского колхоза имени Буденного мобилизуют творческие силы народа, вдохновляют людей на самоотверженный труд, на трудовые подвиги.

Один очерк Белявского так и назван — «Колхозный подвиг». Рассказано в нем, как «воронежское село Данково, веками пребывавшее в безвестности, прославилось на весь Советский Союз трудовым геройством своих жителей». Здесь секретарь парторганизации Рыжков, колхозницы Маруся Рыжкова и Екатерина Красикова, бригадир Мокшин, председатель сельсовета Пономарев побороли послевоенную поруху, суховеи, засуху и привели свой колхоз к процветанию.

Закономерно заключает книгу очерк «Плюс электрификация» — о технической зрелости нашей деревни, о строительстве в селе Кузьминское мощной гидростанции, о первых электротракторах, вышедших на рязанскую землю, — тех самых электроплугах, которые еще в 1921 году мечтал послать в деревню Владимир Ильич Ленин.

Кузьминский старожил Дмитрий Егорович Рожков говорил автору, что «электротрактор был для нас, колхозников, удивителен не тем, что он могуч и красив. Он и в мечтах наших представлялся таким ладным и сильным... А вот когда он дошел до края поля, где я стоял, да развернулся, да я глянул вслед плугу... Батюшки! Прет, а за ним жесткая наша земля вот так бурлит... как волна за винтовым судном».

Тот же очерк в расширенном и дополненном виде был напечатан в 4-й книге альманаха «Год 33-й». Это своего рода художественно-документальная монография под названием «Русское село». Здесь Белявский живо и разносторонне изобразил председателя Кузьминского колхоза Василия Степановича Говорушкина, смелого новатора, выдающегося организатора, настойчивого электрификатора деревни.

В коротком очерке «Плюс электрификация» образ Говорушкина дан, разумеется, более сжато, лаконично. Но и на ограниченной площадке газетного «подвала» автору удалось нарисовать яркую картину борьбы колхозников, в том числе и Василия Степановича, за техническое перевооружение своего артельного хозяйства. Перед нами как бы художественная иллюстрация к известным словам Ленина, что «если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии».

Книга Белявского заключает в себе целую «портретную галерею» талантливых представителей колхозного крестьянства, и в этом самая сильная сторона сборника. Люди здесь не выдуманы: они трудятся где-то неподалеку от нас, они имеют точный адрес. Несомненно, многие из читателей уже встречались или повстречаются в жизни с героями книги «Простые люди».

Конечно, не все в ней равноценно. Порою автор увлекается какой-то наивной красивостью, как бы не доверяя своим наблюдениям, старается «приукрасить» нашу действительность. Так, совершенно неудачен очерк «Феникс», где возрождение разоренных войною белорусских деревень символизировано сказочной птицей Феникс, сгорающей в своем гнезде и возрождающейся из пепла.

Право же, в современной нашей колхозной жизни больше истинной поэзии, чем в этой давней легенде. Белявский и сам знает об этом, отлично знает. Доказательство этому — очерк «Возрождение», где нет ни легенд, ни символов, но чувствуется и политический темперамент автора и его лиризм, где отлично выписан пейзаж. Ощутимы элементы ложной красивости и в очерке «Вино победы».

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы выходящие сборники наших очеркистов впредь были снабжены библиографическими указателями с точным обозначением: в каком году и в каком номере газеты был напечатан тот или иной очерк. Это послужило бы читателю верным ориентиром в днях нашей жизни, запечатленных сначала на газетном листе, а потом на страницах книги.

Вит. ВАСИЛЕВСКИЙ

Петр Белявский. ПРОСТЫЕ ЛЮДИ. Предисловие Ивана Рябова. Издательство «Известия». Москва. 1950. 265 стр.

Copyrighted material

АНСАМБЛЬ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Солистки Лидия Алексеева и Нина Ватугина исполняют шуточную казачью песнь. Баянист — Леонид Кашевский.

Цветные фото Г. Зельма

Бывшие участники Великой Отечественной войны Елизавета Орлова и Иван Руденко исполняют «Степную песнь».

На Кавказских минеральных водах в течение многих лет выступает ансамбль песни и пляски терских казаков (художественный руководитель — А. П. Вирцев).

Репертуар ансамбля обширен и разнообразен. Старинные песни и пляски ярко передают все своеобразие быта терского казачества прошлого столетия.

Жизнь в горах, постоянное соприкосновение с многочисленными народностями предгорий Северного Кавказа и Закавказья наложили известный отпечаток на народное искусство терских казаков. Отдельные черты в исполнении хоровых песен или подчеркнуто плавная проходка в женских плясках, когда движения ног танцующих почти неуловимы для глаза, чем-то напоминают о близком соседстве Осетии и Грузии. Но эти частности лишь оттеняют чисто русский размах, широту и казачью удаль терской песни и пляски.

Как великолепны, например, в мужских плясках смелые, высокие прыжки и сверкание клинков в воздухе, имитирующие лихую кавалерийскую рубку!

Основное место в репертуаре ансамбля занимают, однако, народные песни, сложенные в советское время. Среди них широко известная «Казачья дума о Сталине», задорная «Ставропольская урожайная», «Песнь о реке счастья», посвященная строителям Невинномысского канала, и другие песни. За последние годы в ансамбль влились новые талантливые певцы и танцоры — участники колхозной самодеятельности.

Ансамбль терских казаков известен и за пределами Северного Кавказа: многочисленные гастрольные поездки по Советскому Союзу принесли ему заслуженное признание.

Г. ЮДИН

Copyrighted material

Казачью пляску исполняет Евгений Мартынов.

Старейший солист ансамбля В. Ф. Гудзь под аккомпанемент Лидии Петровой поет русскую народную песню «Метелица».

(Об одноактной пьесе)

В. ВЛАДИСЛАВСКИЙ,
народный артист РСФСР

Непрестанный рост театральной самодеятельности — одно из проявлений глубокой заинтересованности нашего народа в искусстве.

Но все чаще мы слышим от режиссеров клубной самодеятельности, насчитывающей сотни тысяч участников, жалобы на недостаток репертуара. Режиссеры говорят: чтобы отобрать три—четыре удачных одноактных пьесы, приходится отбрасывать добрую сотню прочитанных, хотя бы и рекомендованных.

И разве до сих пор не попадают в клубы и самодеятельные кружки убогие, надуманные произведения, далекие от жизни, зачастую построенные на пустяковых интригах? Отсутствие подлинно жизненных конфликтов, упрощенное решение темы отличает многие одноактные пьесы «на злободневную тему».

В сотнях писем, ежедневно приходящих в адрес Домов народного творчества, руководители самодеятельных кружков просят об одном и том же — рекомендовать для постановки одноактную пьесу:

«Помогите найти одноактную пьесу, отражающую героический труд в колхозах, на заводах, показывающую наших замечательных людей!»

«Наш кружок уже поставил все одноактные пьесы Чехова. Очень хотим сыграть веселую советскую комедию. Посоветуйте, какую!»

Такие письма — неоплаченный счет нашим драматургам. А ведь хорошая одноактная пьеса становится достоянием тысяч кружков, и ее смотрят сотни тысяч зрителей!

Какая обширная аудитория для драматурга!

В малом раскрыть большое — таково творческое задание драматургу, создающему одноактную миниатюру. В короткой сценке со стремительно развивающимся действием и сжатыми, лаконичными диалогами он должен отразить правду жизни, обрисовать реальные характеры, передать подлинные чувства, глубокие мысли. Дело это нелегкое, но почетное и благодарное. За эту трудную задачу охотно брались в свое время наши ведущие драматурги — К. Тренев, Вс. Иванов, Н. Погодин. Пробовали свои силы В. Гусев, Н. Никитин, немало работали Ю. Болотов, А. Файко. Но сегодня в списке авторов новых одноактных пьес вы почти не встретите имен известных драматургов.

Перечень удачных и несложных для постановки маленьких пьес, доступных для самодеятельности, крайне невелик. В ответ на запросы из клубов можно порекомендовать «Горную сказку» Я. Апушкина, «Липочку» Н. Погодина, «Талые воды» К. Паустовского, «Самое дорогое» А. Ульянинского, «Приусадебный виноградник» Н. Зарьяна, «Победу» А. Васильева, «Мы говорим: нет!» Ю. Болотова, некоторые пьесы Т. Новиковой, вот, пожалуй, и все.

Перечисленные произведения написаны добротным литературным языком, интересны и цельны по содержанию; их любят исполнители, ценят зрители. Но разве может десяток пьес удовлетворить огромную потребность?

Некоторые коллективы за последнее время осуществили постановку целых спектаклей из одноактных пьес, объединяемых единой темой. Опыт этот представляет значительный интерес, как свидетельство зрелости самодеятельного театра.

Спектакль Центрального дома культуры железнодорожников в Москве, составленный из трех пьес, раскрывает тему борьбы двух миров. Первая сценка («Белый ангел» Ю. Никулина) переносит зрителей в один из американских штатов.

Том Блекси вместе с товарищем, таким же маленьким негром, пытается укрыться от преследований белых в саду сенатора Уайтсона. Мальчиков хотят линчевать за то, что они слушали по радио Поля Робсона, пели его песни, повторяли его рассказ об одной удивительной стране, где люди свободны и равны, какого бы цвета ни была их кожа.

В доме Уайтсона Том родился, его мать нянчила белокурую дочь Уайтсона Анджеллу. Прелестная Анджелла — «белый ангел», — зная, что другу ее детства грозит смерть, предает его толпе озверелых, пьяных палачей. Да и как она может поступить иначе? Ведь негры, обнаруженные в доме сенатора Уайтсона, скомпрометируют хозяев, а это отразится на делах фирмы: ее отец может разориться...

Молодые участники этой сценки сыграли ее правдиво и убедительно. Следующая за нею одноактная пьеса — «Мистер Джинс и Красная шапочка» И. Луковского — также разоблачает звериную сущность «американского образа жизни».

И будто струей чистого воздуха повеяло в зале, когда действие перенеслось из затхлого, насквозь прогнившего «Нового Света» в Москву и на сцене появились советские люди.

Сюжет этюда А. Кулика «Трое с Украины» несложен. В одну из московских гостиниц приходит журналистка, чтобы взять интервью у знатного стахановца, приведшего с Украины поезд с подарками столице. Администратор гостиницы ошибочно направляет журналистку к шахтеру Михаилу Лубенцу, вырубившему за месяц полторы тысячи тонн угля. Одновременно в гостинице остановилась колхозница из Сталинской области Наталья Тарасенко, которая вырастила по двести пудов пшеницы с гектара и привезла в столицу первую тысячу тонн. Когда в блокноте журналистки уже записаны две беседы со знатными людьми, выясняется, что поезд с подарками привел остановившийся в этой же гостинице машинист Сталинской дороги Виктор Чаус, занявший первое место в соревновании водителей. Кто же истинный герой, о котором должна писать журналистка?

— Найдется место для каждого,— решает она.— Сегодня они еще не знают друг о друге, а завтра их будет знать вся страна.

Теме борьбы двух миров посвящен и спектакль одноактных пьес, идущий в Доме культуры имени В. П. Чкалова, в Москве.

Обе постановки пользуются большим и заслуженным успехом. Режиссеры А. Азарх и А. Кашкин убедительно показали, что и в малой форме может быть полноценно раскрыта большая тема современности.

Но, к сожалению, возможности создания таких цельных по замыслу и актуальных по содержанию спектаклей у самодеятельности невелики.

Жанр маленькой пьесы развивается вяло, где-то на задворках нашей драматургии.

Одноактные пьесы редко подвергаются серьезному критическому разбору, общественному обсуждению. Стало традицией писать только о бездарных, посредственных, подчас анекдотических творениях халтурщиков и ремесленников, подвизающихся в жанре одноактной пьесы. Но ни разу не была напечатана хорошая одноактная пьеса в толстом журнале. Не исполняют этих пьес и по радио.

— Спектакль родится в тесном содружестве автора, актера, режиссера,— говорят драматурги.— Автор должен знать и видеть своего зрителя. Создайте театр одноактной пьесы, и мы будем писать для него.

В этом есть доля истины, и создание театра малых форм в Москве, а также в столицах союзных республик помогло бы делу. Не меньшую помощь оказала бы и постановка одноактных пьес в профессиональных театрах.

В русском театре издавна сложилась хорошая традиция, во многом, к сожалению, ныне утерянная: ставить наряду с крупными драматургическими произведениями одноактные пьесы и водевили. И как блистательно играли в маленьких сценках и водевилях великие русские актеры Щепкин, Варламов, Ленский, Давыдов! Чеховские одноактные шутки, запомнившиеся нам в исполнении замечательных мастеров Москвина и Тарханова, и сегодня остаются в репертуаре актеров-профессионалов и театральной самодеятельности.

Не пора ли восстановить забытую практику и добиться того, чтобы маленькая пьеса, хотя бы время от времени, появлялась на сценах наших театров?

И, наконец, Союз писателей должен всемерно добиваться тесной, повседневной связи драматургов с самодеятельными коллективами, непосредственного знакомства драматургов с условиями и реальными возможностями клубной сцены. От этого общения выиграли бы и автор и театральная художественная самодеятельность.

Создание репертуара для художественной самодеятельности рабочих и колхозных клубов, для армейских театральных кружков должно стать в центре внимания писательской общественности. Только при этом условии драматургия «малых форм» станет наконец отраслью советской литературы.

Сцена из одноактной пьесы А. Кулика «Трое с Украины» в постановке Центрального дома культуры железнодорожников. Слева направо: Наталья Тарасенко — Л. Горелова, журналистка — Н. Морева, администратор гостиницы — Л. Брюховкина.

Copyrighted material

АКТРИСА детских театров

В. А. Сперантова в роли Шуры Бадейкина — «Красный галстук» С. Михалкова.

(К 25-летию творческой деятельности артистки В. А. Сперантовой)

В. А. Сперантова в роли Вани Солнцева — «Сын полка» В. Катаева.

Это было в дни прошлых выборов в Московский Совет. В Свердловском районе столицы в депутаты баллотировалась актриса Центрального детского театра В. А. Сперантова. На плакатах с портретом и биографией кандидата можно было прочесть:

«Валентина Александровна Сперантова, верная дочь народа, отдает все свои силы и знания благородному делу коммунистического воспитания детей нашей социалистической Родины».

Вглядываясь в женский портрет в левом углу плаката, школьники называли женщину, кандидата в депутаты, мальчишескими именами Тимура, Вани Солнцева из «Сына полка» В. Катаева, Шуры Бадейкина — героя «Красного галстука» С. Михалкова и Дика — пятнадцатилетнего капитана из кинофильма по роману Жюля Верна.

А многим из матерей и отцов имя Сперантовой живо напомнило их школьные годы, волнующие впечатления от спектаклей тогда еще молодых детских театров, образ деревенского подпаска Егорки из пьесы А. Афиногенова «Черный Яр»...

Слава Сперантовой куда шире границ Москвы, перед детьми которой она выступает уже на протяжении четверти века. По всей стране знаком ребятам ее голос, в нем они узнают любимых героев радиопередач для детей. К Сперантовой приходят пачками письма из самых отдаленных краев нашей Родины, от почитателей ее таланта.

С роли Егорки началась слава Сперантовой. Двадцать два года назад она сыграла Егорку так, как еще никто до нее не играл детей. Успех ее был огромен. Молодой, безвестной актрисе скромного детского театра сделали тогда лестное предложение: перейти в МХАТ. Соблазн был велик. Но Сперантова подумала — и отказалась. Решила играть для детей.

Чем же так поразил всех ее Егорка? В этой роли Сперантова первая в детском театре отказалась от внешнего подражания ребенку и первая из актрис детского театра раскрыла душевный мир ребенка во всей его глубине, сложности, многогранности.

С тех пор неизменно радует жизненность, правдивость ее игры. В созданных актрисой образах каждый из юных зрителей узнает своих сверстников. Они пишут Сперантовой письма, адресуясь к тем, кого она играет: «Дорогой товарищ Ваня Солнцев!», «Здравствуй, Шура Бадейкин!». А более двадцати лет назад, после «Черного Яра», ей писали: «Здравствуй, Егорка!»

За четверть века жизни в искусстве Сперантова сыграла свыше пятидесяти ролей. Герои ее многообразны, и всех их роднит одно — высокая душевная потребность служить народу.

Многие из образов, созданных Сперантовой, останутся в истории советского театра. Таким был героический, борющийся с врагами Родины деревенский подпасок Егорка из «Черного Яра». Такова Панюшка — десятилетняя героиня из «Единой боевой», ребенок, проходящий в годы гражданской войны боевую школу жизни. Тот, кто видел Сперантову в «Единой боевой», легко мог представить себе советскую женщину-патриотку, государственного деятеля, каким со временем станет ее Панюшка. С большим мастерством, нисколько не овзросляя образа, актриса показывала, как в ребенке созревает человек-гражданин.

Значение и сила искусства Сперантовой не только в том, что она обладает даром исключительно правдиво изображать на сцене детей. В создаваемом образе актриса всегда показывает возможности, заложенные в ребенке, как бы раскрывает в нем будущего человека. Силой своей игры она побуждает юного зрителя задуматься о собственном жизненном пути, о том, кем ему быть, о назначении человека.

Есть глубокая внутренняя связь между идейным замыслом образа Вани Солнцева и образа Шуры Бадейкина. И Ваня и Шура — оба потеряли в годы войны родителей, остались без семьи. В горькой истории их много сходного. Актриса раскрыла перед зрителями судьбу осиротевших детей. Их счастье в том, что советский ребенок не знает страха перед жизнью, того самого страха, который уродует простого человека в капиталистическом мире. Никакие личные беды, никакие горести не могут сломить уверенности нашего ребенка в будущем. Никакие несчастья личной жизни не могут преградить ему прямую дорогу в будущее!

К дням своего юбилея артистка создает для радиоспектакля образ героического юного партизана — керченского пионера Володи Дубинина, героя книги Кассиля и Поляновского «Улица младшего сына», — стойкого, отважного, целеустремленного, верного народу подростка.

Средствами своего благородного искусства Валентина Александровна Сперантова направляет мысли юных зрителей и их чувства к великой цели — жить во имя Родины и народа.

Э. МИНДЛИН.

Они улыбаются Ване Солнцеву, которого играет Сперантова. Двадцать лет тому назад их родители с таким же восторгом смотрели Сперантову в роли Егорки.

Copyrighted material

Будущее

Рассказ

Мухаммед Али ЭСЛАМИ

Рисунок В. Высоцкого

У Али Кера болели глаза. Правда, для жителя Хазар-Абада в этом не было ничего особенного. Каждый год с наступлением лета глазами страдали чуть ли не все жители Хазар-Абада.

Но у Али Кера глаза продолжали болеть и осенью и зимой — болели всегда: днем и ночью.

Эта болезнь распространена во всем Тебесском районе, а Хазар-Абад является ее очагом. Все способствует ее широкому распространению: отсутствие врачей и медикаментов, соленая вода, раскаленный ветер из пустыни Кевир, запущенная, грязная общественная баня, обильная угольная копоть, насквозь пропитавшая воздух Хазар-Абада,— жители здесь занимаются главным образом выжиганием угля.

Али Керу не было и сорока лет, но его болезненное лицо уже сплошь изрезали морщины.

Из всех земных сокровищ у него были: осел, который его очень любил, жена, которую сам Али Кер очень любил, две дочери, горячо любившие отца и сильно привязанные к ослу, и сын, грудной младенец.

Жилищем для всех служила старая, заброшенная конюшня, длинная-предлинная. А вся домашняя утварь состояла из кемаджданa[1] без крышки, чайника с поломанной ручкой, двух чашек (блюдца от них служили чашками детям), большой деревянной ложки, медной миски, потрепанного лоскутного одеяла, узорной шали, простой шали, чуть пошире первой (ею по ночам укутывали то детей, то осла), и разной другой мелочи: старых подков, ножа, серпа... Были еще две курицы, впрочем, их ведь нельзя причислять к домашней утвари.

За исключением широкой шали, которая неизвестно кому принадлежала — ослу или детям,— все это добро было собственностью супруги Али — Амине Ниса. Все это она принесла в дом мужа в виде приданого. Даже одежда Али, кроме шапки, которую он выиграл, побившись с кем-то об заклад, принадлежала ей, потому что была куплена на ее деньги.

Как одевались дети? Но детям, собственно, одежда вообще не нужна: мальчишка лежал в люльке, младшей девочке платьем служила старая юбка матери — она окутывала ее с головы до ног и даже очень к ней шла,— и лишь у старшей девочки было настоящее платье, которое она купила на заработанные ею деньги, и старое белье, доставшееся ей от сестры помещика. Конечно, ей нужны были и чаргад[2] и чадра... Но дома эти предметы туалета не нужны, а выходя из дому, она покрывалась чадрой матери.

Низенькие перегородки, кое-как сооруженные Али и его женой, делили дом, то есть конюшню, на три части: одна из них служила хлевом для осла, во второй хранилось сено, а в третьей жили люди — Али с семьей. Куры свободно разгуливали по всему «дому».

На мой взгляд, это была счастливая семья: налогов она не платила, взрослого сына, которого могли бы взять в солдаты, у них не было, не было также и взрослой красивой дочери, которую мог бы преследовать помещик. Желудки их были приучены к голоду, а тела — к жаре и холоду. Конечно, то была вполне счастливая семья, и покой ее нарушила только затянувшаяся болезнь глаз у Али.

Этого никак нельзя было предвидеть. Раньше Али работал, и семья прекрасно жила, не умирая с голоду. А как быть теперь, когда Али не может больше работать? Ведь это не шутка: уже четыре месяца и девять дней продолжается невыносимая резь в глазах! И кто знает, когда она прекратится! Зима, грудной ребенок, долги... Хуже всего эти долги. Долг помещику, долг мельнику, долг хекимбаши[3], долг ростовщику, долг лавочнику, долг москательщику, и еще долг, и еще...

Одним словом, положение незавидное. Почему изменило им счастье?! Неужели такова воля всевышнего? Нет, не может быть! Али и его жена по мере сил выполняли свой долг по отношению к аллаху. Правда, когда боль в глазах усиливалась, Али не совсем правильно и не так отчетливо мог читать молитву во время намаза, но ведь, во всяком случае, он молился. И все посты он соблюдал. Ну, а если при чтении роузе[4] Али иногда и дремал, то все же глаза его увлажнялись. Амине Ниса тоже отдавала все свои помыслы аллаху. Дети же были еще слишком малы, чтобы грешить. Так почему же всевышний отвернулся от них?

А может быть, их кто-нибудь сглазил? Да, это вернее всего! Люди завистливы. А в доме осел, за одну ездку доставляющий в город по 30 ман[5] угля, в доме расторопная жена, которая успевает не только управиться со всеми домашними хлопотами, но и подработать на стороне, в доме трое детей — а вот староста Хазар-Абада мечтает иметь хоть одного, да не дает ему аллах... Такой завидный домашний очаг, ну, конечно же, могли сглазить!

Приступы острой боли длились у Али иногда по восемнадцати часов в сутки. Обычно у других боль усиливалась к вечеру, мучила их до наступления ночи, а затем постепенно стихала, и больной в состоянии был уснуть. А у Али Кера приступ боли начинался в сумерки, длился всю ночь и все утро до полудня, потом боль слегка утихала, чтобы вновь разыграться к вечеру. А когда пища бывала особенно скудной, мучительная, режущая боль не оставляла его по целым суткам. Во время приступа глаза начинало жечь, казалось, что все сосуды немеют и ни одна слезинка не смягчает боли. Как будто кто-то насыпал песку и колючек в глаза! Боль становилась невыносимой. В такие часы Али, сидя на полу, раскачивался всем телом, как ученик медресе, или метался по комнате, или клал голову на колени жене в надежде хоть слегка облегчить свои муки. А когда боль становилась совсем нестерпимой, он обматывал голову чадрой жены, выбегал из дому, бродил по улицам, взывая к аллаху, и, наконец, обессилев, возвращался домой и почти без чувств валился на пол.

Днем и ночью слышались его жалобные стоны. Жители деревни были вконец измучены его болезнью: казалось, что его боль передавалась всем, кто встречался с ним.

— Ну, как дела, Али? — спрашивали его люди.

— Да никак, вот слепну я. Ах... не знаю... что мне делать!

Что ему было делать? Ничего! Кататься по полу от боли, скулить, как раненая собака, да взывать к аллаху... «Почему это так случилось?» — спрашивал себя Али. «Но нет,— вдруг решал он,— не буду роптать. Мо-

[1] Кемаджлан — особая посуда для хранения хлеба.

[2] Чаргад — головной платок.

[3] Хекимбаши — старший лекарь.

[4] Роузе — траурная молитва по святым мученикам.

[5] Ман — мера веса.

Copyrighted material

жет, это всевышний хочет испытать меня. Вот шейх Фазлолла сказал же в мечети, что аллах испытывает своих рабов...»

И Али начинал молиться вслух, вознося хвалу аллаху: «Благодарю тебя, всевышний, хвала тебе! Ох... страшно мне, ослепну я! Именем пяти душ прошу тебя: не отнимай у меня света! Дети помрут с голоду. Никто им куска хлеба не даст... А долги, долги!..»

Али вошел в дом и заплакал. Из больных глаз, обжигая их, текли мутные слезы. Они текли все сильней и сильней. Будущее, беспросветное, безжалостное будущее, как голодное чудовище, раскрывало перед ним свою страшную пасть. Что же ему остается делать? Плакать? Продать осла? Если продать осла, то как жить дальше, а если не продавать осла, то как быть с долгами? Ведь осел — кормилец, опора семьи.

До сих пор за четыре с лишним месяца болезни Али еще ни разу не плакал. В начале болезни ему не приходилось так тяжело: можно было терпеть. Но сегодня Али серьезно задумался. Его не покидали мрачные мысли. Мысли... Они одни могут сломить человека, свести его с ума.

В комнате была только младшая девочка.

— Пап, отчего ты плачешь? — спросила она и тоже громко заплакала.

Тогда Али встал, заходил по комнате, с трудом успокоился и спросил у девочки, который час.

— Скоро по... полдень...

— Не плачь, родная... Где мать?

— Не знаю... А тебе очень больно?

— Нет, детка... легче стало. Я схожу к хекимбаши, а ты не плачь. — И он погладил ее по головке шершавой ладонью.— Ну, я пойду к хекимбаши.

— И я с тобой...

— Нет, ты продрогнешь, побудь дома.

Али обмотал голову платком и пустился в путь по знакомой улице. Стоял жестокий холод, без снега, без дождя — обычная зимняя погода в солончаковых районах.

Пройдя несколько улиц, Али подошел к лавке хекимбаши. Сын сапожника Сейед Аскер-хекимбаши сначала, как и Али, был угольщиком, потом поступил в конюхи к старосте, затем стал москательщиком и, наконец, «старшим» лекарем — хекимбаши. Теперь он был одновременно и врачом, и аптекарем, и москательщиком. На прилавке у него лежали две толстые книги, а в разговоре он то и дело вставлял: «Мы, врачи старой школы...»

Али поздоровался с ним еще с порога. В лавке сидело на полу несколько человек. Али прислонился к косяку и стал ждать. Когда посетители вышли из лавки, он снова почтительно поздоровался.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил хекимбаши.

— Все так же, арбаб [1]... Помогите мне: боюсь, ослепну.

Хекимбаши, размотав платок на голове Али, дотронулся пальцем до его века, потом вывернул его и стал внимательно рассматривать.

— Испорчены твои глаза, Али Кер, тебе надо идти в город. Хоть и не верю я в нынешних врачей, а все же попробуй. Будь, что будет!

— Арбаб, я надеюсь только на бога и на вас.

— Но я не могу тебя вылечить. Может, даст бог, в Тебесе поправишься. Одним словом, я не могу тебе помочь.

— Арбаб, вся надежда на вас!

Хекимбаши взял одну из книг, раскрыл ее, перевернул несколько страниц. Помедлил. Затем, взяв лупу, снова уставился в книгу, медленно покачал головой, захлопнул ее и сказал:

— Нет, здесь тебе не станет лучше. Отправляйся в город. На, возьми это лекарство и промой им глаза... Мы, врачи старой школы...

— Арбаб!

— Иди скорей в Тебес, там, может быть, выздоровеешь, а деньги по счету принеси поскорее.

— Арбаб, мне не на что лечиться в городе.

— Ну, а мне-то какое дело!..

Али медленно вышел из лавки, накинул на голову платок и поплелся домой. Хекимбаши бросил ему вдогонку:

— Деньги поскорей принеси... да ешь побольше меду, кокосового масла, побольше пей молока, японского чаю...

Всю дорогу Али шел ощупью, спотыкаясь и падая. Человек, который теряет последнюю надежду, подобен слепому, особенно, когда вопрос «что делать?» тяжелым камнем гнетет его.

Али пришел домой.

— Сбегай-ка к дяде Хусейну, — сказал он дочери. — Передай привет и скажи, чтобы заглянул к нам.

Девочка накинула чадру матери и вышла.

— Ну, был у хекимбаши? — спросила жена.

— Говорит, не поправлюсь я здесь. Надо, говорит, в город идти.

— Как это не поправишься здесь? Все люди здесь поправляются, а ты один должен в город идти?

— Не знаю...

— А я знаю! Он еще денег хочет!

— Надо будет продать нам осла... боюсь, ослепну я.

— Зачем продавать, почему? Ты с ума сошел! Он один нас кормит. Продать, а потом всем с голоду помирать?

— Долгов у нас очень много, счета им нет...

Амине Ниса промолчала.

— Ну, а потом — аллах велик, — продолжал Али. — Если глаза у меня пройдут, я буду больше работать и опять купим осла. Не знаю... Другого выхода нет...

Амине Ниса погрузилась в молчание. Потом, вздохнув, ответила:

— Ладно, продавай. Был бы ты только здоров, как-нибудь обойдемся... у кого-нибудь еще займем...

В другом конце конюшни заревел осел. Али вздрогнул. В этот момент вернулась девочка в сопровождении дяди Хусейна. Поздоровались.

— Как дела, Али?

— Слава аллаху, Хусейн, ничего. Я вот хочу тебя побеспокоить...

— Ну, какое там беспокойство!

— Продай нашего осла. Хекимбаши говорит, что здесь глаза не вылечить, надо, говорит, в город идти... И долгов у нас очень много.

Погрев руки у очага, Хусейн ответил:

— Другого такого ты не достанешь... больно уж хорош... да что же, тебе виднее. Вот Абдаль Хусейн Джафар хотел осла купить, да и Рагим Асадолла тоже — вчера я его повстречал — говорит, околел его осел. Посмотрю, предложу всем, кому нужно. Цыгане появились тут, может быть, они купят.

— Лучше уж цыганам продать: сразу уведут его отсюда, и легче будет.

Амине Ниса хлопотала у очага — пекла лепешки. Старшая девочка хранила молчание. Младшая вмешалась:

— Пап, не продавай осла!

— Молчи, детка, вот я получу за него деньги и куплю тебе красное ситцевое платье.

— Не хочу я платья, не продавай осла!

— На эти деньги мы купим лекарство, чтоб у твоего отца не болели глаза, — ответил Али.

И девочка замолчала. Хусейн вышел и через полчаса вернулся с двумя цыганами. Один из них был молодой, высокий, с длинными вьющимися волосами; другой — постарше. Хусейн прошел с ними в хлев. Осел спокойно жевал солому, но, заслышав незнакомые шаги, поднял голову. Цыган помоложе окинул его быстрым взглядом, подошел ближе, раскрыл ослу пасть и осмотрел зубы.

— Очень стар, — пробормотал он и потрогал пальцами копыта.

Цыган постарше, подойдя к ослу, заглянул ему в большие черные глаза. Цыгане заговорили по-своему. Девочки Али изумленно наблюдали за ними.

— Хорошее животное, — начал Хусейн, — по 30 ман угля доставляет в город за одну ездку, другого такого нет в Хазар-Абаде.

— Возраст у их милости солидный, — ответил молодой цыган.

Али Кер, которому после полудня стало немного легче, сидел у очага. Может быть, он дремал, а может быть, думал... думал... Вдруг его охватила дрожь.

— Братец, выведи-ка его на улицу, посмотрим, сойдемся или нет, — повернулся молодой цыган к Хусейну. Тот вывел осла. Услышав стук копыт, Али тоже вышел.

— Сколько ты хочешь за ослика, братец? — обратился молодой цыган к Али.

— А сколько дашь? Да хорошо ли ты его рассмотрел?

— Староват он...

Али осторожно подошел к ослу, положил руку ему на спину, оперся и ответил:

— Корми его ячменем, будет возить столько же, сколько мул.

Молодой цыган ловко вскочил на осла и проехался, осматривая его со всех сторон. Результаты испытания его явно удовлетворили. Наконец он спросил:

— Хорошо, но ты так и не сказал, сколько за него хочешь?

— Такой скотине цена 200 туманов, да я вам за 180 уступлю.

— Ну, видно, ты не хочешь его продать, — засмеялся цыган постарше. — Сто восемьдесят туманов! Да за такие деньги человека можно купить!

Поторговались еще.

— Ну, а последняя цена?

— Если б не моя болезнь, ни за что не продал бы, он кормилец наш, клянусь своими детьми...

— Клясться нечего, Али, — перебил молодой цыган, — даю 80 туманов. Согласен?

— Восемьдесят? Нет, милый, видит аллах, 200 туманов ему цена. Туркменский осел... Ну, бери за 170.

— Да в своем ли ты уме? Если согласен, бери 80, а не то — прощай!— И, кивнув другому цыгану, пошел прочь.

— Вернись, братец! Не пожалеешь, — позвал Али, — говори последнюю цену.

Цыгане вернулись.

— Последнюю? — Цыган постарше взял Али за руку. — Давай поладим, отдавай за 90, не стоит он большего.

— Нет... — тихо возразил Али,— не отдам... Осел, как мул, и такого отдать за девяносто?

— Да не хочет он вовсе продавать, не видит своей выгоды, идем! — крикнул молодой цыган.

У Али бессильно повисли руки. Словно какая-то сила, может быть, та самая, что страшной темной завесой отделила от него весь мир, приковывала его теперь к цыганам, мешала сказать решительное «нет».

— Ну, чего тянешь? Соглашайся, еще пять туманов прибавим, идет? И теперь не хочешь? Видит аллах, некогда нам торговаться! — продолжал цыган.

Хусейн хотел что-то возразить, но цыган помоложе опередил его:

— Не хочет, пойдем. Вынужденная сделка не приносит добра.

— Вот мое последнее слово, — снова заговорил цыган постарше, — и все должны согласиться. Больше я ничего не скажу, сами понимаете. Отдавай за 100 туманов! По рукам! Нечего долго думать! Ну как, идет, что ли?

Ударили по рукам. Цыгане завладели ослом со всей его сбруей. Девочки залились слезами.

Наступил вечер. Все было, как обычно. Очень просто и очень обычно. Али, как и каждый вечер, сидел, раскачиваясь от боли, стонал и вздыхал. Младшая девочка спала. Старшая клевала носом у очага. Мальчик устало сосал тощую грудь матери, но, как и каждый вечер, молока в ней не было. Дымила головешка. Давно погасла коптилка... Все было просто и обычно. Не слышно было только за стенкой осла. Это было уж необычно. И совсем не просто... Будущее!.. Будущее!..

Перевод с персидского
Э. ФРАНГУЛОВОЙ

[1] Арбаб — хозяин (вежливое обращение).

Copyrighted material

Спасибо, учитель!

Леонид БРАСЛАВСКИЙ

В зале бассейна стоял оглушительный крик: «Владимир! Володя!» Судьи в белых костюмах поглядывали то на плывущих, то на секундомеры. Казалось, даже блики воды играют на кафельных стенах бассейна ярче и резвее, чем обычно...

Крики зрителей все нарастали. Молодой пловец, плывущий на боку, все больше отрывался от трех других. Стремительные движения пловца заставляли верить в его превосходство. Чувствовалась равномерная поступательная сила, четкий, бесперебойный ритм и, что поразительнее всего, неутомимость! Пловец не сбавлял темпа. А между тем он прошел уже почти двести пятьдесят метров из трехсот.

Соревнующиеся приближались к стенке. Еще один поворот, и они пойдут последние пятьдесят метров. Владимир Землянский коснулся рукой стенки и неожиданно для всех остановился, перестал плыть... Шедший следом за ним чемпион страны Карманов стремительно приближался. На мгновенье воцарилась тишина, а затем зрители вскочили с мест, и крики: «Плыви, плыви!» — загремели с новой силой.

Нельзя было оставаться хладнокровным в такой момент. Вероятно, таких хладнокровных и не было среди зрителей и судей, но, конечно, острее всех должен был волноваться учитель, воспитавший пловца.

Высокий, худощавый, с сединой в темных волосах, он сидел у самой воды с секундомером в одной руке и с записной книжкой в другой. Среди семидесяти учеников Ивана Алексеевича Сучкова Володя Землянский был самым любимым.

...Три года назад, когда ученик шестого класса средней школы Вова Землянский пришел к нему в «Спартак» и сказал, что хочет стать пловцом, Сучков не знал, что ответить мальчику. Маленький рост, втянутые плечи, косолапая походка... Весь облик этого полудеревенского парнишки из московского пригорода Черкизова противоречил представлению о пловце. Но мальчик был как будто крепкий, и Иван Алексеевич, который никогда не отказывал желающим заниматься, вздохнув, сказал:

— Ну что же, приходи.

Сначала Сучков пытался обучить Вову «кролю». Но из этого ничего не получалось. Тогда Иван Алексеевич предложил:

— Попытайся на боку. Руки попеременно, ноги ножницами...

На боку дело пошло. Три раза в неделю Землянский аккуратно приходил в бассейн и прилежно выполнял указания тренера. Он плавал на пятьдесят, потом на сто метров, но время показывал слабое и, что было гораздо хуже, очень туго улучшал его. Однако осенью у Землянского появилась и скорость. Результаты становились все лучше. Зимой он выполнил норму первого разряда на сто метров. Это был огромный успех. Он совпал с другим радостным событием в жизни подростка — окончанием семилетки.

Впервые Володя провел лето на юге, на море, в обществе лучших пловцов Союза. Он и сам все больше начинал походить на заправского пловца. Тело его крепло, все выпуклей, красивее обозначались мышцы. Осенью, начав заниматься в физкультурном техникуме Министерства трудовых резервов, Землянский пришел к Ивану Алексеевичу и сказал:

— Я беру социалистическое обязательство по учебе. Посоветуйте, Иван Алексеевич, что взять по спорту...

Сучков, подумав немного, ответил:

— Берись выполнить норму мастера спорта.

Но проходили дни, одна тренировка сменялась другой, а результаты не улучшались. В тысячу первый раз стрелка секундомера у Сучкова застывала на одной и той же черте. Совместные усилия ученика и учителя ни к чему не приводили, и Землянский все более неохотно выполнял указания Ивана Алексеевича...

Надо было немедленно найти путь, как сдвинуться с места. Сучков напряженно думал об этом. Однажды, войдя в бассейн, он увидел, что Землянский плывет в несвойственной ему манере, с завалом на грудь. Так плавал чемпион страны Карманов. Вот почему Володя последнее время ходит на все его тренировки! Значит, он утратил веру в своего учителя.

— Хочу попробовать по-кармановски, — смущенно сказал Землянский, не глядя на Ивана Алексеевича.

— Ну что же, — как всегда, спокойно ответил учитель, — попробуй.

Но после каждого заплыва результаты становились все хуже. И тогда Иван Алексеевич сказал:

— Володя, это не твой стиль. Ты сошел с верного пути.

Прежде всего учитель решил добиваться мягкости движений ученика, той исключительно целесообразной работы рук и ног, когда пловец, продвигаясь вперед, не прорывает пленки воды. Но, пожалуй, больше всего пришлось потрудиться над распределением скорости в заплыве, над тем, чтобы, начав дистанцию быстро, не заканчивать ее медленно, как это происходило обычно, а сохранять скорость до конца.

Тренер давал задание: первые сто метров плыть минуту двадцать секунд, вторые сто метров — на секунду быстрее, третьи — еще на секунду быстрее. Постепенно, с каждым занятием заданная скорость возрастала, и Землянский, не теряя ритма, без всякого напряжения показывал все лучшие результаты. Юноша хорошо чувствовал время в движении и проходил заданные отрезки с точностью до десятой доли секунды...

Наконец-то они достигли того, к чему долгое время стремились. Молодой пловец приобретал совершенную технику. Кроме плавания на боку, он хорошо овладел и другими способами — кролем, брасом, баттерфляем.

В марте нынешнего года в соревнованиях на первенство Москвы Землянский выполнил норму мастера спорта. Его результат на дистанцию в триста метров был всего лишь на одну секунду хуже всесоюзного рекорда. Довольного, радостного, его поздравляли товарищи. Но все в один голос, словно сговорившись, добавляли:

— Жаль, что не сбросил секунды!

Действительно, за последние пятнадцать лет рекорд в плавании на боку улучшался трудно и медленно — всего лишь на десятые доли секунды.

Через два дня после первой большой удачи был объявлен проплыв на побитие рекорда, и Землянский точно уложился в график, разработанный для него тренером. Всесоюзный рекорд был превзойден на 3,7 секунды!

...И вот теперь тренер с секундомером и записной книжкой, устроившись у самой воды, вновь следит за каждым движением своего ученика. Володя Землянский легко и стремительно заканчивает двести пятьдесят метров. Остается еще пятьдесят. Юноша касается рукой стенки бассейна...

Иван Алексеевич засек время и торопливо раскрыл записную книжку. Мгновенная тишина, а затем невероятный шум поразили его слух. А когда он поднял голову, Землянский уже продолжал заплыв. Иван Алексеевич тотчас догадался, что произошло: его ученик сбился со счета. Решив, что он закончил дистанцию, Землянский прервал заплыв. Такие случаи бывают. А Карманов тем временем почти сравнялся с ним.

Иван Алексеевич вдруг испугался: что если его ученик бросится вперед и собьется с темпа? Но нет. С поразительным хладнокровием юноша продолжал заплыв. Точно так же, как и раньше, стремительно взлетала над водой его рука, быстро и четко работали ноги.

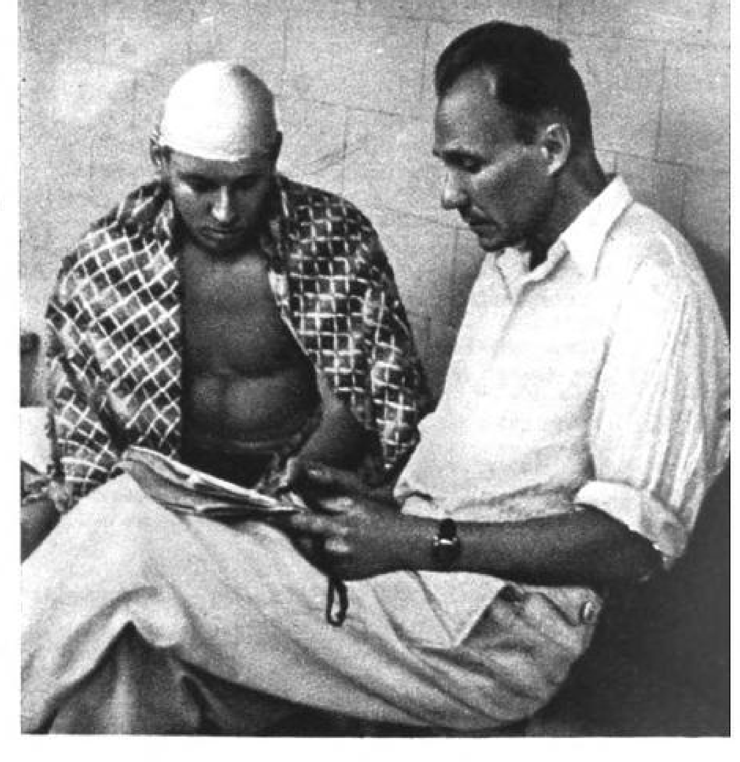
Чем меньше оставалось метров до финиша, тем тише становилось в бассейне. И вдруг снова взрыв аплодисментов. Владимир Землянский первым коснулся стенки бассейна.

— Три минуты сорок девять и одна десятая секунды! Новый всесоюзный рекорд! — объявили судьи.

И это несмотря на то, что семнадцатилетний мастер прервал заплыв, потерял время!..

Когда новый чемпион Советского Союза добрался, наконец, до Ивана Алексеевича, он был заметно смущен. Видно было, что ему хотелось сказать очень многое, но произнес он только два слова:

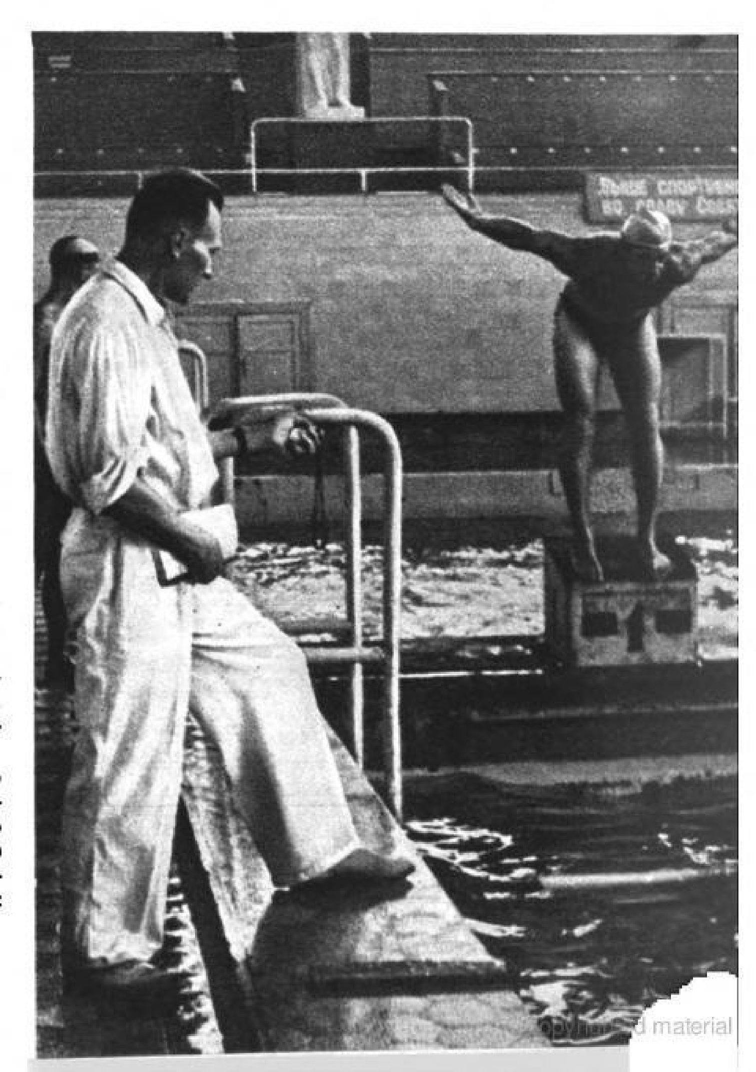
— Спасибо, учитель!



Владимир Землянский и его тренер Иван Алексеевич Сучков.

В. Землянский на старте.

Фото А. Бочинина



МКЕРДАОБА

Всадники сближаются.

Первое столкновение.

Фото М. Квирикашвили

В воскресный день Сухуми почти опустел: все устремились на ипподром, расположенный около села Эшеры. Проявило огромный интерес к соревнованиям и население окрестных сел.

126 всадников — шесть команд — оспаривали первенство 1950 года. Проводились игры в цхен-бурти — конный теннис, в исинди, когда всадники стремятся поразить друг друга деревянным дротиком, в доги — скачки с препятствиями на 2 километра, в марула — скачки на дистанцию в 10 километров. Напряжение зрителей достигло предела, когда по радио было объявлено, что начинаются соревнования по мкердаоба.

Мкерди — по-грузински «грудь». Мкердаоба — «грудь на грудь». Сущность игры состоит в том, что кони, умело управляемые всадниками, наступают друг на друга, грудь на грудь, корпус на корпус. Кто окажется сильнее и выбьет противника за черту, ограничивающую поле, тот и победитель. Бьются только кони, всадники не должны касаться друг друга.

В далекие времена эта игра — битва коней — была одной из излюбленных у воинов Грузии. Абхазские организации восстановили по рассказам стариков, по литературным источникам условия игры и впервые показали ее на осенних соревнованиях.

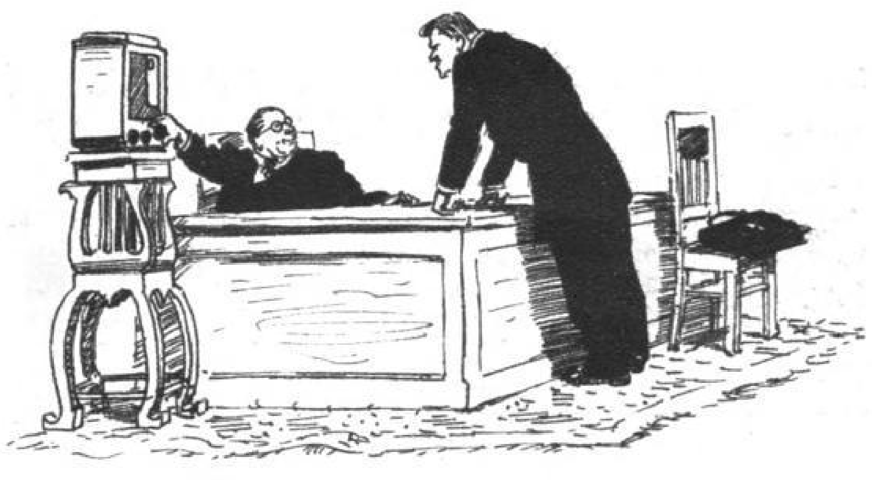
По сигналу судьи всадники идут на сближение, зорко поглядывая друг на друга и выжидая момента для рывка. Вот наступил острый момент. Лошади взвиваются на дыбы, теснят друг друга... одна из них попятилась. Воспользовавшись этим, противник решительным наскоком выбивает ее за черту. Победа!

Схватка может продолжаться не более 10 минут, но часто она длится всего 2—3 минуты.

Так возродилась старинная конная игра.

Н. НОВИЦКИЯ

Copyrighted material



Громоотвод

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунок А. Каневского

Все началось с приемника. Приемник у Николая Петровича Бирюкова великолепный, самой последней марки, с загадочным изумрудным глазом. Он стоит на красивой подставке по правую сторону от внушительного письменного стола и всем своим отполированным до зеркальности видом свидетельствует о необычайной любви Николая Петровича к культуре.

Николай Петрович приемником пользуется не часто. Наибольшую нагрузку чудесный аппарат несет лишь в часы, отведенные для приема посетителей. Если посетитель приятный и ничем не досаждает, приемник действует под сурдинку, почти шепотом. Но если посетитель пришел с трудно выполнимой просьбой или, еще того хуже, с жалобой, тогда Николай Петрович, повертывая регулятор громкости наполовину, приговаривает:

— С удовольствием бы, дорогой товарищ, но не могу, ничего не могу для вас сделать... Вам следует обратиться к товарищу Селиванову.

Случается, что недогадливый гость, услышав хор имени Пятницкого или беседу для крестьян, все же кабинета не покидает. Тогда Николай Петрович довертывает регулятор громкости до отказа. На грохот появляется секретарь Нина Бабкина и деловито говорит:

— Николай Петрович, вас ждут.

И вот все это налаженное хозяйство начало приходить в упадок. Сначала выбыла из строя, схватив на катке радикулит, Нина Бабкина.

Затем вышел из строя приемник. Необходимо отметить, что это событие произошло за неделю до совещания актива, где Бирюков должен был выступать с отчетом. Заведующие отделами и секторами еще только готовили начальнику всевозможные справки, а он уже волновался: как-то пройдет этот злополучный день, кто выступит с критикой и откуда, с какой стороны ждать наиболее сильного удара.

...Радиотехник Миша Капустин появился как раз в тот момент, когда Николай Петрович перечитывал сводку о торговле товарами местного производства. Сводка была явно неутешительной, и поэтому Николай Петрович охотно оторвался от нее и заинтересовался радиотехникой.

— Посмотри, братец, что это у меня с ним...

Миша ловко отвернул заднюю крышку и мрачно ответил:

— Кенотрон погиб.

Миша порылся в чемоданчике и, достав лампу, уже улыбаясь, сказал:

— А вы не беспокойтесь.

Сменив лампу, Миша заодно проверил весь приемник, провод, идущий к антенне, заземление. Внимание Николая Петровича привлек небольшой рубильничек, прикрепленный около окна. Миша охотно, со всем пылом начинающего специалиста, объяснил:

— Это грозовой переключатель. Антенна у вас высокая. Допустим, надвигается гроза. Молния, как известно, ударяет в самые высокие предметы. Ударит она в вашу антенну, и придет вашему приемнику каюк, или, говоря по-научному, конец. А вот эта штучка вас и спасает. Как вы ее вниз переключили, электрический разряд, или, как говорят несведущие люди, удар, уйдет по громоотводу в землю.

Свое популярное изложение Миша закончил кратким, но бодрым утверждением:

— Если во-время переключили, никакая гроза не страшна.

По уходе радиотехника Николай Петрович взялся за сводку о колхозной торговле, и им вновь овладели грустные мысли:

— Нет, эта туча меня не минует. Разрядится... А если...

Тут взгляд Николая Петровича упал на грозовой переключатель, и новая мысль, как молния, осветила его предприимчивую голову.

— Совершенно верно! Прения надо организовать. Направить критику по желаемому руслу. Блестяще! Почему я об этом раньше не подумал? Кому начать? Алешина об этом просить нельзя: высмеет. Гусаков мог бы хорошо сказать, но уж очень он принципиален. Надеждиной... Куда там! Она не постесняется и ляпнет перед всем честным народом, что я ее об этом просил.

Кому же? А если...

Через короткое время перед Бирюковым стоял заведующий учетом Иван Яковлевич Катков. О характере Ивана Яковлевича мнения были самые разноречивые. Одни называли его неисправимым подхалимом, другие считали недалеким, а третьи говорили, что он так себе: ни богу свечка, ни чорту кочерга.

И вот сейчас он стоял перед Бирюковым и поеживался от неизвестности. Помолчав несколько минут, начальник сказал:

— Ну, что вы стоите? Садитесь.

Катков осторожно опустился в кресло.

— Я с вами, Иван Яковлевич, давно побеседовать собираюсь по личному вопросу. Не нравится мне ваше поведение...

На бедного Ивана Яковлевича жалко было смотреть. Но Бирюков, не замечая душевных переживаний подчиненного, продолжал в том же тоне:

— Да, да, очень не нравится. Какой-то вы, простите, пришибленный. Нет у вас... этого, как его... чувства собственного достоинства. Всегда вы во всем со мной заранее согласны, никогда не возражаете. А ведь я тоже не без греха. Вот у нас через неделю актив. Почему бы вам не выступить с критикой?..

— Что вы, Николай Петрович, где уж мне, какой из меня оратор!..

— Вы себя не знаете, Иван Яковлевич. Может быть, вы не просто оратор, а скрытый трибун? Взяли бы да и высказались.

— О чем, Николай Петрович?

— Да разве мало у нас недостатков? Возьмите, к примеру, промтоварный сектор или колхозную торговлю. А разве мало непорядков по местным товарам? Вы человек опытный, вам и карты в руки. Покажите, что вы личность самостоятельно мыслящая. В общем, как говорят, невзирая на лица. Я вам некоторые данные подброшу для ориентировочки.

Едва озабоченный экономист дошел до двери, как Николай Петрович повернулся к приемнику. Откуда-то издалека грянула игривая мелодия.

...Через неделю зал заседаний был заполнен до отказа. Отчетный доклад Николая Петровича был выслушан с гробовым молчанием, и лишь один раз, когда Бирюков упомянул о своей любви к критике и самокритике, по рядам пронеслась легкая зыбь смеха. Затем начались прения. К всеобщему удивлению, первым попросил слова Иван Яковлевич Катков. В зале стало тихо. Поднявшись на трибуну, Катков торопливо разложил тезисы и начал речь.

Сначала он говорил тихо, слегка заикаясь. Уделив несколько минут общим рассуждениям, Катков перешел к вопросу о задержке калькуляции цен на товары местного производства.

— Разве это порядок, когда готовые цены лежат по два месяца неутвержденными?

Из зала послышалось:

— У кого лежат?

Иван Яковлевич, не обращая внимания на реплику, продолжал:

— А ведь можно было сразу утвердить, без всякой волокиты.

Тот же голос настойчиво спросил:

— Кто должен утверждать?

Катков оторвался от тезисов и посмотрел в зал. На него смотрели несколько десятков внимательных, испытующих глаз. Слева от стола президиума донеслось постукивание карандаша. Иван Яковлевич посмотрел на Бирюкова и вспомнил, как много раз он ходил к нему справляться о ценах. И вдруг, неожиданно для себя, он громко сказал:

— Ну, кто? Разве вы сами не знаете? Николай Петрович... Кто еще, кроме него, имеет право утверждать?

Снова тот же голос одобрительно произнес:

— Правильно, товарищ Катков!

Дальше пошло что-то уж совсем невероятное. Иван Яковлевич спокойно продолжал:

— А долго ли их утвердить? Полчаса. А цены и товары лежат. Это не порядок, а безобразие!

Еще больше удивились слушатели, когда Иван Яковлевич добрался до колхозных рынков:

— У нас не рынки, а сплошное умопомрачение. Вы думаете, что у нас средств на благоустройство нет? Есть! Но их надо во-время распределить.

Бирюков написал председателю анонимную записочку о том, что, дескать, надо придерживаться регламента. Председатель, поняв, от кого исходит намек, перебил расходившегося оратора, заявив, что его время истекло. Но зал ответил таким единодушным «продлить», что сразу стало ясно и без голосования: Каткова слушают с удовольствием.

А он конец речи посвятил персонально Николаю Петровичу. И откуда он только набрался таких справедливых, но очень обидных слов?!

— Да разве так настоящие руководители поступают? Где это видано принимать людей, развалившись в кресле, а посетителю даже стула не предложить?! А каково до него добираться? Куда там! Сейчас еще можно кое-как, потому как главного стража, Нины Бабкиной, нет. А при ней лучше не соваться.

Аплодисменты гремели до тех пор, пока Иван Яковлевич, кончив речь, шел до своего места в самом последнем ряду. Вторым выступил Алешин, за ним Гусаков, потом Надеждина. Каждый, выйдя на трибуну, считал своим долгом упомянуть:

— Как правильно сказал товарищ Катков...

Давно уже Бирюков не выслушивал того, что преподносили ему сегодня.

От заключительного слова он отказался и промямлил, что очень благодарен всем за критику.

Настоящее заключительное слово Бирюков произнес после, у себя в кабинете. Единственным слушателем его страстной речи был, конечно, Катков.

— Нет, вы мне, пожалуйста, объясните, кто позволил вам топтать мое имя?

Сначала Иван Яковлевич по привычке начал робко оправдываться:

— Вы же сами изволили команду дать. Смелее, невзирая на лица, без зазрения, а теперь упрекаете.

— Меру надо знать, а вы... В общем, заставь чудака богу молиться, он и лоб расшибет.

Этого Иван Яковлевич не стерпел. В ушах его еще звенели аплодисменты, перед глазами стояли сочувственные лица сослуживцев. Он впервые явственно ощутил могучую силу коллектива, весомость общего уважения. Он выпрямился и отчеканил:

— Собственно говоря, по какому праву вы со мной так разговариваете?

Бирюков настолько оторопел, что даже не слышал, как за Катковым захлопнулась дверь. Николай Петрович по привычке повернулся всем своим плотным корпусом вправо и, включив ток, довернул регулятор громкости до отказа. Из приемника послышался слабый треск. Николай Петрович вспомнил, что он переключил грозовой переключатель на громоотвод.

Copyrighted material

Крылатый товарищ

В этот день с океана дул сильный, порывистый ветер. Словно зеленое море, колыхались мягкие лапы лиственниц.

Орлица улетела в поиски корма на дальние сопки. В ее отсутствие с верхушки замшелой пихты из гнезда выпал орленок. Едва оперившийся птенец притаился в зарослях кустарника. Здесь его нашел загорелый, с обветренным лицом изыскатель, приехавший с экспедицией на север сахалинской тайги.

В палатке, разбитой у подножья сопки, на берегу озера, поросшего огненными цветами тигровых лилий (саранок), орленок обрел новое жилище. Дико поглядывал он на собравшихся людей. Молодой хищник не хотел принимать пищу, но подобравший его Алексей — малоразговорчивый высокий юноша — нашел способ сближения с орленком. Заботливо сложив ватник в уголке палатки, он сделал для своего питомца подобие гнезда. Взяв затем охотничье ружье, он ушел в тайгу и вскоре принес куропатку. Птенец жадно хватал из рук Алексея мясо.

Прошел месяц, и птенец стал превращаться в красивую, сильную птицу, имевшую размах крыльев свыше метра. Орленок привыкал к человеку. Он сопровождал его по лагерю, важно прыгая вслед за своим другом. Если в палатку заходил посторонний, птица с клекотом, поблескивая глазами, наступала на пришельца. Сильный клюв и острые когти внушали уважение к пернатому «телохранителю».

Когда Алексей к закату солнца появлялся на тропе, возвращаясь с работы, молодой орел спешил ему навстречу, словно верный пес. За ужином он прохаживался за спиной Алексея в ожидании своей порции пищи.

...Наступила пора, когда орленок пытался взлетать: стоя на земле, он подолгу махал крыльями, словно пробуя свои силы. Потом, забравшись на пенек, планировал на землю.

— Подстриги ему крылья! — советовали товарищи Алексею. — Улетит твой дикарь!

А через несколько дней орел, почувствовав уверенность, взлетел на палатку, а оттуда — на дерево. Затем красивая птица, набрав высоту, плавно пролетела над озером, держа путь к вершинам гор...

Грустно глядел ей вслед Алексей... Но орел вернулся. Покружив над лагерем, он опустился у ног изыскателя. Начиная с этой ночи орел стал ночевать на лиственнице, недалеко от палатки. Теперь, завидя на тропе своего воспитателя, он кружил над ним, провожая до озера.

По утрам, перед выходом на работу, он веселил рабочих; гремя жестянками около кухни, молодой орел проверял содержимое консервных банок и при случае озорно вырывал лакомый кусок у зазевавшейся стряпухи. Как-то с высоты орел высмотрел добычу: кусок пунцового туалетного мыла, оставленного кем-то на берегу озера, он принял за мясо и, ринувшись с высоты, проглотил. Птица долго вертела головой, освобождаясь от коварного лакомства.

...Однажды в прозрачный солнечный день ранней сахалинской осени, когда лимонно желтеют лиственницы и зеленые мхи пестреют красными прядями брусники, орел не вернулся домой.

Один из рабочих экспедиции сообщил:

— Орла подстрелил недалеко от лагеря незадачливый охотник, которого слишком близко подпустила привыкшая к людям гордая птица.

Вл. МИНКЕВИЧ

Северный Сахалин.

Обо всем

Ежегодно на землю падают миллионы миллионов тонн воды в виде дождя и снега. Если всю эту воду собрать в одну тучу на высоте в один километр, то в ней будет заключена энергия, для получения которой на земле нужно было бы сжечь миллиарды тонн нефти.

☆ ☆ ☆

Интересна эволюция лошади. Ее древнейший ископаемый предок был величиной с лисицу, следующий — размером с волка, а один из сравнительно близких ее предков был уже величиной с осла.

☆ ☆ ☆

Принято было считать, что глубины моря безмолвны. Однако при выслушивании специальными гидроакустическими приборами оказалось, что это неверно. В некоторых морях мелкие рачки, издающие сильный звук трением лапок, и рыба квакун вызывают в морской пучине шум примерно такой же, какой стоит в... клепальном цехе!

☆ ☆ ☆

Небольшие метеориты, которые можно видеть только в телескопы, попадая в земную атмосферу, светят с силой всего в одну пятидесятую свечи, то есть не ярче светлячка. Метеориты, сила света которых достигает миллиона свечей, называются болидами. Видимая яркость таких болидов иногда сравнима с яркостью полной луны, и они бывают видны даже днем. Некоторые болиды, как, например, гигантский болид 12 февраля 1947 года, по силе света превосходили даже солнце.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Задача

Н. Пустынников (Ленинград)

Белые начинают и запирают простую черных.

Этюд

З. Цирик (Харьков)

Белые начинают и выигрывают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Учет народонаселения. 5. Руководитель крестьянских восстаний на Украине в XIX веке. 10. Резчик, воспроизводящий рисунок на твердом материале. 11. Здание железнодорожной станции. 14. Лесной сторож. 15. Копьеобразный снаряд для охоты на крупных морских животных. 16. Публичный спор на научные темы. 17. Каменноугольный период. 19. Опера композитора Бизе. 20. Специалист, достигший высокого умения в своей области труда. 24. Медицинское учреждение. 25. Столичный драматический театр. 28. Плод субтропического дерева. 31. Крупный кустарник. 32. Истина. 35. Слово, являющееся названием строго определенного понятия. 36. Великий русский актер. 37. Город-герой. 40. Союзная республика. 41. Хрупкое прозрачное вещество. 42. Теория ораторского искусства. 43. Русский ученый, один из основоположников аэродинамики.

По вертикали:

1. Вьющееся растение. 2. Степень высоты и силы голоса. 3. Музыкальный инструмент. 4. Съезд, собрание представителей массовой организации. 6. Положительный электрод. 7. Узор, составленный из разноцветных камешков или кусочков стекла. 8. Житель фантастической страны из «Путешествия Гулливера». 9. Жилое помещение. 12. Шестигранник. 13. Человек, совершающий путешествие. 18. Персонаж из сказки Андерсена «Соловей». 21. Приспособление для сиденья. 22. Маленький язык. 23. Литературное произведение в переводе В. А. Жуковского. 26. Распространитель идей. 27. Млекопитающее из отряда китов. 29. Камень космического происхождения. 30. Летчик. 33. Математический знак. 34. Восхищение, радость. 38. Снаряд в легкой атлетике. 39. Водоплавающая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

3. Молодость. 7. Петров. 8. Акация. 9. Смородина. 11. Санки. 13. Галка. 16. Настройка. 18. Крузо. 19. Дрейф. 21. Экспериментатор. 26. Аквариум. 27. Бычок. 28. Павленко. 29. Местожительство. 33. Глина. 34. Спирт. 35. Результат. 36. Очерк. 38. Кроль. 40. Антоновка. 43. Москва. 44. Клевер. 45. Егорьевск.

По вертикали:

1. Водоем. 2. Стакан. 4. Достопримечательность. 5. Репин. 6. Тимол. 9. Синоп. 10. Агава. 12. Алоэ. 14. Кедр. 15. Жуковский. 17. Белинский. 18. Каталог. 20. Фагоцит. 22. Скунс. 23. Рубеж. 24. Накал. 25. Тракт. 29. Матч. 30. Терка. 31. Сотка. 32. Осел. 37. Ершов. 39. Омлет. 41. Навага. 42. Колосс.

Подумай!

ТОЛЩИНА АЙСБЕРГА

Корабль, плывущий в северных водах, повстречался с айсбергом (ледяной горой). Один из пассажиров корабля, увидев его, сказал: «Вот так «льдинка»! В ней не меньше десяти метров высоты». Стоявший рядом с пассажиром моряк поправил: «Не десять, а верных сто метров будет».

Прав был моряк. Как он определил высоту айсберга?

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ В № 41

ЧИСЛОВЫЕ ГИГАНТЫ

Это «трехэтажный» гигант из известной задачи-шутки: 9^{9^9}. Число это приблизительно равно $4 \cdot 10^{369\,693\,099}$ (четыре на десять в триста шестьдесят девять миллионов шестьсот девяносто три тысячи девяносто девятой).

Запись его будет в двадцать с лишним раз длиннее «числа Курта Лассвица» и, следовательно, займет свыше двадцати томов.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

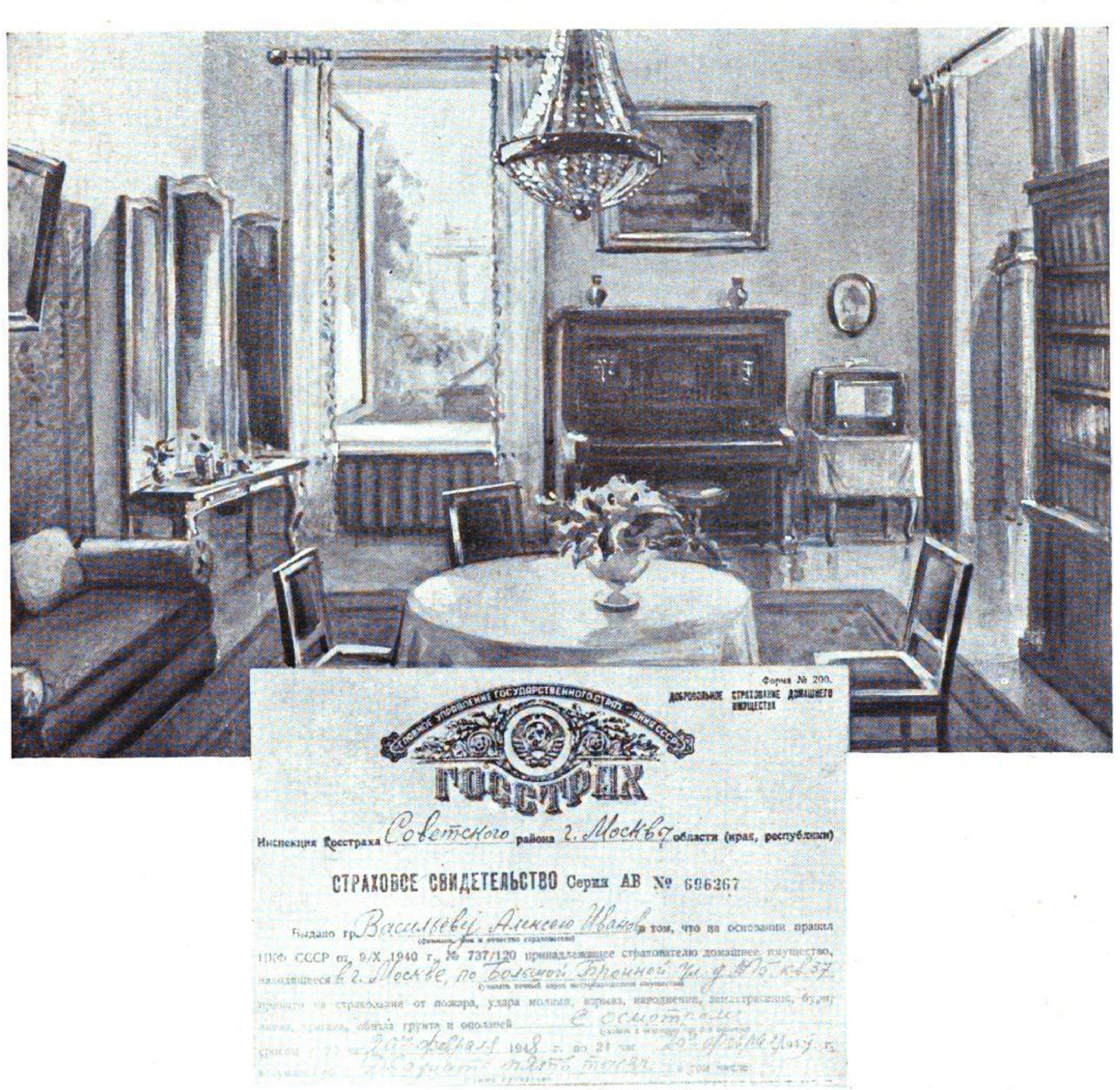
Оформление И. Уразова.

А — 07143. Подписано к печати 10/X 1950 г. Изд. № 658. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2543. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Copyrighted material

ГОССТРАХ ПРИНИМАЕТ НА ДОБРОВОЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО



ГОССТРАХ ВОЗМЕЩАЕТ УБЫТКИ,

ПРОИСШЕДШИЕ ОТ ПОЖАРА, НАВОДНЕНИЯ, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ И ДРУГИХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА!

Для заключения договора страхования обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

Copyrighted material

Цена 3 руб.